

А. В. СМОЛИН

А. В. СМОЛИН

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Серия «НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. В. СМОЛИН

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
С51

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

*Д. Д. Беляев, Т. В. Гимон, И. О. Ермаченко, А. А. Исэров,
А. Ю. Карачинский (ученый секретарь), Н. Н. Крадин,
П. Ю. Уваров (председатель), Т. А. Филиппова (зам. председателя)*

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор *В. И. Ушаков*

Смолин А. В. Взлет и падение адмирала Колчака. — СПб.: Наука, 2018. — 239 с.

ISBN 978-5-02-039687-6

Героем данной книги является одна из самых противоречивых фигур российской истории начала XX века — адмирал Александр Васильевич Колчак. Вне зависимости от того, кем представляли его друзья или враги — спасителем России или человеком, сыгравшим в ее истории крайне негативную роль, Колчак давно превратился в символ Белого движения в годы Гражданской войны. Профессор А. В. Смолин (Институт истории СПбГУ) представляет читателю биографию реального человека — русского офицера и политического деятеля смутного времени.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов и всех интересующихся российской историей.

© Смолин А. В., 2018
© Издательство «Наука», серия «Научно-популярная литература» (разработка, оформление), 2018
© Палей П., оформление, 2018

ISBN 978-5-02-039687-6

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

Федор Тютчев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Написание биографии исторического деятеля — процесс весьма трудный и, может быть, неблагодарный. У многих читателей о том или ином персонаже уже сложилось определенное представление, к тому же под воздействием средств массовой информации, которые создают образ того или иного лица в угоду существующей политической конъюнктуре, не сообразуясь с исторической реальностью. Кого бы из «замечательных» людей мы бы ни взяли, все это личности многогранные, со своими достоинствами и недостатками. Поэтому нам следует их не столько судить, сколько стараться понять их поступки и, главное, время, в которое они жили, и не оценивать их с позиции сегодняшнего дня.

Героем данной книги является такая противоречивая фигура, как адмирал Александр Васильевич Колчак. Он и генерал Л. Г. Корнилов превратились в символы Белого движения в годы Гражданской войны. Эмигрантская литература приложила немало усилий, чтобы сделать адмирала национальным героем. Нешуточные баталии разыгрываются в оценках личности Колчака и в наши дни. Опять политическая конъюнктура — развенчание большевизма — превалирует над реальным человеком. Адмиралу ставят памятник в Иркутске — и выступают против установления мемориальных досок в Петербурге. Отпускают средства на десятисерийный фильм «Адмирал», по сути — на ничего не имеющую с действительностью «клюкву». Предпринимаются попытки к его

реабилитации в судебном порядке. Этому, по мысли автора и ее издателей, должна послужить книга С. В. Дрокова «Адмирал Колчак и суд истории». В аннотации к ней указано, что она призвана формировать новые духовные ценности возрождающейся России. В книге В. В. Синюкова Колчак назван «великим флотоводцем и неудачливым политиком».¹ И если с последним утверждением можно согласиться, то первое страдает явным преувеличением. Как мы видим, оценки адмирала весьма противоречивы. Однако «певцы» белого дела забывают о той оценке, которую давали крестьяне и рабочие Сибири колчаковщине. Любые безобразия, творящиеся на местах, широкими кругами населения всегда связываются с центральной властью, поскольку ее агенты всегда действуют ее именем. В связи с этим было бы недурно разобраться, хотя бы в первом приближении, в этой личности, прежде чем объявлять ее «духовной ценностью России».

К настоящему времени вышло достаточно много литературы, посвященной А. В. Колчаку. Это и публицистика, и монографии, различные по своему качеству. Среди эмигрантской литературы следует выделить книгу крупного русского историка С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака», изданную в 1930—1931 гг. в Белграде и охватившую события Гражданской войны в Сибири. Она не потеряла своего значения и по сей день, по использованным в ней источникам.

Из публикаций последнего времени следует сказать о биографии А. В. Колчака, написанной П. Н. Зыряновым «Адмирал Колчак, верховный правитель России». Несмотря на то что книга вышла в серии «Жизнь замечательных людей», она имеет солидный научно-справочный аппарат и автор вводит в оборот новый материал, извлеченный из российских архивов. Хотя в некоторых случаях Зырянов и не избежал определенной идеализации, при описании жизни и деятельности Колчака.

В представленном на суд читателей популярном издании биографии адмирала автор попытался показать реального человека, Александра Васильевича Колчака, однако достигнуть этого не так-то просто. Описание того или иного человека,

созданное с опорой на документы и другие материалы, только приближает нас к действительно существовавшему персонажу, но не может дать абсолютно точного его портрета. Будем надеяться, что данная книга станет небольшим шагом по направлению к реальному, а не мифологизированному адмиралу Колчаку.

Автор выражает глубокую признательность Б. М. Витенбергу и начальнику отдела публикаций РГА ВМФ Л. И. Спиридоновой за помощь в работе над рукописью и высказанные соображения.

ГЛАВА 1

ВЫБОР ПУТИ

4 ноября 1874 г. у штабс-капитана морской артиллерии Василия Ивановича Колчака и его жены Ольги Ивановны родился сын, которого назвали Александром в честь Александра Невского. Крестили мальчика 15 декабря того же года в Троицкой церкви села Александровского Санкт-Петербургского уезда.¹ В настоящее время церковь находится на проспекте Обуховской обороны и известна под названием «Кулич и пасха» из-за своеобразной архитектуры. В марте 1938 г. ее закрыли, в ней располагался клуб завода «Большевик». С 1946 г. здание передано русской православной церкви. Помимо сына у семьи Колчаков были дочери Екатерина (1875 г. р.) и умершая в младенчестве Любовь.

Василий Иванович Колчак, родившийся в 1837 г. в Одессе, был потомственным дворянином Херсонской губернии, хотя, по семейным преданиям, их род восходит к коменданту турецкой крепости Хотин — Илиас-паше Колчак. Василий Иванович учился в Ришельевской гимназии. С началом Крымской войны он поступил на службу в морскую артиллерию Черноморского флота и оказался в Севастополе. За боевые заслуги его наградили солдатским «Георгием». Во время последнего штурма Севастополя он получил ранение и попал в плен. После окончания войны В. И. Колчак вернулся в Россию и окончил Институт корпуса горных инженеров. Дальнейшая его судьба оказалась связанной со сталелитей-

ным Обуховским заводом, производившим орудия для военно-морского флота, там он дослужился до чина генерал-майора. Его жена — тоже одесситка, дочь потомственного почетного гражданина Ольга Ильинична Посохова. Жили они в селе Александровском, около Обуховского завода.²

До 1885 г. Александр Колчак воспитывался дома, получая домашнее образование под руководством отца и матери, когда его отец подал прошение директору 6-й Петербургской классической гимназии о допуске к приемным испытаниям своего сына. Выдержав вступительные экзамены, Александр был зачислен в гимназию.³ В ней А. Колчак проучился три года. Его успехи в науках оказались весьма посредственными, и, видя, что классические науки плохо даются сыну, Василий Иванович решил определить его в Морское училище. В 1888 г. он подал прошение о зачислении Александра в подготовительный класс, куда его и приняли.

В училище дела у Александра пошли значительно лучше. И уже в 1894 г. он значится первым в списке выдержавших экзамен четвертого класса гардемарин. За успехи в учебе ему присудили премию имени адмирала Рикорда в 300 рублей.⁴ В училище А. Колчак стал любимцем своих товарищей, благодаря как знаниям, так и привычке помогать обратившимся к нему за помощью. Так, унтер-офицер в выпуске Колчака 1894 г. Д. В. Никитин вспоминал об этом времени: «В третьей роте корпуса идет вечернее приготовление уроков. Ярко горят керосиновые лампы, и за своими конторками, уставленными вдоль стен длинной комнаты, примыкающей к южному концу знаменитого Столового зала, сидят кадеты и зубрят.

Среди легкого, как шелест листьев, шума, неизбежного, когда несколько десятков людей занимаются наукой, до меня доносится чей-то негромкий, но необыкновенно отчетливо произносящий каждое слово, как бы отпечатывающий каждый отдельный слог, голос: „Прежде всего, ты должен найти в пятой таблице величину косинуса“...

Кадет среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычным южным типом лица и орлиным носом поучает

подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием. Видимо, синусы и косинусы не входят в число его очень близких приятелей, но так фанатически убежденно звучит слегка картавящий голос bruneta, подкрепляемый широким жестом руки, что и „пятая таблица“, и „величина косинуса“ невольно делаются для поучаемого знакомыми, реальными величинами.

Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: „Надо Колчака спросить“ <...> Моя конторка в нескольких шагах от Колчака. Я смотрю на него и думаю: „Где я видал раньше подобное лицо аскета, с горбатым носом и горящими пламенем фанатизма глазами?“ И вдруг вспомнил: это было на картине, где был изображен Савонарола, произносящий на площади одну из своих знаменитых речей». ⁵ Впоследствии это сходство подмечалось современниками. ⁶ Помимо классных занятий, в программу обучения входило практическое плавание на учебных судах. Так, с 1890 г. по 1894 г. Колчак провел в учебном плаваньи по финскому заливу и Балтийскому морю 472 дня. ⁷

После окончания корпуса, в ноябре 1894 г., А. В. Колчака зачислили в 7-й флотский экипаж и уже в марте молодого мичмана посылают в Кронштадт для обучения штурманскому делу. ⁸ С 5 мая 1895 г. начинаются ежегодные плавания Колчака, вплоть до 1900 г., на различных судах, в должности вахтенного начальника и младшего и старшего штурмана. ⁹ Во время заграничных походов он заинтересовался изучением Желтого и Японского морей, штудировавшие к этому времени труды. Изучая их, он убедился, что сведений об этих морях мало, даже для навигационных целей. Однако больше всего Колчака заинтересовали Берингово и Охотское моря. В эти же годы корабли, на которых ходил Колчак, часто заходили в японские порты. В Японии он заинтересовался философией буддизма.

Через четыре года у молодого офицера сложилось довольно скептическое отношение к порядкам, установившимся на

военных судах. Его не устраивала плохая подготовка личного состава и малая практика в плавании, ввиду дороговизны организации походов военных кораблей. По его мнению, на русских судах служили, а следовало жить. Плавание он рассматривал как жизнь, а не службу, на которую смотрят как на нечто преходящее. В связи с этим Колчак не раз подумывал об уходе из военного флота на коммерческие суда. «Тем не менее, — писал он, — я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место, но я не мог никогда согласиться со многими деталями постановки этого дела у нас во флоте».¹⁰ Несмотря на скептицизм к установившимся во флоте порядкам, любовь к военному делу брала верх.

Жизнь офицеров на кораблях не отличалась особым разнообразием. Вахты, обучение личного состава, заходы в те или иные порты, рестораны портовых городов с их весьма доступными женщинами. В мае 1899 г. корабль «Крейсер», на котором служил А. В. Колчак, пришел в Кронштадт. Здесь он хотел попасть на ледокол «Ермак», уходивший в плавание в Северный Ледовитый океан под командованием вице-адмирала С. О. Макарова, но опоздал, так как возвратился за два дня до ухода судна в плавание. В Петербурге он узнал о подготовке Русской полярной экспедиции барона Э. В. Толля, однако ответ последнего на просьбу Колчака принять его в состав экспедиции был крайне неопределенным, тогда он подал рапорт о переводе в Сибирский экипаж. В связи с этим его зачислили на броненосец «Петропавловск», который уходил в Тихий океан.

Рождество 1900 г. А. В. Колчак встречал в греческом порту Пирей, оставив о нем крайне негативное высказывание: «Я не знаю более скверного и противного для меня места, чем этот порт сквернейшей страны, какой я знаю, и где наши суда стоят неизвестно зачем очень долго».¹¹ Пребывая в дурном расположении духа, он подумывал об уходе с флота, с тем чтобы отправиться на англо-бурскую войну. Однако в этот раз судьба повернулась к нему лицом. В один из дней стоянки в Пирее он получил телеграмму от своего сослуживца лейтенанта Ф. А. Матисена, с предложением участвовать

в Русской полярной экспедиции барона Э. В. Толля, и Колчак, недолго думая, согласился. Благодаря усилиям президента Академии наук великого князя Константина Константиновича, высшее военное начальство в Петербурге отдало распоряжение о списании Колчака с «Петропавловска» и об отправке его в столицу.

9 января А. В. Колчак выехал из Пирея и в середине месяца прибыл уже в Петербург. Его зачислили на шхуну «Заря», которая предназначалась для экспедиции, в качестве 2-го помощника капитана. Началась трудная и хлопотливая работа по подготовке к плаванию. В нее, что называется, молодой офицер ушел с головой, забывая подчас и о приобретении личных вещей для похода в северные широты. В этом смысле очень показательно письмо его отца Василия Ивановича к сыну, в котором он писал: «Милый и дорогой Саша. Из вчерашнего разговора я случайно узнал, что все члены Полярной экспедиции запасаются в большом количестве бельем, в особенности носками, вещами, более всего изнашивающимися, кроме того, вязаными шерстяными камашами,* во всю ногу по длине. У тебя ничего этого нет, кроме одних шерстяных камаш, которые тебе отослали, да и те не особенно длинные. Пришли сегодня список белья и теплых вещей, Катя все это для тебя купит. Надо же подумать об этом, дорогой Саша.

Сердечно желаю тебе всего наилучшего, в ожидании скоро тебя увидеть.

Искренно тебя, любящий твой

В. Колчак».¹²

Командиром судна назначался лейтенант Н. Н. Коломийцев, а его помощниками лейтенанты Ф. А. Матисен и А. В. Колчак. Зоологом экспедиции стал сотрудник Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля, астрономом и магнитологом Ф. Г. Зеберг, врачом Г. Э. Вальтер. Помимо основной экспедиции имелась еще и вспомога-

* Так в документе. Имеются в виду гамаша.

тельная из 11 человек во главе с геологом К. А. Волосовичем инженером-технологом М. И. Брусневым.

Экспедиция Э. В. Толля направлялась на поиск земли Санникова. Земля Санникова получила свое название по имени якутского промышленника и землепроходца Я. Санникова, который якобы видел в 1810—1811 гг. во время осмотра островов Новая Сибирь, Фадеевский и Котельный неизвестную землю с высокими горами. Впоследствии многие исследователи пытались ее найти, но безрезультатно. В существование этой земли долгие годы верили многие путешественники. Одним из них был барон Э. В. Толль. Посещая о. Котельный в 1885—1886 гг. и в 1893 г., он видел на севере отчетливые контуры четырех гор и считал, что это и есть загадочный остров, замеченный Санниковым. Идея открытия острова не покидала Э. В. Толля в течение всей экспедиции, однако получить ответ на этот вопрос не удалось. Вполне вероятно, что это была «земля», в основе которой лежал многолетний лед и непрочный илистый песчаный грунт, размытый со временем морем. Вместе с тем у экспедиции имелась и более грандиозная задача — пройти за две навигации Северным морским путем через Берингов пролив, прийти в Тихий океан и закончить переход во Владивостоке.

Хотя экспедиция готовилась Академией наук, однако ни четкой научной программы, ни научных инструкций не существовало. Ясная научная программа отсутствовала и у начальника экспедиции барона Толля. К тому же не были разграничены и функции командира «Зари» и начальника экспедиции, что затем привело к ряду ненужных конфликтов.

В Петербурге с командой «Зари» пришлось попрощаться немного родных и близких. Из Кронштадта экспедицию на катере вышел проводить адмирал Макаров с супругой. Ни в столице, ни в России широкие круги населения и даже интеллигенция не знали об этом событии. Во время плавания «Заря» заходила в Христианию. Здесь Колчак виделся с известным норвежским исследователем Арктики Ф. Нансеном, посетил его лабораторию в университете. Вскоре шхуна вошла в Екатерининскую гавань полуострова Рыбачий для по-

полнения запасов и отдыха. Население нового порта произвело на Колчака неприятное впечатление — он смотрел на этих людей свысока. «По свойствам это население, состоявшее из отбросов и всякой сволочи, не особенно гармонировало с новым портом, — писал Колчак. И далее он продолжал: — Для погрузки угля наняли какую-то сволочь, из местных обывателей».

В Екатерининской гавани произошел и первый крупный разлад в экспедиции между командиром «Зари» и начальником экспедиции. Суть его состояла в непонимании некоторых особенностей морской службы гражданскими лицами. «Мы, т. е. моряки, — говорил Колчак, — слишком насмотрелись на так наз[ываемый] береговой отдых, прощания и прочее. Я лично смотрю на это, как на вполне естественную вещь — съехала команда на берег и напилась до потери сознания, и отлично. Лишь бы, вернувшись с берега, гуляющие не позволяли бы себе безобразий на судне и не привезли с собой спирта, а что делается на берегу, это безразлично». Продолжим рассказ Колчака о случившемся. «Съехавшая в этот несчастный вечер команда устроила проводы двум своим товарищам, результатом чего было усиленное пьянство и безобразия на берегу, кончившиеся, как всегда, дракой и ножами. Случай самый обыкновенный и для нас не имел никакого значения — завтра мы должны были уходить в море, и все кончилось бы. Но на барона Толля эта драка с ножами произвела, по-видимому, очень тяжелое впечатление». Результатом этого инцидента стал серьезный разговор между Н. Н. Коломийцевым и бароном Толлем, последствием которого стало распоряжение начальника экспедиции о списании Коломийцева. Колчак считал, что списание командира ведет к полному разложению экспедиции, и поэтому предпринял попытку уговорить одного и другого к примирению, но она ни к чему не привела. Тогда Колчак пошел на крайнюю меру, заявив Толлю, что в случае списания командира просит списать и его. В этом случае в экспедиции оставался один офицер — лейтенант Ф. А. Матисен — и продолжать работу она не имела возможности. По сути Колчак поставил Толлю ульт-

тиматум. И вскоре примирение состоялось.¹³ Однако после первой зимовки, весной 1901 г., под благовидным предлогом Коломийцева отправили в Енисейск для заготовки угля и командиром «Зари» стал лейтенант Матисен.

Об условиях жизни на «Заре» участник экспедиции доктор В. Н. Катин-Ярцев, сменивший умершего доктора Вальтера, писал так: «Экипаж судна состоял из начальника экспедиции, двух офицеров, двух ученых, врача и 12 человек команды. В носовой части судна, под рубкой и командирским мостиком, находилась кают-компания, в которую выходили четыре каюты с левого и три с правого борта. <...> Наши каютки все были одинаковы. В каждой — небольшой столик, высокая койка с ящиком под ней, умывальник, каждая освещалась небольшим круглым иллюминатором, в просторечии называемым окном. Кают-компания — довольно большая комната, в которую свет проникал сверху — через люк со стеклянной рамой, поднимавшейся для вентиляции. Посередине кают-компании стоял большой обеденный стол; у передней стены — пианино, подарок великого князя; вблизи пианино — софа. В простенках между каютами были устроены полки для библиотеки экспедиции. Портреты патрона экспедиции великого князя Константина Константиновича и д[окто]ра Нансена, в широкополой шляпе и плаще более похожего на испанского гидальго, чем на полярного путешественника, украшали кают-компанию. <...> Кормовую часть верхней палубы занимала лаборатория. Лаборатория состояла из четырех комнат. <...> Под лабораторией находилось машинное отделение с темным помещением, которое избрала себе местом жительства машинная команда, предпочитавшая его «нижней палубе. <...> Однообразно и несложно протекала жизнь на судне. Часов с 7 утра кают-компания начинала просыпаться. Это был час метеорологических наблюдений, которые производились три раза в сутки (раньше были ежечасные): в 7 час. утра, в 1 час пополудни и 9 час. вечера. В наблюдениях участвовала поочередно вся кают-компания, а заведующим метеорологией был лейтенант Матисен.

Один за другим поднимались члены кают-компаний. Кофейник и чайники с чаем и кипятком перемещались со стола на керосинку и обратно, пока все встанут. После чая каждый занимался своим делом: барон у себя в лаборатории; астроном Зеберг или возился на вольном воздухе с астрономическими наблюдениями, или тщательно занимался приготовлениями к далекому путешествию; лейтенант Матисен, если не был занят в лаборатории фотографией, пользовался освободившимся в кают-компании столом для черчения карты. Я или снимал шкурки с птиц, или читал, или практиковался, как новичок, в ходьбе на лыжах.

В полдень мы снова сходились в кают-компанию для завтрака. К завтраку почти всегда имелось мясное блюдо из оленины. За завтраком следовал чай и приятная беседа. Затем опять каждый принимался за свою работу — до 3 час., когда в кают-компании сервировался five или, вернее, three o'clock tea.* В 6 час. мы обедали. Какао и сгущенное молоко для желающих находились постоянно под обеденным столом.

Изредка после вечернего чая устраивалось коротенькое музыкальное *soirée*.** Ф. А. Матисен, у которого инструментальные номера выходили недурно, сыграет что-нибудь из Чайковского, Шуберта. Иногда заводили граммофон. Ф. А. Матисеном было записано пение матросов „Зари“ и наша декламация.

У команды пока было немного работы, и нередко в часы досуга раздавались с нижней палубы звуки гармоники и треньканье гитары. Обедала команда в 12 час., а в 6 час. вечера ужинала. Все члены кают-компаний поочередно дежурили. Дежурство продолжалось сутки».¹⁴

Поскольку на продолжение плавания через Берингов пролив угля не хватило, то барон Толль изменил план экспедиции. Зоологу А. А. Бялыницкому-Бируле следовало проводить работы на Новосибирских островах, а Толль и астроном Зеберг отправлялись на о. Бенета. Колчак и Катин-Ярцев го-

* Пяти- или, вернее трехчасовой чай (англ.).

** Вечеринка (франц.).

товили продовольственные припасы для похода Толля. Это занятие являлось крайне ответственным, поскольку их вес был ограничен, то к ним предъявлялись высокие требования по калорийности.

Через три недели после ухода с «Зари» Толль и двое его спутников достигли о. Беннета 21 июля 1902 г. и оставались там до 26 октября, когда двинулись в обратный путь. «Заря» оставалась затертой льдами. Наконец 8 августа она снялась с якоря и пошла к Новосибирским островам, где находился Бируля. Однако осуществить это не удалось. Ничем закончились и четыре попытки пройти к о. Беннета, тогда решили идти навстречу пароходу «Лена», который вез уголь. 30 августа произошла встреча с «Леной» бухте Тикси. Уголь перегрузили на «Зарю» и оставили ее на зимовку с одним членом экипажа. Остальные члены команды пересели на «Лену», которая отбыла 2 сентября 1902 г. В бухте Тикси командир «Зари» лейтенант Матисен встретил участника вспомогательной экспедиции К. Л. Волосовича, инженера М. И. Брусенева, и договорился с ним об организации экспедиции на Новосибирские острова в 1903 г. и устройстве летовки на случай возвращения Толля, если он зазимовал на о. Беннета. Таким образом, Русская полярная экспедиция закончилась, а ее три члена оставались в неизвестности.¹⁵ Однако А. А. Бялыницкому-Бируле удалось вернуться с Новосибирских островов, и это давало надежду и смысл на поиск барона Толля.

12 декабря 1902 г. А. В. Колчак возвратился из Русской полярной экспедиции в Петербург. Здесь он сделал доклад в Академии наук. В январе 1903 г. Академия наук признала необходимым организовать санно-шлюпочную экспедицию на Новосибирские острова и о. Беннета, для поисков барона Толля. 9 января Колчака назначили начальником экспедиции, а уже 9 февраля он выехал в Иркутск. 8 марта Колчак уже находился в Якутске, 10 апреля в с. Казачьем.

18 июля лед отошел от берега и под парусами вельбот с Колчаком и сопровождавшими его участниками экспедиции, вдоль о. Котельный, вышел к Новой Сибири, где он

встретил летовавшего там Брусенева, и, пополнив запасы, двинулся дальше. 4 августа партия Колчака высадилась на о. Беннета. В условленном месте они нашли бутылку с планом острова и записку Толля, датированную 26 октября—8 ноября 1902 г., в которой говорилось о том, что партия отправляется на юг, имея провизии на 12—14 дней, и все ее члены здоровы. Таким образом, Толль ушел с о. Беннета за 9 месяцев до прихода туда Колчака. Не найдя следов Толля, Колчак взял инструменты и часть коллекций, оставленных Толлем, и возвратился на о. Котельный в Михайлов стан. 7 декабря экспедиция Колчака возвратилась в Казачий. Никаких следов Толля она не нашла, да и вряд ли могла их найти.

27 января 1904 г. Колчак возвратился в Якутск. Здесь его застает известие о начале русско-японской войны. Колчак подает рапорт о направлении его в Порт-Артур. В это же время к нему приезжает его невеста Софья Федоровна Омирова с В. И. Колчаком. Она была дочерью управляющего Подольской казенной палатой, воспитывалась в Смольном институте в Петербурге. По законам того времени, разрешение на брак офицеру следовало получить у своего начальства. А. В. Колчак запрашивает разрешение на брак у великого князя Константина Константиновича и получает его. 5 марта в Иркутске происходит их бракосочетание. После этого с разрешения Главного морского штаба он отправляется в Порт-Артур, а жена в Петербург. Вообще о предыстории этого брака практически ничего не известно, и особого счастья, судя по всему, он им не принес.

В Порт-Артур А. В. Колчак прибыл 18 марта 1904 г., а 20 марта его назначили вахтенным начальником на крейсер «Аскольд». 17 апреля его перевели на минный транспорт «Амур». С 19 апреля по 18 октября Колчак командовал миноносцем «Сердитый». На нем он неоднократно выходил в море ставил минные заграждения, участвовал в боевых действиях и проявил личную храбрость и решительность.¹⁶ Видя малую отдачу от боевых выходов в море, Колчак подает рапорт о переводе на сухопутный фронт, в самую гущу событий. В ноябре его переводят на сухопутный фронт, где он коман-

дует батареями 47-миллиметровых и 120-миллиметровых орудий в Скалистых горах.

Однако его служба на берегу оказалась непродолжительной, так как 16 декабря 1905 г. Порт-Артур был сдан и Колчак попал в плен. Там он заболел воспалением легких, оказался в госпитале и был эвакуирован в Нагасаки.

Японское правительство разрешило пленным офицерам возвратиться на родину. Через Канаду Колчак приехал в Петербург. 12 декабря 1905 г. император наградил Колчака золотой саблей за храбрость и орденом Святого Станислава.¹⁷ Не осталось в долгу и русское географическое общество, удостоив его за поиски барона Толля «Константиновской» медали. Находясь после плена на излечении, Колчак обращается к вышестоящему начальству за разрешением о предоставлении ему времени для систематизации материалов, собранных Русской полярной экспедицией, и только после вмешательства великого князя Константина Константиновича морской министр предоставил пятимесячный срок для разбора материалов экспедиции.

Поражение в русско-японской войне заставило молодых морских офицеров искать пути к возрождению морской мощи России. 7 апреля 1906 г. капитан 1-го ранга Л. А. Брусилов подал докладную записку, на основании проекта лейтенанта А. Н. Щеглова, морскому министру А. А. Бирилеву о необходимости создания Морского генерального штаба (МГШ), как органа оперативно-стратегического управления флотом. В его ведение должна была входить разработка планов войны на море, утверждение судостроительных программ, изучение иностранных флотов. 24 апреля произошло создание МГШ, и с апреля по июль он назывался управлением МГШ, а с 5 июля, после высочайшего указа, Морским генеральным штабом. В состав новой организации предполагалось включить 5 капитанов 2-го ранга и 11 лейтенантов, в том числе Щеглова и А. В. Колчака.¹⁸

9 июня 1907 г. А. В. Колчак составляет свои замечания на Малую судостроительную программу. Он выступает с резкой критикой так называемой «подвижной обороны». Колчак

считал, что вооруженные силы создаются для наступательной войны, поскольку оборонительной войны не существует в природе. По его мнению, никому не удавалось создать флот, задаваясь идеей обороны. Он критиковал ту часть программы, которая предлагала строить только 2 линкора, 70 миноносцев и 30 подводных лодок. По его мнению, наступательный флот являлся лучшим оборонительным флотом. Колчак считал, что война с Японией показала: боевые действия на море ведутся линейными кораблями и миноносцами, против них бороться нельзя. Ни одна мина, выпущенная с миноносца, не была пущена по линкору. Миноносцы имеют значение только при наличии наступательного флота. Колчак считал ошибкой создание флота из миноносцев и подводных лодок при отсутствии планомерной постройки линкоров.¹⁹

6 июля 1907 г. специальное морское совещание под председательством Николая II утвердило «Малую судостроительную программу» на 4 года. За это время предполагалось построить 2 линкора, 90 миноносцев, 300 малых подводных лодок водоизмещением в 80 тонн и 6 — в 400 тонн. Однако Государственная Дума ее отклонила из-за отсутствия средств. Встретив непонимание в реализации своих идей, А. В. Колчак начинает читать лекции в Николаевской морской академии, а также возвращается к своим северным проектам.

Еще 25 сентября 1906 г. А. В. Колчак составляет памятную записку о плавании по северо-восточному морскому пути вдоль берегов Сибири. 9 апреля он пишет записку о ледоколе, который необходим для экспедиции в Карское и Сибирское моря, используя свой опыт участия в Русской полярной экспедиции.²⁰ 9 июля 1907 г. он представляет записку, по высочайше одобренному плану, экспедиции в Северный Ледовитый океан. И хотя план был одобрен, но конкретная проработка подготовки экспедиции отсутствовала. В представленном документе Колчак исправлял этот недостаток.²¹

Строительство судов, которые получили название «Вайгач» и «Таймыр», поручили Невскому судостроительному заводу. 29 мая командиром «Вайгача» назначили А. В. Колчака,

а «Таймыра» — Ф. А. Матисена. Предполагалось, что эти два судна вначале обследуют полуостров Таймыр и далее вдоль берегов Сибири через Берингов пролив пройдут во Владивосток. Однако правительство решило изменить маршрут экспедиции и начать работу с Берингова пролива, чтобы наладить связь Владивостока с устьями рек в Восточной Арктике. 28 октября 1909 г. ледоколы покинули Петербург и южным путем пошли во Владивосток, и только 4 июня 1910 г. они прибыли в порт назначения. Однако поучаствовать в северной экспедиции Колчаку не удалось. 12 ноября 1910 г. телеграммой начальника МГШ А. А. Эбергарда его отозвали в Петербург и назначили заведующим оперативной частью МГШ. Вступив в должность, он приступил к доработке судостроительной программы. В этом же году 24 февраля у него родился сын Ростислав.

В августе 1911 г. МГШ направил А. В. Колчака в заграничный поход на 1-м дивизионе Минной дивизии Балтийского флота. Цель похода состояла в посещении портов Балтийского моря в преддверии маневров германского флота. По сути дела, на Колчаке лежали разведывательные функции. Он составил подробный отчет о портах, в которых побывал дивизион, и о германских кораблях, которые он видел. Колчак пришел к выводу о крайне затруднительном положении русского военно-морского агента в Германии и просил поставить германского военно-морского агента в такие же условия. Он предлагал относиться к Германии как к вероятному противнику и развивать на ее территории сеть секретной агентуры. Колчак также предложил вести наблюдение за маневрами германского флота из сопредельных государств, в частности с побережья Дании, послав туда для этих целей офицеров МГШ.²²

В апреле 1912 г., по предложению командующего Балтийским флотом вице-адмирала Н. О. Эссена, А. Колчак переводится из МГШ во флот. На Балтике он назначается командиром эскадренного миноносца «Уссуриец» и уезжает в Либаву (Лиепая), где базировалась минная дивизия. 14 мая 1913 г. Колчака назначили командиром миноносца «Пограничник»

и одновременно начальником оперативного отделения штаба командующего морскими силами. Если командование одним из лучших миноносцев флота, на котором достаточно часто держал свой флаг командующий, было достаточно почетной обязанностью, то от второй Колчак не пришел в восторг. Должность начальника оперативного отделения не была популярна во флоте и требовала огромной и сложной работы.²³ Вскоре за «отличие по службе» Колчака производят в капитаны 1-го ранга.

Тот вал работы, который обрушился на Колчака, расширялся и без того крайне возбудимую нервную систему офицера. В одном из писем к мужу Софья Федоровна писала: «Тебя всюду посылают опять, верно, с делами, касающимися службы Генерального штаба. Только ты не злись, это уже нехорошо, и нечего портить себе репутацию из-за какого-то вздора. Получается впечатление неуравновешенного человека, способного ни с того, ни с сего выкинуть что-либо, а это граничит с ненормальностью. Пожалуйста, обрати на свое состояние должную заботу. Для дела человек — машина, требующая тщательного ухода. А ты собой пренебрегаешь, и очень это нехорошо. Верно, уже что-нибудь натворил на миноносце».²⁴ О том, что Колчака частенько «штормило», обращали внимание, как друзья, так и недруги.

ГЛАВА 2

«НАЧАЛО ВОЙНЫ БЫЛО ОДНИМ ИЗ САМЫХ СЧАСТЛИВЫХ И ЛУЧШИХ ДНЕЙ МОЕЙ СЛУЖБЫ...»

Начало Первой мировой войны А. В. Колчак встретил в должности флаг-офицера оперативной части штаба командующего Балтийским флотом адмирала Н. О. фон Эссена. Для Колчака, военного человека, начало войны было праздником. А на допросе в Иркутске, подтверждая эту мысль, говорил: «Начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей службы».¹

В штабе командующего флота А. В. Колчак активно включается в работу по подготовке флота к войне. Весной 1914 г., когда угроза войны стала реальной, Н. О. Эссен приказывает Колчаку сдать командование «Пограничником» и полностью сосредоточиться на оперативной работе. В это время штаб командующего проводил усиленную работу по подготовке флота к боевым действиям. Одним из первых оперативных документов, созданных А. В. Колчаком, стала инструкция для миноносцев на время маневров, которые проходили 23 июня 1914 г., она была утверждена командующим. Машинописный экземпляр, испещренный пометами Колчака, показывает, с какой скрупулезностью работал он над этим документом, чтобы миноносцы могли выполнить поставленную перед ними задачу.²

Вице-адмирал Н. О. Эссен предвидел войну и старался сделать все от него зависящее для подготовки Балтийского

флота к боевым действиям. Однако германский флот превосходил русский, и существовала возможность прорыва противника к Петербургу. Для защиты столицы от возможного удара германского флота еще в 1912 г. Морским генеральным штабом был разработан план по постановке минных заграждений в наиболее узкой части Финского залива — между Порккалаудом и Наргеном — под защитой артиллерии флота. В этом месте создавалась Центральная минно-артиллерийская позиция, на которой предстояло дать бой в случае появления германского флота. Вместе с тем командующий флотом понимал, что если противник бросит сюда значительные силы, то он может прорвать эту позицию, и сокрушался по поводу упущенного времени. В письме от 21 июля 1914 г. начальнику Военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта В. М. Альтфатеру он говорил: «Я думаю, что теперь всем ясно стало, что надо было все усилия употребить на постройку и организацию Балтийского флота. Много раз я всем это говорил, но мало внимания обращали на мои слова. Также и говорил об укреплении Гангэ — как бы это нам теперь пригодилось. Обидно, что за 10 лет после войны для Балтийского флота ничего не сделано — а можно было!»³

Несмотря на то что император медлил с объявлением мобилизации, а верховный главнокомандующий не отдавал приказа на установку минных заграждений, в штабе флота полным ходом готовились к постановке минных заграждений. Не дожидаясь приказа, Эссен решил на свой страх и риск начать их постановку, но как раз в это время пришел и приказ по радио: «Ставьте минные заграждения». К счастью для Балтийского флота, германский флот не проявлял активности на этом направлении.

А положение на Балтике действительно было тяжелым. Новые линкоры еще не были достроены и начали вступать в строй только осенью 1914 г., в наличии были только крейсер «Рюрик» и «Император Павел I», получившие повреждения во время плавания 29 июля/ 11 августа, и линкор «Андрей Первозванный», имевший пробойину после плавания

18 июня/1 июля, — эти суда находились в ремонте. С подводными лодками дело обстояло не лучше. В строю находилось несколько старых лодок, а новые стали поступать уже во время войны. Незначительное усиление произошло благодаря тому, что англичане прислали несколько своих лодок с экипажами, которые активно участвовали в боевых действиях в течение войны.

По мнению адмирала Д. В. Ненюкова, определенная доля вины в запоздании строительства русского подводного флота лежала на Колчаке, поскольку он «верил в неодолимую силу дредноутов. В 1913 г. он осознал свою ошибку, не побоялся открыто высказать это и настаивал на скорейшем создании сильного подводного флота во всех наших морях. К сожалению, его агитация явилась запоздалой, и наш флот к началу войны почти не имел правоспособных подводных лодок». ⁴ На мой взгляд, недооценка современного вооружения, такого как подводные лодки и авиация, коренилась в некоторой архаичности военного сознания, романтизации войны Колчаком. Так, в одном из писем А. В. Тимиревой он писал: «Подлодки и аэропланы портят всю поэзию войны; я читал сегодня историю англо-голландских войн — какое очарование была тогда война на море. Неприятельские флоты держались сутками в виду один [у] другого, прежде чем вступали в бои, продолжавшиеся 2—3 суток с перерывами для отдыха и исправления повреждений. Хорошо было тогда. А теперь: стрелять приходится во что-то невидимое, такая же невидимая подлодка при первой оплошности взорвет корабль, сама зачастую не видя и не зная результатов, летает какая-то гадость, в которую почти невозможно попасть. Ничего для души нет». ⁵

В первые месяцы войны, находясь в штабе Н. О. Эссена, А. В. Колчак занимался составлением оперативных планов. Он постоянно поддерживал связь с начальником Военно-морского управления Северного фронта, капитаном 2-го ранга В. М. Альтфатером, получая от него сведения по международной обстановке и деятельности на других фронтах. В оперативном отношении Балтийский флот подчинялся командующему 6-й армии, прикрывавшей подступы к Петро-

граду. Информацию о деятельности германского флота и другие конфиденциальные сведения Колчак получал от заведующего особым делопроизводством МГШ капитана 2-го ранга М. И. Дунина-Барковского. О чем свидетельствует их весьма объемная и оживленная переписка.

Однако активную деятельность Балтийского флота сдерживала воля монарха. Так, 29 июля 1914 г. пришло распоряжение Верховного главнокомандующего, не допускавшего активных действий флота при сложившейся политической обстановке. Главной задачей флота стала защита столицы с моря. 1 октября в штабе флота получили высочайшее повеление: «Балтийскому флоту действовать активно лишь по получении на то Личного разрешения Его Императорского Величества и разрешения на допущение в бой бригады линейных кораблей типа „Севастополь“. Расширение зоны операций в Финском заливе до меридиана Дагерота со включением Моонзунда Августейшим Верховным Главнокомандующим разрешено».⁶ Боязнь возможных потерь передавалась и флотскому начальству, которое стало отказываться от активных действий.

Отсутствие живой боевой работы тяготило Колчака, человека неумеренной энергии, к тому же это сказывалось и на моральном состоянии флота. В письме В. М. Альфатеру от 4 сентября 1914 г. он говорил: «До сегодняшнего дня у нас полное затишье — нет никаких известий о неприятеле, и мы в это время занимались учебными стрельбами, заканчивая то, что пришлось прервать из-за войны. Я никогда не представлял, что во время войны мы будем стрелять по щитам. Состояние, о котором я Вам писал в офицерской среде, да и командной, все ухудшается, — нельзя так существовать. Работа падает, общее недовольство и апатия сменяют подъем духа и желание делать дело, существовавшие в первые недели войны. Я предвижу большую опасность, вытекающую из такого положения вещей, очень неважные признаки в командном составе получают все большее и большее развитие, и я с болью вижу, как флот наш вступает на наклонный путь, который ни к чему хорошему его не приведет. При всем том

мы все время что-то делаем, и эта деятельность начинает основываться на ужасной по существу идее „занять время“ — это во время европейской войны, на боевом флоте! <...> но мне тяжело и, по совести скажу, стыдно за хроническое проклятое бессилие флота; стыдно за его состояние, за его боевой коэффициент, за крейсера и миноносцы без хода, уставшие, которые мы бережем для защиты того, на что никто не покушается, стыдно служить и получать деньги для того, чтобы в военное время стрелять по щитам и заниматься глупостями и вздором <...>. Что еще больше сказать — защищаем Петроград и больше ни...»⁷ В этом письме, написанном через месяц после начала войны, звучит острая боль за бездействие самого Колчака и флота. Вместе с тем он очень точно уловил крайне опасное явление, связанное с отсутствием активных боевых действий, которое привело к падению дисциплины как в командном, так и рядовом составе флота.

Следует отметить, что в начале войны командующий флотом полагал, что немцы основными силами флота предпримут операцию против столицы. Поэтому в дневное время эскадра разворачивалась на позиции и проводила учения по отражению нападения противника, а на ночь уходила в Гельсингфорс — главную базу Балтийского флота. Однако время шло, а германский флот не появлялся.

Немецкое командование, ведя борьбу на два фронта, основные силы флота сосредоточило в Северном море, а для действий на Балтике выделялись вспомогательные силы. Вместе с тем в случае необходимости, обладая Кильским каналом, оно могло перебрасывать часть кораблей из Северного моря в Балтийское. По планам германского командования, действия флота на Балтике должны были носить демонстративный характер. Вместе с тем оно также предусматривало и постановки мин.

Первая встреча Германского отряда, состоявшего из двух легких крейсеров «Аугсбург» и «Магдебург», трех миноносцев и одного заградителя с русскими тяжелыми крейсерами «Громобой» и «Адмирал Макаров» состоялась 4/17 августа 1914 г. Командовавший бригадой крейсеров контр-адмирал

Н. Н. Коломийцев неправильно оценил находящегося перед ним противника, а возможно, не рискнул вступать в бой, стал ждать подкрепления, а тем временем немецкий отряд благополучно удалился. После этого случая Н. О. Эссен освободил адмирала от занимаемой должности.⁸ Тем самым командующий нацеливал своих подчиненных на активные самостоятельные действия.

Первая боевая потеря на Балтийском флоте произошла 15/28 августа, когда на немецкой mine подорвался тральщик «Проводник». Правда, уже и 13/26 августа и русскому флоту сопутствовала удача. В эту ночь, в сильном тумане, крейсер «Магдебург» у о. Оденсхольм наскочил на камни, подоспевшие русские крейсера открыли огонь. Экипаж покинул корабль. 57 членов команды и командир попали в плен. Однако самым большим уловом русских моряков стали сигнальная книга и шифровальная таблица, по которой немцы кодировали свои радиোগраммы. Копии этих документов были переданы англичанам и облегчили ведение радиоразведки на Балтийском и в Северном морях.⁹

Пассивность противника давала возможность Балтийскому флоту не только защищать Финский залив, но и перенести свою деятельность в Рижский и Ботнический заливы. Проанализировав ситуацию, сложившуюся в июле—августе 1914 г., и поняв, что перед Балтийским флотом стоят не главные, а второстепенные силы германского флота, Эссен понемногу начинает расширять операционную зону флота, выводя корабли в море для поиска противника и вместе с тем укрепляя береговую оборону артиллерией. На активность русского флота германское командование ответило расширением подводной войны, усилив свою группировку тремя новейшими подводными лодками.

28 сентября/11 октября в Финском заливе погиб торпедированный немецкой подводной лодкой крейсер «Паллада». Эта трагедия сильнейшим образом повлияла на русское командование. Подводная война стала новым фактором, которому ранее не придавали значения. В результате этой трагедии крейсера укрыли в гавани Ревеля, а линкоры увели на

внутренний рейд Гельсингфорса, а входы прикрыли минными заграждениями. Чтобы избежать повторения трагедии, в штабе флота разработали инструкции по противолодочной обороне. Такое поведение командования крайне нервировало Колчака, и он с чувством бессилия писал об этом Альтфатеру: «Все у нас плохо — лодки одно горе, миноносцы разваливаются, всегда мы опаздываем и идем позади других. <...> гораздо хуже наших средств — это дух пассивности высшего командного состава. Гибель „Паллады“ не вызывает в нем ничего, кроме изыскания новых мер предосторожности и только. <...> Мы ждем, когда нам нанесут удар, и нас будут бить больно и часто, пока мы сами не начнем это делать. На пресловутой формуле „защиты столицы“ мы погубим флот, если не весь материально, то морально, что еще, пожалуй, хуже».¹⁰ Это предсказание ярко отразилось в революционных событиях 1917 г. И буквально воплем стало письмо Колчака к Альтфатеру от 23 октября: «Сегодня 35-й день, как мы стоим на якоре, на рейде, линейные корабли и крейсера стоят в гаванях. Моральное разложение — факт уже совершившийся. Молодежь открыто возмущается, послушайте разговоры среди команд... Высший командный состав утратил всякое доверие со стороны офицеров. <...> Все мысли командного состава направлены только к самосохранению. После гибели „Паллады“ высший командный состав впал в панику, которая не прошла и теперь. Море представляется в виде капкана из мин заграждения, среди которых (даже!) торчат перископы. <...> Надо гнать вон всех, кто выдумывает такие оправдания постыдному бездействию. Это прямо боязнь, самая элементарная, которой приписывается наименование осторожности, благоразумия: все это вздор — боятся прямо идти в море и все — очень это элементарно и просто. <...> Флот находится в маразме, нужно немедленно извне заставить его начать действовать. Если сам командный состав не может решиться выйти в море, надо его заставить сделать это. У нас есть крейсера, они ни к черту не годятся для какой-то мифической обороны столицы. Надо приказывать идти им в море ставить мины, нападать на берега и легкие крейсе-

ра, кроме которых у немцев здесь ничего нет. Надо заставить крейсера работать всю зиму и сменять на них личный состав, временно назначая офицеров с линейных кораблей. Только таким путем Вы поддержите моральное начало в личном составе и спасете его от окончательного разложения в кабаках и с девками в обстановке глубокого тыла, которая уже начинается здесь создаваться. <...> Я пришел к убеждению, что наш командный состав в виде адмиралов, за редкими исключениями, выполнить своего назначения не может. Это все почтенные буржуа, рантье, существующие на проценты от своей мирной деятельности, а то просто находящиеся на содержании у правительства — вести войну они не хотят. <...> Часть командиров судов 1-го ранга также никуда не годится, но большая часть командиров, особенно 2-го ранга, вполне на месте и возмущаются создавшимся положением. Надо в течение зимы выгнать эту мирную компанию, которая уже теперь выписала своих жен и ходит для моциона на берег гулять с ними. Современная война требует совершенно других людей, чем старые песочницы... <...> Молодой офицерский состав и команды отличны, с ними можно сделать многое, но руководители, особенно высшие, не могут ничего сделать. Управление характеризуется полным отсутствием инициативы и собственного мнения, полной нерешительностью и неумением довести до конца самое простое дело, полным безмолвием и отсутствием критической оценки обстановки...»¹¹ Таким представлялось Колчаку положение на Балтике в первые месяцы войны.

Взгляды А. В. Колчака на ситуацию во флоте складывались как из личных наблюдений, так и из писем сослуживцев. Так, 12 августа 1914 г. он получил письмо от графа П. Ф. Келлера, вахтенного начальника крейсера «Адмирал Макаров», с которым он вместе воевал в Порт-Артуре. В письме Келлер крайне резко отзывался о командире корабля — капитане 1-го ранга К. И. Степанове: «...на успех мы можем рассчитывать, только если командир будет убит в самом начале боя. Полное недоверие к командиру, по имеющимся у меня сведениям, проникло и в команду от рулевых и сигнальщиков,

имеющих возможность наблюдать его на мостике. Это недоверие укрепилось от первой встречи с немецкими крейсерами (без стрельбы), так как командир до того струсил, что вел себя совершенно недостойно на мостике [имеется в виду встреча «Адмирала Макарова» и «Громобая» с немецким крейсером «Аугсбург». — А. С.].¹² В письме офицер просил Колчака убедить командующего флотом перевести командира «Макарова» на другую должность, а себя он просил направить на какую-нибудь рискованную операцию, если представится возможность. Следует отметить, что примерно такую же характеристику командиру «Макарова» давал и офицер с миноносца «Новик» Г. Граф. Заканчивалось письмо весьма странным для военного человека призывом: «Александр Васильевич, Вы знаете, как многие верят Вам, я принадлежу к этому числу и должен сказать, что начало военных действий показало, что в вас одна надежда; дайте возможность увидеть просвет».¹³ В это время Колчак занимал должность флаг-капитана по оперативной части штаба командующего флотом, и он не принимал решений о целесообразности тех или иных действий и не управлял соединениями, которые выделялись для решения поставленных задач. По-видимому, у некоторой части офицеров флота существовало несколько преувеличенное мнение о возможностях Колчака, поскольку он пользовался доверием командующего флотом.

Учтя пассивность германского флота на Балтике и слабые стороны своего флота, адмирал Н. О. Эссен пришел к выводу о том, что наиболее целесообразными действиями станут минно-заградительные операции в юго-восточной и южной частях Балтийского моря. К ним флот был подготовлен еще в мирное время. Помимо обеспечения безопасности столицы, они предусматривали обеспечение фланга русской армии, а также нарушение морских коммуникаций противника путем постановки минных заграждений, а также уничтожение кораблями флота торговых судов Германии и наблюдательных постов. С планом, разработанным в штабе командующего флотом, к главнокомандующему 6-й армией был направлен А. В. Колчак. Однако главком не согласился с предложе-

ниями Эссена, поскольку считал активные действия флота преждевременными, и предложил Колчаку отправиться в Ставку в Могилев. Там Колчака принял лично Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Однако аргументы Колчака, направленные на предоставление права Балтийскому флоту активно бороться с противником, не подействовали. Сухопутное командование в это время рассматривало флот как вспомогательную силу. Его задачу оно видело в недопущении немецких кораблей за русские минные заграждения, на линии между Ревелем и Поркалаудом. 25 сентября/7 октября Ставка рассмотрела план и пришла к заключению, что активные действия флот может производить только по разрешению правительства.

Однако Н. О. Эссен не привык отказываться от принятых решений, тем более что он был уверен в их успешном выполнении. Под различными предлогами он добился разрешения на проведение минирования южной части Балтийского моря. После этого корабли флота начали ставить мины на пересечении главных коммуникаций противника. Чтобы облегчить выполнение операций у немецких берегов, русское командование отдало приказание об оборудовании передовых баз и опорных пунктов в Моонзундском и Або-Оландском районах. В связи с этим усовершенствовали систему наблюдения за противником. В ее основу легла радиоразведка, как с радиопеленгаторных станций, так и с корабельных радиостанций, а также были развернуты новые метеорологические посты. В это время Балтийский флот усилился двумя английскими подводными лодками.

В октябре продолжительность темного времени суток увеличилась, и Н. О. Эссен решил приступить к постановке мин у берегов противника. 19/ 31 октября произошла первая постановка мин у побережья Мемеля (Клайпеды), которую возложили на отряд эскадренных миноносцев, однако полностью ее решить не удалось, как из-за плохой погоды, так и в результате имевшихся просчетов при подготовке операции. Учтя допущенные ошибки, русские корабли поставили новое минное заграждение 5 ноября в районе Мемеля, на кото-

ром подорвался крейсер «Фридрих Карл», а вскоре и крейсер «Эльбинг».

Видя эффективность минных постановок, русское командование приняло решение об их расширении. Н. О. Эссен приказал заминировать все подступы к вражеским портам, расположенным в юго-восточной части Балтийского моря. Для выполнения этой задачи создавался отряд Особого назначения под командованием начальника штаба флота контр-адмирала Л. Б. Кербера.

Операция готовилась в обстановке строгой секретности. И эти меры не являлись напрасными, поскольку среди офицеров флота вопросам сохранения военной тайны не придавалось большого значения. Так, в письме Дунина-Борковского Колчаку от 10 октября говорилось: «На находящихся в Кронштадте судах офицеры совершенно не отдают себе отчета в степени важности и секретности передаваемых по радио новых таблиц букв Сигнальной книги сведений. Все телеграммы расшифровываются в кают-компаниях, известия открыто обсуждаются и выносятся далеко за пределы офицерской среды. Секретные таблицы, замены букв циркулируют среди офицерства в виде рукописных таблиц. Так, о гибели „Паллады“ стало преждевременно известно в городе через офицеров и нижних чинов строящихся здесь дредноутов, получивших об этом радио с „Баяна“». ¹⁴ В письме В. М. Альтфатера А. В. Колчаку от 31 октября рекомендовалось принять меры к главному минеру Кронштадтского порта капитану 2-го ранга Спицыну, который на «Кронштадтском пароходе имел разговор о военных действиях, об английских лодках, о наших судах и вообще говорил о том, о чем говорить не следует». ¹⁵ Начальник службы связи адмирал А. И. Непенин также сообщал Колчаку, что о случаях передвижения русских судов и предполагаемых операциях становится известно частным лицам. ¹⁶ Случаи разглашения военной тайны имели место и позже, через открытую печать. Колчака возмущали идиоты журналисты, которые ради сенсации, в частности на страницах «Биржевых ведомостей», выбалтывали секретные сведения, полученные агентурным путем. ¹⁷ Таким образом,

скрытность приготовлений не являлась напрасной. 4/17 ноября отряд начал операцию, 19 ноября успешно ее завершил. Отдельные миноносцы осуществляли минные постановки 11/24 и 14/27 ноября.

Однако немцы тоже не бездействовали и в конце ноября возобновили активные минные постановки, на которых подорвались три шведских парохода. Для воспрепятствования немецким постановкам мин Н. О. Эссен решил провести крупную минно-заградительную операцию на подступах к Данцигской бухте. Поскольку минных заградителей в Балтийском флоте не хватало, командующий для постановки мин использовал крейсера, которые оборудовали специальными рельсовыми путями и скатами. 1/13 декабря операция по постановке мин началась и закончилась 3/16 декабря. За это время корабли выставили более 420 мин у неприятельских берегов. Впервые в операции участвовали специально оборудованные для минных постановок крейсера.

Установившаяся зима внесла свои коррективы в действия флота. В связи с этим адмирал Н. О. Эссен поставил перед флотом задачи продолжать минные постановки. Зимой 1914/1915 гг. силы Балтийского флота значительно возросли в результате вступления в строй линкоров «Гангут», «Петропавловск», «Полтава», однако Ставка, во избежание риска потери новых кораблей, запретила использовать их за пределами Финского залива. Поэтому следующую операцию выполняли те же корабли, что и предыдущую.

Новая минно-заградительная операция состоялась 30 декабря 1914/14 января 1915 г. Командовал отрядом крейсеров контр-адмирал В. А. Канин (флаг на крейсере «Россия»), в походный штаб которого входил и флаг-офицер по оперативной части командующего флота А. В. Колчак. Не дойдя до места постановки мин, радисты крейсера «Россия» перехватили немецкую радиограмму, из которой стало известно, что в районе мыса Аркона, предполагаемой минной постановки, находится германский крейсер «Ундине». Чтобы не столкнуться с неприятелем, командир отряда принял решение поставить заграждение, не доходя двух миль до цели, что

и было исполнено. Заграждение длиной в 7 миль было поставлено, и крейсер благополучно вернулся из опасной операции.¹⁸ Описанный мемуаристами (задним числом, в эмиграции) и затем попавший в литературу эпизод о вмешательстве Колчака в ход операции, благодаря чему постановка завершилась успешно, не находит подтверждения.¹⁹

В январе 1915 г. германский флот предпринял попытки перейти к активным действиям на Балтике. Но после того как крейсер «Принц Альберт» налетел на камни, а «Аугсбург» и «Газелле» подорвались на русских минах, немецкое командование отказалось от активных действий, что свидетельствовало о разумности действий командования русского флота.

Очередную минно-заградительную операцию командующий флотом решил провести в начале февраля 1915 г., тем более что этому благоприятствовали погодные условия. Для ее проведения был сформирован отряд, начальником которого назначался контр-адмирал М. К. Бахирев, а командование полудивизионом особого назначения эскадренных миноносцев поручалось флаг-офицеру по оперативной части штаба, командующего флотом, капитану 1-го ранга А. В. Колчаку. Отряду предстояло поставить заграждения в Данцигской бухте. Следует также отметить, что проводка кораблей на чистую воду осуществлялась при помощи ледоколов. Однако операция началась неудачно для отряда. 1/13 марта крейсер «Рюрик», под флагом Бахирева, в условиях плохой видимости ударился днищем о камни и получил пробоину. Поэтому командир отряда принял решение прекратить операцию и возвратиться на базу. После того как приказ дошел до командира полудивизиона миноносцев Колчака, он провел совещание с командирами кораблей, чтобы узнать их мнение о возможности проведения операции без прикрытия крейсеров. Учитывая плохие погодные условия, которые позволяли скрытно подойти к месту постановки мин, они высказались за продолжение операции. После этого Колчак обратился к командующему флотом адмиралу Н. О. Эссену и получил разрешение действовать по усмотрению. Это была весьма ри-

скованная операция в отсутствие прикрытия, однако надежда на плохие метеорологические условия оправдалась. В крайне тяжелых погодных условиях 1/14 марта полудивизион выставил два заграждения по 70 мин, тем самым выполнив поставленную задачу, и 3/16 марта возвратился в Ревель. За эту операцию 9 февраля 1915 г. Колчака наградили орденом Святого Владимира III степени с мечами.

В письме И. К. Григоровичу от 20 февраля Н. О. Эссен так оценивал действия А. В. Колчака в этой операции: «Не могу не указать на лихое выполнение последней постановки мин у неприятельских берегов полудивизионом особого назначения под командой капитана 1-го ранга Колчака, который в этой задаче выказал особенную энергию, предусмотрительность и разумную настойчивость. Эта задача, вовремя выполненная, в значительной степени компенсировала наш случайный неуспех с экспедицией крейсеров, должествующей, кроме выполнения самостоятельной задачи, также прикрывать работу миноносцев. Миноносцы выполнили задачу без всякого прикрытия, и выполнили блестяще. Я считаю необходимым особенно отметить подвиг капитана 1-го ранга Колчака, выказавшего выдающиеся высокие способности. Я очень прошу вас поддержать мое ходатайство о производстве его за высокие отличия в контр-адмиралы. Препятствием может служить то, что он не командовал судном 1-го ранга, но такие исключения делали и раньше для способных людей, а сами знаете, что командиров мы найдем сколько угодно и как трудно бывает найти человека для занятия флагманской должности! Пока я хотел бы оставить Колчака в той же должности, так как до начала навигации у нас очень много оперативно-организационной работы в штабе, впоследствии он, конечно, мог бы занять флагманскую должность, особенно для командования передовыми частями флота. Прошу Вас об этом, руководствуясь не личными симпатиями, а исключительно заботой о пользе службы. Уверен, что в данном случае я не ошибаюсь — на войне научаешься ценить людей и узнаешь их настоящую цену исключительно с боевой точки зрения».²⁰

Эссен хотел приурочить производство Колчака в контр-адмиралы к посещению Николаем II Гельсингфорса. 25 февраля царь посетил базу флота, но ожидаемого производства в контр-адмиралы не произошло. Скорее всего, это стало следствием не каких-то интриг, а отсутствия ценза, командования кораблем первого ранга, что явилось препятствием к дальнейшему продвижению по службе.

Вскоре, вследствие сильных морозов, в Финском заливе установился сплошной ледяной покров. В результате минные постановки пришлось отложить до весны 1915 г. Во время наступившего затишья Н. О. Эссен приложил максимум энергии для усиления обороны Финского залива путем укрепления Моонзундской и Або-Оландской позиций. Из-за нехватки артиллерии часть пушек стали снимать с кораблей. Такое решение проблемы командующим вызывало протест со стороны А. В. Колчака. В письме к В. М. Альтфатеру он сообщал: «Я высказал адмиралу свое мнение, что я бы отдал весь Або-Оландский район за хороший крейсер, чем привел командующего в негодование, но что делать, я крайне скептически отношусь к этой мании тащить пушки на берег, особенно в ущерб кораблям».²¹ Деятельность Эссена по укреплению Моонзундской и Або-Оландской позиций дала свои результаты. В результате в 1915 г. создали, хотя и незавершенную, однако мощную оборонительную линию, защищавшую Финский залив с флангов.

Помимо укрепления сухопутных позиций во флоте проходила и внутренняя реорганизация, вызванная уроками первых месяцев войны. Так, контр-адмирал А. С. Максимов предпринял попытку пересмотреть план боя на Центральной позиции. Он предложил ряд мер в случае прорыва неприятелем Центральной позиции, в то время как план командующего флотом предусматривал не допустить возможного прорыва. Адмирал Эссен понимал, что если германский флот преодолеет минные заграждения Центральной позиции, то Балтийский флот будет уничтожен более сильным противником. В докладе, представленном начальнику штаба флота вице-адмиралу Л. Б. Креберу, А. В. Колчак доказал всю не-

состоятельность предложения Максимова. По мнению Колчака, соображения контр-адмирала Максимова являлись «каким-то недоразумением, так как не только не представляется возможным использовать его выводы для приказа для боя, но даже признать за ними известную основательность».²²

Реорганизация командования флотом, предпринятая во время затишья, по-видимому, вызвала неприятие со стороны А. В. Колчака. Однако в то время, когда командующим флотом являлся Н. О. Эссен, а начальником штаба Л. Б. Кребер, Колчак своего мнения по этому вопросу не высказал. Только в рапорте от 13 июня 1915 г., после того как сменился командующий флотом и начальник штаба, флаг-капитан по оперативной части озвучил свои соображения по принятой реорганизации. В поданном документе Колчак резко выступал против создания должности начальника Минной обороны и образовании эскадры из четырех бригад линейных кораблей и крейсеров. Все это, по его мнению, вело к потере управляемости флотом.

Оценивая свою деятельность в этой реорганизации, Колчак писал: «...не принимая участия в последних организационных работах, я как флаг-капитан виновен в том, что не доложил своевременно о недопустимости подобных организационных опытов с нашим и без того слабым и неподготовленным флотом в самый серьезный момент европейской войны, и ставлю в тяжкую вину офицерам вверенной мне оперативной части, что, несмотря на все военное образование, они не сумели вовремя доложить об ошибочности и опасности такого отношения к организации флота. <...> принятая организация несет в себе начала полного распада единой власти командующего флотом, невозможности управления им».²³ В этом отрывке обращает на себя внимание то, что Колчак как руководитель оперативной части флота не принимал участия в работах по его реорганизации и возложил ответственность за опрометчивые действия на подчиненных ему офицеров. Мне представляется, что все было как раз наоборот. По-видимому, за отрицательное отношение к плану от его разработки Колчака отстранили, а подчиненные ему офи-

церы работали под началом начальника штаба флота, у которого отношения с Колчаком не сложились из-за их бурных темпераментов. Уже в кампании 1916 г. Ставка восприняла критику Колчака. Эскадру упразднили, а бригады линейных кораблей и крейсеров подчинили командующему флотом. Из подчинения начальника минной обороны вывели минную дивизию и дивизию подводных лодок, передав их под начало командующего флотом.²⁴

В мае 1915 г. Балтийский флот понес большую утрату. 7/20 мая скончался командующий флотом адмирал Н. О. Эссен. Вместо него на эту должность назначили вице-адмирала В. А. Канина, командовавшего до этого Отрядом заградителей и Минной обороной. По характеристике служивших с ним офицеров, он был прекрасным семьянином, гостеприимным хозяином, отменным игроком в винт и бридж. Вместе с тем адмирал обладал хорошими техническими знаниями, служебным опытом, хозяйственными способностями. Канин быстро схватывал суть излагаемого и обстановку. Однако ему не хватало решительности и требовательности к подчиненным. Человек здравомыслящий и умный, он действовал в тех рамках, в которые его поставила Ставка. В то же время молодые флотские офицеры, для которых война давала возможность проявить себя в боевой обстановке, требовали энергии и твердости в борьбе за инициативу на море. Их недовольство вызывало и то, что при выдвижении на новые должности и при представлении к наградам Канин придерживался выслуги и очередности, а не боевых заслуг кандидата.²⁵

Пассивность в действиях В. А. Канина объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Став командующим Балтийским флотом, он уже в августе 1915 г. столкнулся с попытками немцев овладеть Рижским заливом. Сопоставимой группировки кораблей Россия не имела, а в этих условиях только создание глубоко эшелонированной обороны могло сдержать наступательный порыв германского флота открытого моря. К тому же английский флот не проявлял заинтересованности в помощи русскому союзнику.²⁶ Ставка Верховного главнокомандующего также не ставила

перед флотом задач по борьбе с противником в открытом море.²⁷ Все это заставляло Канина проявлять определенную осторожность в действиях.

Обстановка на фронте не благоприятствовала русским войскам. В ночь с 7 на 8 мая пришлось оставить Либаву, и после этого германский флот начал боевые действия в направлении Финского и Рижского заливов, стараясь не допустить выхода русского флота в Балтийское море. В этой обстановке русское командование решило осуществить набег на Мемель. Операцию планировалось провести 18/19 июня — 1/2 июля. Однако ряд ошибок командира отряда контр-адмирала М. К. Бахирева, плохо организованная стрельба отряда крейсеров, а также боязнь потерь не дали отряду выполнить всех поставленных перед ним задач, но удалось потопить один минный заградитель противника «Альбатрос».²⁸

5/18 июля германские войска овладели Виндавой и вышли на побережье Рижского залива. Теперь перед германским флотом ставилась задача прорыва в Рижский залив. Операция проходила с 3/16 по 8/21 августа. И хотя германским судам удалось прорваться в Рижский залив, однако потери двух миноносцев и повреждение торпедой линейного крейсера «Мольтке» побудили германское командование возвратиться на базы.²⁹

В сентябре 1915 г. Колчаку представился случай попробовать себя в командовании тактическим соединением Балтийского флота. В это время заболел командир Минной дивизии контр-адмирал П. Л. Трухачев. Исполняющим должность командира дивизии 10 сентября назначили капитана 1-го ранга А. В. Колчака. Приняв дивизию, он обратил внимание на то, что в последнее время миноносцы довольно часто выходят из строя. При этом Колчак возложил вину за повреждения миноносцев на их командный состав, который пренебрегал правилами навигации.³⁰

В октябре 1915 г. немцы предприняли наступление на Шлоковский плацдарм, образовавшийся на левом берегу Западной Двины перед Ригой, который вклинивался в их расположение. Удерживать плацдарм армейским подразделениям

помогали корабли морских сил Рижского залива. Если поначалу успех сопутствовал немцам, то после прибытия в район боевых действий линкора «Слава» и кораблей минной дивизии во главе с А. В. Колчаком начался систематический обстрел германских позиций. Стрельба кораблей флота отличалась хорошей организованностью и тщательно подготавливалась. В результате артиллерийской поддержки флота русские войска выбили противника с захваченных позиций и заняли Кеммерн.

Во время боев за Шлокский плацдарм командующий Северным фронтом принял решение высадить в тыл противника десант, чтобы заставить немецкое командование снять силы с главного направления. Его высадку наметили в 8 км от местечка Роэн. Десант состоял из роты драгун, двух рот морской пехоты из Ревельской крепости и подрывной команды. В него входили 22 офицера и 514 рядовых, командовал десантом капитан 2-го ранга Шишко, командир миноносца. Офицерский состав отряда укомплектовали представителями флота. В сухопутном военном деле они разбирались слабо, к тому же офицеры в первый раз видели своих подчиненных. Таким образом, основы сухопутного боя знали только драгуны. В задачу десанта входило уничтожение объектов военного назначения. В операции принимали участие почти все морские силы Рижского залива. Высадка планировалась вечером 7/20 октября, но когда корабли подошли к месту назначения, то из-за сильных волн десант высадить не удалось. На следующий день погода не улучшилась, тогда командовавший Минной дивизией А. В. Колчак решил сменить место десантирования. Об этом он донес командующему флотом и получил разрешение на высадку десанта у дер. Питрагге. Около 6 часов утра катера и баркасы стали подходить к берегу, но из-за неровности дна стали садиться на мель. И десантникам до суши пришлось добираться вплавь и вброд. После высадки десанта обнаружилось, что она произошла у дер. Саунарен, которая находилась в 7 км от Питрагге. Выполняя задачу, десантники двинулись к местечку Домеснес, по пути уничтожив немецкую роту ландштурмистов, и без

боя заняли этот населенный пункт. Вскоре русские разведчики обнаружили движение крупных немецких сил по направлению к Домеснесу. Взорвав все мосты и военные объекты, десантники около часа дня начали посадку на корабли и благополучно вернулись к месту дислокации. В целом операция оказалась малоэффективной, и в дальнейшем высадка тактических десантов не производилась. Следует отметить, что операцию по десантированию флотское командование проводило в первый раз, поэтому далеко не все прошло гладко. В частности, не была проведена разведка подходов к берегу. Составленный наспех, из разнородных частей, не готовых к сухопутному бою, он не мог выполнить задачу в полном объеме, а из-за его малочисленности не удалось отвлечь значительные силы противника. При появлении кадровых германских частей десант благополучно покинул занятую территорию.

За успешное планирование операций Балтийского флота и участие в боевых действиях капитан 1-го ранга А. В. Колчак указом Николая II от 28 октября 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.³¹

Вскоре Колчаку представилась возможность провести самостоятельную операцию. Во второй половине ноября штаб Балтфлота на основании радиоразведки установил организацию дозорной службы германским флотом в средней части Балтийского моря. На ее основании исполняющий должность командира минной дивизии Колчак разработал план набега на германский корабельный дозор у Виндавы. В ночь на 7/20 ноября семь русских миноносцев неподалеку от банки Спон атаковали германский сторожевой корабль «Норбург» и утопили его. Однако из-за плохо налаженного управления судами отряда миноносец «Охотник» обстрелял «Новик». Правда, для русских кораблей все окончилось благополучно. Однако и «Норбург» оказал сопротивление, сделав два попадания в эсминец «Страшный».

Вскоре после выздоровления П. Л. Трухачева А. В. Колчак вновь возвратился в штаб флота и занялся планированием операции по минированию Виндавы, которая была успеш-

но выполнена. Свое двухмесячное командование дивизией он вспоминал с чувством глубокой ностальгии: «Вот уже второй месяц, как я на дивизии, и скоро собираюсь вернуться опять в лоно штаба. Я здесь отдохнул и никогда так хорошо себя не чувствовал, как на миноносце». В середине декабря Трухачев вступил в должность командира 1-й бригады крейсеров, а на его место 23 декабря назначили А. В. Колчака.

Приняв Минную дивизию, А. В. Колчак решает провести минно-заградительную операцию. Однако ее не удалось завершить. В начале похода на mine подорвался миноносец «Забияка», и его пришлось тащить на буксире в Ревель. В конце декабря из-за неблагоприятной ледовой обстановки навигация прекратилась и корабли стали на зимовку.

Весной 1916 г. русский флот усилился новыми видами кораблей, поступивших на его вооружение. К тому же Балтийский флот теперь был непосредственно подчинен Ставке, при которой создали Морской штаб. Командующему флотом давалось право использовать корабли всех видов. Такое решение было принято в связи с тем, что среди экипажей больших судов начали проявляться признаки деморализации. Использование новых броненосцев в морских операциях позволило снизить накал недовольства среди экипажей кораблей.³² Вместе с тем, главная задача по недопущению противника в Финский залив оставалась прежней. Что касается наступательных задач флота, то их сформулировали крайне неопределенно. В соответствии с принятыми планами главным направлением деятельности командования флотом стало укрепление передовой Або-Оландской и Моонзундской позиций. Флоту предстояло также поддерживать фланг 12-й армии. Вместе с тем командование флотом пыталось проводить операции на морских коммуникациях противника.

Перед началом новой военной кампании 10 апреля 1916 г. А. В. Колчак производится в контр-адмиралы и уже в этом качестве продолжает командовать Минной дивизией. Характеризуя А. В. Колчака, новый командующий флотом вице-адмирал В. А. Канин писал морскому министру И. К. Григоровичу: «У меня есть превосходный офицер Колчак: истинное

призвание военного начальника. Неутомимый и самоотверженный работник. Неустрашимость и мужество необыкновенные. Нечем награждать. Он уже много раз заслужил все, что имеет, и продолжает проявлять выдающиеся услуги и подвиги. Это совершенно готовый начальник какого угодно отряда, и если еще не воспользоваться теперь, то это будет лишь во вред и ему, и службе. Я бы очень хотел представить его к производству в контр-адмиралы, с тем чтобы дать ему под начальство дивизию „Новиков“». ³³

В 1916 г. резко возросла интенсивность морского сообщения между Германией и Швецией, поскольку германская промышленность требовала все больше и больше железной руды для покрытия своих потребностей в оружии и боеприпасах. При этом немецкие транспорты для передвижения использовали шведские территориальные воды. Россия в свою очередь старалась неукоснительно соблюдать шведский нейтралитет. Поэтому в случае опасности германские торговые суда прятались в шведских территориальных водах. С апреля 1916 г. на всех основных торговых путях немецкие транспорты стали сопровождать конвои.

От английского посольства в Стокгольме русскому командованию стало известно, что из Швеции на немецких транспортах будет отправлено 84 000 т железной руды. Исходя из этой информации, командующий Балтийским флотом принял решение захватить или уничтожить этот караван судов. Для этого был создан отряд особого назначения во главе с командиром 1-й бригады крейсеров П. Л. Трухачевым, в который вошли крейсера «Рюрик», «Олег», «Богатырь». 31 мая/13 июня отряд направился к месту предполагаемой встречи с немецким караваном в Норчепингскую бухту. Главную задачу по уничтожению транспортов с рудой возложили на ударную группу, состоявшую из миноносцев «Новик», «Победитель», «Гром» под командованием контр-адмирала А. В. Колчака. В 23:15 миноносцы обнаружили конвой судов из 12—14 транспортов и нескольких судов охранения. Не будучи уверенными в принадлежности конвоя, который мог оказаться и шведским, по приказу Колчака миноносцы

сделали два выстрела, из-за чего внезапность нападения была утрачена. После этого охранение конвоя открыло огонь по миноносцам, а транспорты под дымовой завесой судов охранения стали уходить к шведскому берегу. Вместо того чтобы отрезать транспорты от шведских территориальных вод, как рекомендовал начальник отряда, Колчак начал бой с кораблями охранения. Вместе с тем командир ударной группы миноносцев принял другое решение. В результате боя погибло немецкое судно-ловушка «Герман», которое Колчак принял за вспомогательный крейсер, а германские рудовозы благополучно достигли места назначения. Когда командир миноносца «Новик» стал спасать плававших за бортом немцев, Колчак запретил это делать. Из воды успели вытащить 9 человек, большинство команды погибло.³⁴

Таким образом, основная задача по уничтожению немецких рудовозов оказалась невыполненной. Ее причинами стали как недостаточный боевой опыт Колчака, так и несогласованность действий с отрядом крейсеров. Не следует сбрасывать со счетов и умелые действия немецких моряков с кораблей охранения. Возможно, определенную роль сыграло и тщеславие молодого адмирала, не желавшего делить лавры победителя с командиром отряда особого назначения П. Л. Трухачевым.³⁵ Ожидаемых результатов этот набег не принес. Хотя на неделю немцы прекратили перевозки, а после их возобновления значительно усилили силы сопровождения.

28 июня 1916 г в Ставке император и он же Верховный главнокомандующий Николай II подписал указ о назначении контр-адмирала А. В. Колчака командующим Черноморским флотом и производстве его в вице-адмиралы, а до этого 27 июня он принимал с докладом начальника Морского штаба Ставки адмирала А. И. Русина и Морского министра И. К. Григоровича, тогда и решался вопрос о командующем Черноморским флотом.³⁶ Это выдвижение потрясло всех, говорили офицеры Балтийского флота, знавшие Колчака. И было отчего прийти в такое состояние! По тем временам это назначение являлось беспрецедентным. Контр-адмирал,

которому исполнилось 42 года, не прошедший ценза командования кораблем 1-го ранга и крупным оперативно-тактическим соединением, сразу назначался командующим флотом! Таким образом, он не прошел определенных ступенек профессионального роста, что сказалось на его действиях как командующего флотом. К тому же только два месяца тому назад он стал контр-адмиралом. Не меньшее потрясение испытывали и офицеры Черноморского флота. Офицер штаба флота Левговд, присутствовавший при оглашении телеграммы из Ставки адмиралом А. А. Эбергардом, вспоминал: «Начальник штаба и флаг-капитаны сидели с каменными лицами».³⁷

Вместе с тем насколько назначение А. В. Колчака являлось спонтанным, нуждается в пояснении. Уже в январе 1915 г. в Ставке рассматривался вопрос о замене командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. А. Эбергарда, но тогда Колчак даже не фигурировал в списке возможных претендентов. Однако вскоре ситуация начала меняться. Сохранилось письмо командующего Балтийским флотом В. Канина морскому министру И. К. Григоровичу от 2 декабря 1915 г. В нем он просил министра не переводить Колчака на Черное море, предлагая других кандидатов.³⁸ По-видимому, к этому времени какие-то разговоры о кандидатуре Колчака уже имели место. И данное назначение вряд ли можно назвать непредсказуемым.

В Ставке выдвижение адмирала на столь ответственный пост объясняли предстоящей десантной операцией по захвату Босфора и Дарданелл, и А. В. Колчак казался наиболее подходящей фигурой для ее осуществления. Хотя опыта в проведении таких масштабных десантных операций он не имел, как, впрочем, и другие адмиралы русского флота.

Достоверно известно, что в командующие флотом его продвигал капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, отвечавший в морском штабе Ставки за Черное море.³⁹ К тому же в это время относительно предшественника Колчака, адмирала А. А. Эбергарда, как в Ставке, так и в Петроградском светском обществе активно распространялись слухи о его нерешительных действиях в отношении турецких, а по сути не-

мецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау» и о недостаточном использовании минных постановок против флота противника. Эти слухи не имели под собой достаточных оснований.⁴⁰ Недовольство ситуацией на Черном море выражал и морской министр адмирал И. К. Григорович, который связывал инертность флота с отрицательным влиянием на командующего его начальника штаба капитана 1-го ранга К. Ф. Кетлинского, которого недолюбливал морской министр.⁴¹

По свидетельству очевидцев, А. К. Колчак без особого восторга воспринял известие о своем назначении. И тому были причины. Ему не хотелось покидать Минную дивизию. Миноносцы, которыми он командовал, были его стихией. По своему складу он напоминал тип кавалеристского начальника, только на море, совершавшего набеги на коммуникации противника.

Другим мотивом стала неожиданно вспыхнувшая любовь к жене своего сослуживца — капитана 1-го ранга С. Н. Тимирева, Анне Васильевне Тимиревой, урожденной Сафоновой. Об этом периоде жизни в одном из писем к Тимиревой Колчак писал: «Это был один из хороших периодов моей жизни. Рижский залив, Минная дивизия, совместные операции с сухопутными войсками, Радко-Дмитриев, Непенин, наконец, возвращение и встреча с вами, с милой, обожаемой Анной Васильевной».⁴²

Так кто же была эта женщина, которую так страстно любил адмирал? К этому времени он уже имел двоих детей — сына Ростислава и дочь Маргариту, которая умерла, не прожив двух лет. Анна Васильевна Тимирева родилась в 1893 г. в Кисловодске в семье известного пианиста, дирижера, музыкального педагога и ректора Московской консерватории В. И. Сафонова. В 1906 г. семья переехала в Петербург. Здесь в 1911 г. девушка окончила гимназию княгини Оболенской. Кроме этого, она посещала частную художественную студию С. М. Зейденберга, где училась рисунку и живописи. В том же году Анна Васильевна вышла замуж за своего троюродного брата Сергея Николаевича Тимирева — морского офицера, в то время служившего старшим офицером на им-

ператорской яхте «Штандарт», а с 1912 г. командира учебного судна «Верный». ⁴³ Вспоминая о замужестве, она говорила: «Был он старше меня, красив, герой Порт-Артура. Мне казалось, что люблю, — что мы знаем в восемнадцать лет!» ⁴⁴ А в юбилей этого события она уже писала: «8-го будет пять лет со дня нашей свадьбы; иногда мне кажется, что это не пять, а сто лет, — столько всего было за эти годы». ⁴⁵

В 1914 г. у Тимиревых родился сын Владимир. В 1915 г. Сергея Николаевича перевели в Гельсингфорс, куда из Петрограда перебралась и Анна Васильевна с сыном. Здесь, в доме своих друзей Подгурских, она познакомилась с капитаном 1-го ранга А. В. Колчаком. Полярный исследователь, участник обороны Порт-Артура, а в момент их встречи — начальник Минной дивизии Балтийского флота, человек большой личной храбрости, не раз проводивший смелые операции у германских берегов, он снискал любовь и уважение у сослуживцев. В любой компании Колчак сразу становился центром всеобщего внимания. Прекрасный собеседник, обладавший широкими познаниями, он умел понятно и просто рассказывать о сложном, а банальное времяпрепровождение превращать в праздник. Колчак мог быть милым и добрым, но в то же время жестким и жестоким. Несмотря на невысокий рост и шуплое телосложение, он пользовался успехом у женщин. ⁴⁶

У А. В. Тимиревой А. В. Колчак ассоциировался с различными фантастическими животными и птицами, отсюда шутовское прозвище адмирала — химера. «Для меня, — писала А. В. Тимирева, — „химера“ не нелепость, а „невозможность“, пожалуй. И когда я думаю о Вас [А. В. Колчаке. — А. С.], мне кажется, что „милая химера“ — имя, которым я могу Вас называть и так подходящее в этом случае. Оно меньше всего относится к Вашей наружности». ⁴⁷

Вначале ничто не предвещало развития их отношений. Вспоминая о том времени, Анна Васильевна писала: «Вы говорили мне, что относитесь ко мне вроде как к звездам: пока смотришь — хорошо, а потом забываешь сейчас же; я отнеслась к Вашим словам с абсолютным доверием тогда, они бы-

ли мерилом наших отношений, даже после Вашего отъезда. Ваша *память*, Ваши письма, такие дорогие мне, были для меня как нечаянная радость, — я не ждала их, и мне казалось естественным, что в Вашей жизни я прошла и ушла как тень и ничего больше. Вышло иначе». ⁴⁸

Впоследствии Анна Васильевна писала: «Мне было тогда 23 года; я была замужем пять лет, у меня был двухлетний сын. Я видела А[лександра] В[ильевича] редко, всегда на людях, я была дружна с его женой. Мне никогда не приходило в голову, что наши отношения могут измениться». Однако они изменились. «Нас несло, как на гребне волны», — писала она впоследствии. ⁴⁹ И эта волна сметала все на своем пути. Семья, дети, общественное мнение сдерживали, но не могли остановить их влечения друг к другу. Любовь стала для них испытанием, и, как показало время, они его выдержали достойно.

Чем же привлекла А. В. Колчака эта молодая и обаятельная женщина? Умная и образованная, без тени жеманства и кокетства, прямая и искренняя в своих суждениях, полная энергии, Анна Васильевна живо интересовалась жизнью флота и общественными делами. С удовольствием посещала концерты симфонической музыки и оперные спектакли. Она не терпела скуку официальных визитов, обязательного этикета, салонной болтовни и мещанского мира. В ней сочетались такие качества, как стихийная порывистость и иррациональность, гордость и чувство собственного достоинства. «Большая насмешница», ⁵⁰ Тимирева не раз подтрунивала над суровым внешним видом адмирала, ⁵¹ его увлечением женщинами ⁵² и стремлением во всем и всегда быть победителем. ⁵³ Вместе с тем она весьма критически смотрела и на себя, считая, что А. В. Колчак придумал ее образ. ⁵⁴ Очень высокими были у нее требования к людям и жизни. «Мне кажется, что жизнь каждого человека, — писала она, — должна находить себе оправдание в чем-нибудь, поставленном выше всего, главное — в любимом деле, каком — это не существенно важно. Если это любимое дело действительно составляет лучшую часть жизни, то, естественно, все остальное долж-

но представляться „не имеющим боевого значения“, не стоящим ни чрезмерной радости, ни сожаления. Пример такого отношения к жизни и ко многим очень тяжелым обстоятельствам — это мой отец, всю свою жизнь отдавший своему искусству — музыке. Но <...> когда этого главного у человека нет, то мелочи жизни приобретают несоответственное им значение, иногда очень мучительное». ⁵⁵ Такие требования к окружающим, несомненно, выделяли Анну Васильевну из круга жен морских офицеров. Эти женщины, в том числе и Софья Федоровна Колчак, жена адмирала, в основном были замкнуты на домашних обязанностях.

Гельсингфорские встречи продолжались чуть больше года. Как вспоминала Анна Васильевна: «Я думаю, если бы меня разбудить ночью и спросить, чего я хочу, я сразу бы ответила: видеть его». Но вот настало роковое 28 июня, когда пришел приказ о назначении на Черноморский флот. В летнем Ревельском Морском собрании, которое размещалось в парке Катриненталь, состоялся прощальный ужин. В этот вечер, гуляя по тенистым аллеям парка с Александром Васильевичем, в эту пору расставания Анна Васильевна призналась ему в любви. После коротких сборов он выехал к новому месту службы в Севастополь. Предстояла долгая разлука и когда могла произойти встреча и произойдет ли она вообще ни он, ни она не знали. Тем более, что Колчак был натурой увлекающейся. Началась почти годичная разлука.

Первое письмо от А. В. Колчака Анна Васильевна получила 18 июля 1916 г. «Был теплый, пасмурный июльский вечер, — писала она, — только что пришел „Генерал Кондратенко“, и мы все — Крашенинниковы, Потоцкие и Тимиревы — сидели на ступеньках крылечка. Знаете, Александр Васильевич милый, если бы упала бомба с неба, это не произвело бы большего эффекта, чем появление Вашего посланного». ⁵⁶ Но и сама Анна Васильевна испытала не меньшее потрясение: «Господи, как я была рада тогда! Я помню, как долго сидела с Вашим письмом, решительно не в состоянии его прочесть и только думая, что Вы вспомнили и написали мне скорее, чем я ждала и могла ждать этого». ⁵⁷

Так началась их переписка. Она носила весьма интенсивный характер. За десять месяцев с 18 июля 1916 г. по 18 мая 1917 г. Анна Васильевна написала 53 письма. В среднем по пять писем в месяц. Хотя до начала переписки отношение Анны Васильевны к эпистолярному жанру было скептическим. Однако произошедшее расставание кардинально изменило взгляд Анны Васильевны на этот предмет. «Вообще я корреспондент из рук вон плохой, — говорила она, — и если пишу Вам так часто и такие длинные письма, то это единственное в своем роде исключение из правил, никому и никогда я не писала с такою радостью и легкостью, как Вам, милый Александр Васильевич».⁵⁸ Однако и Колчак до этого момента никому не писал, как своей возлюбленной.⁵⁹

Однако не все из написанного Анна Васильевна посылала Колчаку, и некоторые письма летели в корзину. Причину этого она объясняла тем, что боялась надоесть своей корреспонденцией, и добавляла: «...не все, что думаешь, можно говорить и особенно писать».⁶⁰ Она также знала, что Колчак, человек мнительный, был склонен искать в ее письмах скрытый подтекст, подвох там, где его не существовало. У Колчака была привычка читать как деловые бумаги, так и письма от любимой женщины с карандашом в руках, отмечая заинтересовавшие его места красным, синим или зелеными карандашами. Кроме того, на некоторых письмах ручкой или карандашом имеются записи по ходу чтения.

Следует отметить, что письма Тимиревой Колчаку, как и от Колчака Тимиревой просматривались военной цензурой.⁶¹ В связи с этим часть писем доставлялась доверенным лицом Колчака и Тимиревой капитаном 2-го ранга В. В. Романовым, служившим в Статистическом отделе МГШ. Поэтому можно предположить, что в письмах, посылавшихся по почте, они далеко не обо всем могли говорить откровенно.

Разлука не притупила, а наоборот, обострила их чувства. Через два месяца после своего отъезда Колчак писал: «А без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости, Вы были для меня в жизни больше, чем сама жизнь, и продолжать ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я

нес к Вашим ногам, как бы божеству моему, все свои силы я отдал Вам. <...> Переписка с Вами стала моим вторым „я“». ⁶² Переписка с Колчаком стала для Тимиревой смыслом существования. «Без ваших писем мне было бы страшно и очень грустно жить», — говорила она. ⁶³ Листки почтовой бумаги, исписанные мелким неразборчивым почерком, приносили ей радость, поднимали настроение, дарили надежду. Как правило, свои письма к Колчаку Анна Васильевна писала ночью, когда затихал шум в доме, поставив перед собой фотографию Александра Васильевича, она начинала неспешную беседу с ним, перечитывая особенно понравившиеся письма.

Переписка А. В. Тимиревой и А. В. Колчака не являлась тайной для окружающих. И, несмотря на колкие замечания знакомых и предупреждения друзей, Анна Васильевна не прервала ее. ⁶⁴ Безусловно, она обладала сильным и самостоятельным характером, о чем и сообщала в одном из писем А. В. Колчаку: «Я тоже не отличаюсь кротостью». ⁶⁵

Итак, А. В. Колчак направлялся к новому месту службы. Вместе с ним в Севастополь ехал и капитан 1-го ранга М. И. Смирнов, которому была предложена должность флаг-капитана командующего по оперативной части. Дело состояло не только в том, что Смирнов разделял многие идеи своего начальника, но и в том, что он в свое время являлся представителем России при проведении англо-французскими союзниками операции по захвату Дарданелл, которая закончилась неудачей. Его наблюдения и опыт могли оказать существенную помощь при проведении планируемой Босфорской операции. Дорога в Севастополь лежала через Ставку в Могилеве, куда Колчака сопровождал А. С. Бубнов. 4 июля нового командующего принял сначала начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев, а затем и Николай II, а после этого его пригласили на обед. ⁶⁶ Получив инструкции, Колчак отбыл в Севастополь.

КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

8 июля А. В. Колчак прибыл в Севастополь. Здесь на флагманском крейсере «Георгий Победоносец» прошла встреча покидавшего свой пост вице-адмирала А. А. Эбергарда и нового командующего вице-адмирала Колчака. После чего Колчак послал телеграмму в Ставку о вступлении в должность командующего флотом, на которой появилась резолюция Николая II: «В добрый час».¹ В 20:00 в штаб флота поступили сведения о выходе в море немецкого крейсера «Бреслау», в направлении Новороссийска, из этого порта происходило снабжение русской Кавказской армии. Из-за невозможности немедленного выхода в море его отложили до утра следующего дня.

Утром 9 июля в 8:30 отряд кораблей, в который входили дредноут «Императрица Мария» под флагом командующего флотом, крейсер «Кагул» и 5 миноносцев, по предварительно протраленному фарватеру вышел в море. Колчак хотел перехватить быстроходный легкий вражеский крейсер в море и уничтожить. Трудность ситуации заключалась в том, что командующий не знал вверенного ему флота, а флот не знал своего командующего. При выходе из Севастополя отряд пыталась атаковать немецкая подводная лодка, но ее вовремя обнаружил гидросамолет, сбросивший на нее бомбы. Впереди «Марии» двигалась дозорная цепь из пяти миноносцев. В 13:30 миноносцы обнаружили «Бреслау».

Отряд стал преследовать противника, трижды германский крейсер попадал под огонь 12-дюймовых орудий «Императрицы Марии». Однако дымовые завесы, поставленные крейсером, позволили избежать прямых попаданий. По-видимому, неудовлетворенный действиями начальников минной дивизии и 1-го дивизиона миноносцев, разгоряченный боем, Колчак стал отдавать приказы командирам миноносцев напрямую, тем самым отстранив начальников от управления вверенными им силами, но реализовать преимущество в ходе своих миноносцев над противником он не смог. Преследование противника отряд продолжал до темноты. Шквалистый ветер с дождем затруднял видимость, и миноносцы потеряли «Бреслау», который в 15:15 вошел в Босфор.² 10 июля после проведения практического маневрирования со стрельбой отряд в 22:00 возвратился в Севастополь. Попытка нового командующего с налета решить весьма трудную задачу по уничтожению вражеского корабля в открытом море закончилась неудачно. Следует отметить, что и «Бреслау» не выполнил задачи по нарушению коммуникации русских морских сил. После этого похода Колчак, учтя свои недочеты, поручил штабу разработать план действий флота в случае выхода неприятельских крейсеров в море.

Возможно, чтобы несколько смягчить впечатление от неудачного выхода в море, 12 июля Колчак издал приказ, в котором он рассказал о своем посещении Ставки и беседе с Николаем II. Командующий довел до сведения личного состава флота высокую оценку царем действий Черноморского флота и передал надежды государя на то, что флот исполнит те исторические цели, которые на него возлагаются.³

13 августа 1916 года в столичной газете «Новое время» появилась статья «Новый адмирал» о вступлении Колчака в должность командующего флотом. Полная вранья и журналистской развязности, она вызвала возмущение Колчака. В статье рассказывалось, как адмирал с вокзала поехал на пристань, а с нее к ближайшему миноносцу и во главе эскадры вышел в море, где с отрядом миноносцев гонялся за германским крейсером «Бреслау», немецкому крейсеру удалось

бежать, благодаря наступившим сумеркам. На экземпляре газеты, который он читал, статья обведена синим карандашом, и рукой Колчака написано: «Какая брехня». Однако эта «брехня» затем довольно прочно обосновалась не только в публицистике, но и в ряде исторических работ. 17 сентября появляется новая статья «С командующим в открытом море», полная банальностей и литературных красот, над которыми потешалась Анна Васильевна в одном из писем к Колчаку.⁴ 29 сентября «Вечернее время» поместило портрет адмирала. Таким образом, имя адмирала стало приобретать всероссийскую известность.

19 июля по случаю второй годовщины со дня начала войны Колчак обратился к Черноморскому флоту с приказом, в котором с большим воодушевлением высказал свой взгляд на войну в защиту Родины и ее интересов. Он отметил ее особенности и трудности и необходимости их преодоления. Следует сказать, что приказы по флоту Колчак писал сам, и это были в определенном роде литературные произведения, в которых проявлялась натура командующего. Об этом приказе Анна Васильевна Тимирева писала: «Читала ваш прекрасный приказ по флоту по поводу годовщины войны».⁵ Весьма положительно о приказах А. В. Колчака отзывался и морской министр К. И. Григорович: «С восторгом читал Ваши приказы — в них столько служебной правды и понимания службы».⁶ В приказе по случаю начала войны в концентрированной форме проявилось его мировоззрение рыцаря войны во имя спасения Отечества. «Для нас, которых Родина воспитала для войны и призвала теперь к выполнению долга и обязательств перед нею, — писал Колчак, — война должна быть желанным временем, лучшим периодом нашей жизни, ее главной целью.

Любовь к войне, к военной деятельности и боевой работе, благородное стремление к подвигу и славе воинской заложены в душе каждого человека, особенно молодого и здорового. Для таких лучших представителей своего народа, которых Родина ставит в ряды защитников и осуществителей своих прав, война дает высокое удовлетворение в сознании исполь-

зованного величайшего долга, который может быть у человека, примиряющее со всеми тяготами и лишениями военного времени».⁷

В приказе Колчак рассказал о том, как в первый день своего командования он стал свидетелем того, как по сигналу боевой тревоги матросы линкора «Императрица Мария», находившиеся в корабельном лазарете, бросили свои койки и заняли места по боевому расписанию. Здесь мы видим, что командующий напрямую обращался к рядовому составу флота, ни разу не упомянув слово «офицер». Возможно, это было сделано умышленно, поскольку с самого начала наметились трения между Колчаком и частью офицерского состава флота из-за высоких требований к исполнению своих служебных обязанностей, которые предъявлял новый командующий.

Приняв Черноморский флот, А. В. Колчак столкнулся с рядом негативных явлений, которые его, человека прямого, не могли не выводить из себя. С первых дней пребывания в должности он почти ежедневно стал получать анонимные письма с жалобами или доносами на своих начальников. Свое отношение к таким письмам он выразил в приказе по флоту: «Писать такие письма может только негодяй и прежде всего трус, который боится сказать открыто, что он знает и думает. Я не могу выслушивать то, что мне говорят трусы, и считаться с их мнением, а поэтому такие письма уничтожаю и никогда не делаю поступков, на них основанных. Может быть, в таких письмах и бывает правда, но я все-таки не могу верить письму без подписи и что-нибудь сделать».⁸

Вступив в должность, Колчак первым делом начал выполнять полученные в Ставке директивы, а они сводились к тому, чтобы всеми возможными способами заблокировать Босфор и не дать судам противника выходить в Черное море. Нельзя сказать, что до Колчака этой проблемой на Черноморском флоте не занимались. Минные заграждения у Босфора выставлялись, но из-за ограниченного запаса мин и неимением четких директив Ставки их ставили в небольшом количестве и точечно на тех направлениях, где наиболее часто замечались корабли противника. К тому же минировались

и подходы к своим портам от возможного появления судов противника. За восемь с половиной месяцев на русских минах подорвалось пять из восьми вражеских кораблей. Штаб флота также планировал широкомасштабные постановки мин у Босфора, но их осуществили уже при Колчаке.⁹

А. В. Колчак весьма активно взялся за постановку минных заграждений. Для этого он пригласил специалиста из Балтики, капитана 1-го ранга Н. Н. Шрейбера. Чтобы увеличить количество мин для постановок у Босфора, он приказал отказаться от постановки мин у своих берегов. Личный состав флота оказался недостаточно подготовлен для минных постановок. В связи с этим по приказу командующего в течение десяти дней проходили специальные тренировки. После этого были проведены успешные минные постановки в непосредственной близости от Босфора, которые продолжались и впоследствии.¹⁰ Однако установить полную блокаду Босфора так и не удалось, и германо-турецкие суда после протраливания проходов в минных заграждениях входили и выходили из Босфора.

В связи с минными постановками у Босфора в заслугу Колчаку ставилось отсутствие в Черном море крейсеров «Гебен» и «Бреслау».¹¹ В действительности с конца 1916 по первую половину 1917 г. эти корабли стояли в доках на ремонте. При этом на «Бреслау» меняли артиллерийские 105-миллиметровые орудия на более мощные 150-миллиметровые и переводили котлы с угля на нефть. После модернизации, в июне 1917 г., тральщики вывели «Бреслау» из Босфора, и он провел успешную диверсионную операцию против русских морских сил. Черноморскому флоту также оказалось не под силу полностью прекратить подвоз угля из Зунгулдака в Константинополь, хотя он существенно и уменьшился. Колчак предпочел в борьбе с врагом сделать ставку на минное оружие и в меньшей степени использовал корабли для действий на его морских коммуникациях.¹²

В это время флот также продолжал борьбу с подводными лодками, базировавшимися на Босфоре и Варну, а также осуществлял грузовые перевозки для обеспечения Кавказ-

ского и Юго-западного фронта. На Черноморском флоте Колчак столкнулся с плохой обученностью личного состава при проведении минных и артиллерийских стрельб. Это происходило из-за того, что у русских берегов постоянно находились подводные лодки противника и существовала опасность быть атакованными.

За месяц пребывания в должности командующего А. В. Колчак три раза выходил в море на линейных кораблях и каждый раз встречался с подводными лодками, которых преследовали русские миноносцы охранения. Это, естественно, затрудняло проведение учебных стрельб. Командующий стал применять систему ночных входов и выходов больших судов. Колчак обратил внимание на большую изношенность миноносцев и крейсеров за годы войны. Он также пришел к выводу о том, что с имеющимися у него средствами невозможно одновременно организовать непрерывное наблюдение за Босфором и Варной и обеспечить охрану морских коммуникаций для русских армий. Учитывая опыт Балтийского флота, Колчак предложил изменить боевую организацию линейных судов, упразднив должность начальника дивизии линейных кораблей и перейти на систему двух бригад непосредственно подчиненных командующему.¹³

В связи с предстоящим вступлением Румынии в войну на стороне Антанты командование Черноморского флота разработало операцию по бомбардировке Варны гидросамолетами. 10 августа отряд кораблей во главе с линейным кораблем «Императрица Екатерина Великая», на котором находился командующий флотом вице-адмирал А. В. Колчак, вышел из Севастополя. 12 августа в 25 милях от Варны 20 гидросамолетов были спущены на воду. Подняться в воздух смогли 7, а выполнить бомбометание только 4. В свою очередь самолеты противника атаковали корабли отряда, которым пришлось отбиваться зенитными орудиями и пулеметами. В результате произошли небольшие повреждения и потери в личном составе. Причинами неудачного похода на Варну явились техническая неисправность самолетов, недостаточная подготовка летного состава и активное противодействие

авиации противника.¹⁴ Следует также отметить, что прошло чуть больше месяца со дня вступления Колчака в должность командующего флотом и, по-видимому, он не имел еще четкого представления о боевых качествах всех подразделений, в частности о гидроавиации.

Начальник Морского штаба Ставки адмирал А. И. Русин осознавал опасность, исходившую от немецких подводных лодок, и понимал, что в одночасье проблему решить невозможно. Возникновение проблемы он связывал с прежним командованием флота, которое, несмотря на неоднократные напоминания, не проявило энергии в создании средств борьбы с подводными лодками. Для улучшения положения Ставка распорядилась отпустить Черноморскому флоту мины заграждения и противолодочные сети. Вместе с тем Русин не рекомендовал Колчаку проводить крупномасштабные операции против Варны, связанные с обстрелом города с моря, поскольку в это время происходило отступление действующей армии в Добрудже. По мнению Русина, самостоятельные действия флота в настоящее время без содействия сухопутных войск нежелательны, так как приведут к большому расходу снарядов, возместить который будет затруднительно.¹⁵ Вместе с тем Колчак предпринял поход к Варне с целью ее обстрела из орудий линейных кораблей. На основе разведочного траления он полагал, что минные заграждения отсутствуют. В ночь со 2 на 3 октября отряд в составе линейных кораблей «Императрица Мария» (под флагом командующего), «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», гидрокрейсера «Император Николай I», отрядом тральщиков и миноносцев вышел в море. Однако, когда началось траление прохода для линейных кораблей, то выяснилось, что там выставлено минное заграждение не менее, чем из двух линий. Ночная работа тральщиков обошлась без потерь. Вместе с тем из-за недостатка нефти на миноносцах отряд вынужден был вернуться в Севастополь.¹⁶ Данный выход в море не дал результатов, скорее всего, из-за недостаточно продуманной подготовки к операции. Однако 2 ноября Колчак снова обращается к Русину с просьбой о разрешении бомбардировки

Варны для подготовки флота к будущим операциям. Адмирал просил Русина высказать свое мнение и снова получил отказ, мотивированный недостатком боеприпасов и изношенностью орудий.¹⁷

В неудовлетворительном состоянии оказался и высший командный состав Черноморского флота. Ознакомившись с постановкой оперативной работы в штабе флота, флаг-капитан по оперативной части командующего флотом капитан 1-го ранга М. И. Смирнов доносил о плохой работе оперативной части штаба и предлагал ее перестроить, а заодно и произвести новые назначения. Необходимость перестановок в командном составе флота ощущал и сам Колчак. Уже 14 июля, спустя шесть дней после вступления в должность, он писал морскому министру о необходимости смены высших должностных лиц флота.¹⁸ В связи с этим энергичный адмирал начал подтягивать командный состав. Новым начальником штаба стал контр-адмирал С. С. Погуляев, начальником минной дивизии капитан 1-го ранга князь Н. Н. Трубецкой, комендантом Севастопольской крепости — контр-адмирал М. М. Веселкин, произошли и другие назначения.

Однако бывали и перестановки по ходу военных действий. Так, на одной из минных постановок у Босфора командир минного дивизиона миноносцев не выполнил приказ командующего флотом о постановке мин из-за обстрела дивизиона турецкой береговой артиллерией. Когда об этом он доложил А. В. Колчаку, который находился на «Императрице Марии», осуществлявшей прикрытие, то через некоторое время последовал приказ адмирала командиру дивизиона капитану 1-го ранга Н. Н. Савинскому сдать командование, а флаг-капитану по оперативной части капитану 1-го ранга М. И. Смирнову вступить в командование дивизионом на время похода. На следующую ночь приказ о постановке мин был выполнен.¹⁹ Возможно, имея в виду этот и другие случаи адмиральских разносов, флаг-капитан Колчака Р. Р. Левговд писал: «В адмиральском кабинете, в открытом море на мостике, всюду, где появлялся адмирал, происходили драмы.

Однажды вспылив, он уже не мог сдержать своего гнева, а в сердцах потерпевших после этих сцен оставались чувства затаенной обиды. В командном составе произошел ряд перемен, некоторых уволили, некоторые сами ушли. Наряду с очисткой флота от сорной травы бывали случаи вынужденного ухода людей достойных и полезных флоту».²⁰

Характеризуя А. В. Колчака, начальник Морского управления при Ставке В. Д. Ненюков писал: «Он выдвигался исключительно своими делами, а не умением показать товар лицом. Его нельзя было назвать исключительно умным человеком, но он имел душу воина и, главным образом, порыв. Характер его был очень решительный, и порой задерживающие тормоза у него плохо действовали. Но вместе с тем он умел сознавать свои ошибки и принимать меры к их исправлению. <...> Как строевой начальник А[лександр] В[асильевич] был безусловно выдающийся, и он умел внедрять и в подчиненных свои высокие качества воина».²¹ Продолжая характеристику Колчака, Ненюков писал: «В Черном море вступление в командование адмирала Колчака вызвало громадное оживление. Энергичный адмирал, которого сразу прозвали железным за его неутомимость, заставил всех кипеть как в котле».²²

Естественно, что установление новых порядков вызывало недовольство тех, кто привык жить по старым нормам. А. В. Колчак разворошил Черноморское болото, и оно стало сопротивляться всеми возможными способами силе, которая его встряхнула. Один из балтийцев, перешедший с Колчаком на Черное море, старший лейтенант Н. Г. Фомин, в одном из писем от 11 ноября 1916 г. своему сослуживцу по штабу Балтийского флота барону Н. А. Типольту писал: «Вся эта компания не только ненавидит Колчака, но, презрев всякий долг и совесть, старалась пассивным тупым сопротивлением провалить не только все проводимые А[лександром] В[асильевичем] идеи, но даже операции(?!), поручаемые им дела, где весь вопрос только в совести».²³ В письме от 22 декабря, продолжая эту тему, он говорил: «Сегодня узнал поразивший меня слух, будто Александр Васильевич Колчак назначает-

ся командующим к вам на Балтику. Полагаю, что это вздор, но правда то, что здесь его харчат вовсю. Нет того нелепого гнусного слуха, которого не рассказывало про него Севастопольское болото. Сколь бы ни мала была операция, сколь бы ни была она удачной, ей безусловно занят весь город и, критикуя ее на всякие лады, не оставит в ней ни одной маломальски осмысленной черточки. Колчак и его штаб (балтийцы) — это какие-то злонамеренные идиоты, упавшие с неба на несчастье Черноморского флота».²⁴ О недовольстве Колчаком и его балтийской частью штаба написал в рапорте на имя начальника МГШ адмирала Русина отстраненный Колчаком от должности историографа Черноморского флота Е. Н. Квашнин-Самарин.²⁵ В такой обстановке интриг и сплетен, когда ряд старших офицеров только и думал о том, когда командующий сломает себе шею, работать было очень не просто.

Вскоре стали появляться положительные итоги деятельности командующего флотом. Так, минными постановками Черноморский флот закрыл для германских подлодок Варну, ограничил их выход из Босфора. Корабли флота стали выходить на учебные стрельбы, менее опасными стали выходы для прикрытия грузоперевозок. Штаб флота составил инструкции по стрельбе по береговым целям и инструкции по взаимодействию морских и сухопутных командиров по организации связи для корректировки огня. Стала налаживаться радиотелеграфная часть и шифры. Многое пришлось позаимствовать из опыта Балтийского флота, с командующим которого, вице-адмиралом В. А. Каниным, Колчак состоял в переписке. Из нее мы узнаем, что адмиралы обменивались опытом борьбы с подводными лодками и минными заграждениями противника.²⁶

Большим успехом стал захват подводной лодкой «Тюлень» турецкого грузового парохода «Родосто» 28 сентября и препровождение его в Севастополь.²⁷ По докладу Колчака в Ставку, Николай II наградил командира лодки старшего лейтенанта М. А. Китицына Орденом Святого Георгия Победоносца 4-й степени и выразил офицерам и команде «го-

рячую благодарность». В ответной телеграмме А. И. Русину 2 октября 1916 г. Колчак писал: «Прошу ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам нашего обожаемого верховного вождя и главнокомандующего государя императора чувства беспредельной любви и преданности, одушевления. Неизменно всегда Черноморский флот и о которых я, командующий флотом, имею счастье донести по случаю высокого внимания императора к деянию подводной лодки „Тюлень“»²⁸.

Однако вскоре на Черноморском флоте произошла трагедия. 7 октября 1916 г. в 6:20 минут, после побудки, на линейном корабле «Императрица Мария», стоявшем на рейде Севастополя, произошел пожар, продолжавшийся около 2 минут, после чего последовал взрыв в пороховых погребах. Всего за время гибели корабля, которая продолжалась около часа, прогремело 23—25 взрывов разной силы. Уже через 15 минут Колчак был на горевшем корабле и руководил работами по его спасению. Поскольку, по уверению инженеров, строивших корабль, он, в отличие от броненосцев старых типов, не должен был переворачиваться, поэтому распоряжения о выводе корабля на мелководье не последовало. Положение осложнялось тем, что после первого взрыва прекратилось освещение и вышли из строя помпы из-за перебитых трубопроводов. По приказанию командующего начали разводить пары в последнем кочегарном отсеке, куда отправился с командой инженер-механик мичман Г. С. Игнатьев, погибший на своем посту при переворачивании корабля. По решению Колчака стали затоплять погреба 3-й и 4-й орудийных башен. Пожар перешел на вторую 12-дюймовую башню. Чтобы не произошел взрыв, инженер-механик Пахомов и двое матросов пробрались в заполненное дымом помещение, разобрав обломки и трупы, завалившие подходы к штокам клапанов, открыли их, предотвратив тем самым взрыв 12-дюймовых погребов. Колчак надеялся потушить пожар, заполняя погреба водой. Однако это только увеличило крен судна. Когда стало ясно, что корабль находится в опасном положении, то отводить его на мелководье было уже поздно. Тогда командующий отдал

приказ покинуть корабль и сошел сам. Личный состав линкора сделал все возможное для спасения корабля, но все усилия оказались напрасными. В 7:17 корабль перевернулся килем вверх и затонул.

В результате этой трагедии погиб 1 офицер, два кондуктора, 149 рядовых матросов. От ран и ожогов умерло 64 рядовых. Сумели спасти 36 офицеров, 17 кондукторов, 885 рядовых. Из них в числе обожженных и раненых оказалось два кондуктора и 230 рядовых.²⁹ В телеграмме адмиралу А. И. Русину, отправленной в день трагедии, говорилось о 320 погибших.³⁰ Различие в цифрах погибших, скорее всего, произошло из-за неточности в подсчетах в первые часы после трагедии.

В этот же день Колчак получил телеграмму сочувствия от командующего Балтийского флота А. И. Непенина: «Ничего, дружище, все образуется».³¹ Слова поддержки в адрес Колчака и Черноморского флота выразил и Николай II: «Скорблю о тяжелой потере. Но твердо уверен, что Вы и доблестный Черноморский флот мужественно перенесете это испытание».³² Свое участие выразил и морской министр И. К. Григорович.³³ 14 октября он выехал в Севастополь, чтобы на месте разобраться в случившемся.³⁴

Среди высшего военного руководства возникли разногласия о необходимости обнародования в печати сообщения о гибели «Императрицы Марии». А. В. Колчак и И. К. Григорович выступили против публикации,³⁵ сославшись на то, что в Англии о таких случаях в печати не сообщается. В то же время командующий Балтийским флотом вице-адмирал А. И. Непенин и адмирал А. И. Русин выступали за публикацию. Поскольку шведские газеты уже сообщили о трагедии, а слухи и сплетни о гибели линкора распространялись в Петрограде и в Гельсингфорсе. Арбитром в споре стал Николай II. По его повелению, после предварительного просмотра 26 октября 1916 г. в газете «Русский инвалид» появилась информация о случившемся.³⁶

Для расследования гибели «Императрицы Марии» была создана Особая следственная комиссия под председатель-

ством члена Адмиралтейств-совета адмирала Н. М. Яковлева.³⁷ Уже 31 октября, после ознакомления со всеми обстоятельствами дела, она представила заключение о произошедшей трагедии. Однако выявить определенно ее причины она так и не смогла.³⁸

По-видимому, не удовлетворившись выводами комиссии, 4 ноября А. В. Колчак представил Морскому министру рапорт о гибели «Императрицы Марии». В нем он высказался за возможность самовозгорания пороха, хотя и считал это маловероятным. Он также отвергал и возможность диверсии. Однако, по мнению командующего, лично знакомого с устройством линкора, привести в исполнение взрыв корабля мог только человек, хорошо знакомый с его устройством и порядком службы. Им мог быть только человек, служивший на судне либо долго работавший на нем. Вместе с тем Колчак обратил внимание на несоблюдение уставных требований в условиях боевой обстановки. Он также заметил, что только что выпущенные молодые мичманы не пользовались авторитетом у команды, поскольку слабо знали порученное им дело. В Связи с этим старший артиллерийский офицер старший лейтенант князь В. Н. Урусов доверял специалистам нижних чинов больше, чем молодым неопытным офицерам. Это, по мнению командующего, вело к отсутствию авторитета и влияния офицеров на команду. В целом, Колчак соглашался с мнением комиссии о неопределенности причин взрыва на «Императрице Марии».³⁹

Гибель «Императрицы Марии» Колчак воспринял очень близко к сердцу и считал себя виновным в этом несчастье. Побывавший на Черном море представитель Ставки капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов доложил начальнику морского штаба ставки и морскому министру о тяжелом психологическом состоянии Колчака. Об этом было доложено и Верховному главнокомандующему. По его поручению, А. Д. Бубнов отправился в Штаб Черноморского флота с наказом передать Колчаку, что император никакой вины за ним не видит, верит в него и просит спокойно продолжать командование.⁴⁰ В связи с этим о своем доверии командующему флотом

6 ноября телеграфировал начальник морского штаба Ставки адмирал А. И. Русин.⁴¹ 7 ноября с письмом к Колчаку обратился Григорович. «Вы считаете себя виновником в гибели корабля. Должен искренне и прямо Вам сказать, что никогда и ни у кого не было и мысли считать Вас ответственным за эту катастрофу», — писал министр. Далее Григорович сообщал, что считает виновником начальника бригады крейсеров Черного моря контр-адмирала К. А. Порембского и старшего офицера «Марии» капитана 2-го ранга А. В. Городыского. Министр считал, что после войны без суда не обойтись. И далее Григорович писал: «Я по дружбе прошу Вас отстранить от всякой ответственной службы Порембского, Кузнецова, Городыского и князя Урусова. Бубнов сказал мне, что вам известно, что будет думский запрос, на это могу вас успокоить, что этого не будет».⁴² В ответном письме Колчак поблагодарил министра за нравственную поддержку, обещал выполнить пожелание относительно упоминаемых в письме офицерах «Императрицы Марии». Командующий также считал необходимым проведение суда теперь же, поскольку его откладывание потеряет свое воспитательное значение. Колчак также сетовал на слабое физическое здоровье офицеров Черноморского флота. Он просил министра помочь с ремонтной базой флота, поскольку севастопольский порт совершенно не справлялся с ремонтом судов.⁴³ В ответном письме от 18 ноября Григорович сообщил, что к трагедии на «Императрице Марии», по его мнению, привели грубые нарушения требований Морского устава и установившийся в связи с этим порядок службы на корабле. Это предположение министра впоследствии подтвердил генерал Ф. Р. Рерберг, которому передавали, что после поднятия «Марии» инженеры, обследовавшие корабль, нашли окурки и остатки пищи в тех местах, где есть и курить строго запрещалось.⁴⁴

По докладу морского министра Николай II 10 ноября 1916 г. распорядился направить дело о гибели «Императрицы Марии» на рассмотрение военно-морского суда, с привлечением к суду контр-адмирала К. А. Порембского, капитана 1-го ранга Кузнецова, капитана 2-го ранга А. В. Городынского

го и старшего лейтенанта князя В. Н. Урусова. Однако рассмотрение дела, ввиду военного времени, отложили до окончания войны. Вместе с тем, Порембского до суда решили ни на какие должности не назначать, а остальных могли использовать на службе, но только не как самостоятельных начальников. Григорович также уведомил Колчака, что по его распоряжению начаты опыты над порохом на предмет его самовозгорания от механических воздействий.⁴⁵ Со своей стороны и Колчак принял меры по выяснению способов хранения боеприпасов на кораблях. Для этого создавалась специальная комиссия, в обязанности которой входила проверка безопасности пороховых погребов на плавающих судах.⁴⁶

Психологическая травма, связанная с гибелью «Императрицы Марии», была так глубока, что, как писала Анна Васильевна Тимирева, у адмирала изменился даже почерк.⁴⁷ О своем тогдашнем состоянии в одном из писем к Тимиревой он писал: «Пожалейте меня, мне тяжело», — и сожалел, что пережил гибель «Марии».⁴⁸ Колчак писал, что на него находят припадки бешенства, что он сидит на корабле, никуда не съезжая, даже домой, и далее говорил: «В несчастье я считаю лучше остаться одним».⁴⁹ Такая откровенность Александра Васильевича привела ее в смятение. Больше всего Анна Васильевна боялась того, что, выйдя из кризиса, он не простит себе проявленной слабости, о которой знает близкий ему человек, и это приведет к разрыву. В ответных письмах, проявив чуткость и такт, не задевая его самолюбия и при этом сохраняя выдержку, достоинство и хладнокровие, она нашла такие слова утешения, которые смогли восстановить в адмирале утраченную веру в себя.⁵⁰ Ситуацию осложняло то, что свои отношения с женщинами Колчак строил из принципа, что любви достоин только воин-победитель. К этому примешивалось его убеждение в том, что «миловитовое», «снисходительное» отношение Анны Васильевны к нему покоится на его военных заслугах и высоком звании. Поняв это, она написала: «...если бы Вы, помимо признания „некоторых военных достоинств“, были как человек неприятны или абсолютно мне безразличны, вряд ли я стала бы

ну хотя бы просто писать Вам».⁵¹ И в другом письме она добавляла: «Мне абсолютно ничего от Вас не надо».⁵² Письма Анны Васильевны, по выражению самого Колчака, помогли ему в то время.⁵³ Впоследствии он писал: «В октябре [имеется в виду гибель «Марии». — А. С.] Вы не оставили меня, две-три фразы Ваши сделали для меня то, что никто не делал для меня [в] жизни».⁵⁴ Всесторонняя поддержка, оказанная Колчаку в этот сложный для него период, позволила ему выйти из состояния депрессии и войти в прежний ритм жизни.

После трагедии с «Императрицей Марией» Командующий флотом отдал приказ о выселении из Севастополя в течение двух недель лиц, не имевших отношения к обороне города, и определил их количество в 12 тысяч человек. Эта мера получила одобрение морского министра И. К. Григоровича. Однако ее выполнение вызвало определенные издержки. Вопрос о том, где и как будут жить выселяемые, кто подлежит выселению, можно ли брать багаж и сколько, в каких вагонах будут вывозиться люди (товарных или пассажирских), не был продуман. Через две недели были выселены служащие «Соединенного банка» и Управления железных дорог. Вскоре тот же Григорович просил Колчака за престарелого, больного адмирала С. Н. Чирикова, который имел на руках тяжелобольную сестру.⁵⁵ Обращались к Колчаку и другие жители Севастополя, которым ехать было некуда.⁵⁶ Через некоторое время Колчак «охладел» к своей идее, а возможно, понял ее абсурдность.⁵⁷

Назначая А. В. Колчака Командующим Черноморским флотом, царь и Морской штаб Ставки считали, что только он может осуществить десантную операцию по захвату Босфора. Эту идею в Ставке настойчиво проводил отвечавший за Черноморский флот капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, который считал Колчака «единственным в русском флоте командующим, которому эта операция была по плечу».⁵⁸ Сначала операция планировалась на сентябрь 1916 г., до начала осенних штормов, но затем ее перенесли на апрель-май 1917 г. Противником ее проведения стал начальник штаба Ставки

генерал М. В. Алексеев, считавший, что ключи от Константинополя лежат в Берлине, к тому же он не собирался снимать с фронта дивизии, необходимые для формирования десантной армии. Однако перед командующим флотом летом 1916 г. возникло еще одно препятствие.

В конце июля Колчак получил письмо от командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича с требованием передачи 60 транспортов для обеспечения перевозок для Кавказской армии.⁵⁹ По его мнению, выделение такого количества судов делало невозможным осуществление десантной операции до 1 октября. В связи с этим он направил письмо адмиралу А. И. Русину, в котором спрашивал, остается ли в силе директива 217 Ставки от 22 мая 1916 г. о перевозке десантной армии в два приема.⁶⁰ Очевидно, чтобы не вступать в конфликт с Николаем Николаевичем, в Ставке 10 августа выработали директиву командующему Черноморским флотом, подписанную Русиным и утвержденную Николаем II. Только в последнем седьмом пункте говорилось о подготовке транспортов для десантной операции к весенней кампании 1917 г.⁶¹ Таким образом, надежды на овладение Босфором откладывались на будущее, чтобы уже никогда и не осуществиться. По-видимому, это было и к лучшему, поскольку, судя по всему, подготовить такую грандиозную операцию за два с лишним месяца не представлялось возможным и пахло авантюризмом. Тем более что опыта в проведении такого масштабного десантирования не имелось.

Прибывший по вызову А. В. Колчака с Балтики лейтенант Н. Г. Фомин, ознакомившийся с подготовкой десантной операции, пришел к выводу, что ничего толком для ее проведения не сделано, кроме назначения «начальника высадки» в звании адмирала, создания его штаба (при отсутствии войск в его распоряжении) и идеи операции. Начальники, участвующие в операции, не знали, что они должны делать на каждом ее этапе. Отсутствовали также инструкции стрельбы по береговым целям, организация связи и корректировка огня. Все это предстояло еще наладить.⁶²

Несмотря на все издержки, которые имелись у А. В. Колчака в командовании флотом, были и бесспорные успехи. Так, удалось воспрепятствовать выходу в море подводным лодкам у Варны, выставить минные заграждения у Босфора, сократить подвоз угля в Константинополь. За организацию противодействия подводным лодкам противника 2 января 1917 г. Колчака наградили орденом Св. Анны I степени с мечами.⁶³

Помимо исполнения своих непосредственных обязанностей по командованию флотом, А. В. Колчак уделял внимание и религиозному воспитанию матросов.⁶⁴ Так, 18 января 1917 г. он созвал совещание флагманов и 18 представителей духовенства, чтобы обсудить вопрос о деятельности священнослужителей в деле воспитания команд кораблей. Обращаясь к собравшимся, Колчак обратил внимание на важность деятельности священников по воспитанию команд. В своем ответном слове флагманский благочинный, отец Медведь, поблагодарил командующего за внимательное отношение к священнослужителям и отметил, что в таком формате собрание проводится впервые, а значит, командующий придает серьезное значение этому вопросу. Интересно отметить, что в выступлении флагманского благочинного прозвучала мысль о необходимости обратить внимание на настрояние команд. При этом он напомнил о событиях 1905—1906, 1912 гг. на флоте и предостерег от их повторения. Судя по всему, такое предостережение было ненапрасным, поскольку выступавшие священники подчеркивали, что духовное состояние команд во флоте хуже, чем в армии. На совещании произошло столкновение мнений между командующим и благочинным по поводу профилактики венерических заболеваний. Благочинный считал, что военные врачи допускают ошибки, рассказывая о венерических заболеваниях, тем самым провоцируя разврат. Колчак с этим не согласился и потребовал проведения самых широких профилактических мер в этом направлении. Помимо обсуждения нравственных вопросов, Колчак просил присутствующих разъяснить командам, что на флоте для нижних чинов 3 дня в неделю будет

выдаваться постная пища, ввиду недостатка мяса, что свидетельствовало о неблагополучном положении с продовольствием в стране.⁶⁵

Результатом совещания у командующего флотом стал приказ от 20 января «О мерах по улучшению религиозно-нравственного воспитания команд кораблей Черноморского флота». Согласно этому приказу, священник находился теперь в ведении командира корабля и был обязан два часа в неделю (один час обязательно) отводить религиозно-нравственному просвещению. При этом указывалось, чтобы священники не ограничивались одними духовными наставлениями, а затрагивали широкий спектр жизненно важных вопросов.⁶⁶

Возглавив Черноморский флот, А. В. Колчак занимался не только чисто военными вопросами, но и вникал в политическую жизнь в стране. В это время либеральная оппозиция вела активное наступление на власть и в связи с этим налаживала контакты с генералитетом русской армии. Не остался обойденным и Колчак. В августе 1916 г. его и командующего армиями Северного фронта генерала Н. В. Рузского посетил московский городской голова и главноуполномоченный Всероссийского союза городов, депутат Государственной думы и член ее Прогрессивного блока М. В. Челноков, который также входил в одну из групп, готовивших дворцовый переворот. Колчаком он был «принят любезно и скоро».⁶⁷ Однако кроме самого факта посещения Челноковым командующего Черноморским флотом об этом эпизоде больше ничего не известно.

В Севастополе в ноябре 1916—феврале 1917 г. А. В. Колчак встречался также с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, находившимся в Крыму на лечении. Об этом он упомянул единственный раз в автобиографии, написанной в 1918 г.: «Мне часто приходилось видаться и беседовать с генералом Алексеевым о государственных вопросах, относящихся к первому периоду, непосредственно предшествовавшему революции».⁶⁸ В процитированном отрывке обращает на себя внимание сло-

во «часто». Что заставило больного Алексеева и загруженного работой Колчака встречаться часто? Кто из них являлся инициатором этих свиданий и о чем конкретно шла речь на них? Сейчас об этом сказать сложно, да и вряд ли мы об этом узнаем, поскольку сами участники бесед, судя по всему, никаких свидетельств не оставили.

Следует отметить, что, находясь в Севастополе, Алексеев дважды вызывал Колчака и его начальника штаба к себе для доклада об обстановке на Черном море. На них также присутствовал генерал для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант В. Е. Борисов.⁶⁹ Впоследствии он нелестно отзывался о понимании Колчаком и его начальником штаба общей стратегической обстановки и роли флота в Черном море.⁷⁰ Высказанное им мнение можно связать с тем, что армейские генералы смотрели на флот как на вспомогательную силу, в то время как Колчак придавал ему решающее значение в предстоящей операции по взятию Босфора и Дарданелл. Помимо рабочих встреч, если исходить из автобиографии Колчака, между ними происходили и частные беседы. Уровень официального положения лиц, с которыми командующий флотом имел обмен мнениями в конце 1916—начале 1917 г., дает основание предположить, что там могла идти речь о переменах в управлении страной.

О том, что происходило в России, командующий флотом знал не только из официальных, но и из частных источников. Сведения о росте оппозиционных настроений в Петрограде и Государственной думе А. В. Колчак получал из писем А. В. Тимиревой. Она, в свою очередь, интересовалась политической жизнью страны, с гостевой трибуны наблюдала за дебатами в Думе, а также получала информацию из бесед с братом мужа, депутатом Думы В. Н. Тимиревым.⁷¹

Данные о настроениях флотских офицеров и их отношении к происходящему А. В. Колчак получал от своего доверенного лица, капитана 2-го ранга В. В. Романова. Так, в письме к адмиралу от 10 ноября 1916 г. он сообщал о тех надеждах, которые возникли в обществе в связи со слухами

о возможном назначении морского министра И. К. Григоровича премьер-министром. «Все глаза в настоящий момент, — писал В. В. Романов, — смотрят на Могилев, куда уехал минмор, но куда потянулись и темные силы. Если что может разрешиться до прихода к Вам настоящего письма, темные силы в лице Штюмерера с присными будут одолены и свержены, — это будет с военной точки зрения величайшей победой. Если этого не произойдет, то мрак, в котором сидит Россия, еще более сгустится и „не уявится что будет“. Жуткое время — в такой момент и внутренний враг горше внешнего».⁷²

В другом письме, от 17 ноября, реагируя на перестановки в правительстве и отражая возбужденное настроение петроградского общества, Романов говорил: «Как Вы знаете, Кукушка заменена Ястребом, — вместо Штюмерера мы имеем Трепова. Большой прогрессивным параличом Протопопов еще не ушел, и из того, что дельный человек Ритих назначен вместо Бобринского, нельзя выводить никаких заключений. В противовес выписан бывший посланник в Португалии Боткин — якобы для МИДа. Это единственный большой чин сего ведомства, за которым установлена — справедливо или нет — репутация германофила. Сазонов же считает его „мерзавцем“. Родзянко уехал в Ставку, но туда же проследовала Ее Величество. Все вместе создает атмосферу напряженного ожидания возобновления Думы в субботу, без ожидания от этого чего-либо хорошего».⁷³

Весьма неутешительные известия о положении дел в стране А. В. Колчак получил в начале февраля 1917 г., буквально накануне революции, от своего флаг-капитана по оперативной части капитана 1-го ранга М. И. Смирнова, посетившего Ставку. «В Петрограде и Могилеве, — писал Смирнов, — я был поражен ростом оппозиционного настроения по отношению к правительству, как среди петроградского общества, так и среди гвардейских офицеров, и даже в Ставке».⁷⁴ Как видно, Колчак имел представление о политических событиях в стране.⁷⁵ Со своей стороны адмирал возмущался историей с Распутиным, но на его отношение к династии и монархии она не повлияла. «Никакого участия в политиче-

ском движении какого-либо характера я по-прежнему не принимал», — говорил он на допросе в Иркутске в 1920 г.⁷⁶

Надо отметить, что А. В. Колчак не являлся сторонним наблюдателем надвигавшихся событий и в меру своих сил и возможностей старался удержать вверенный ему флот от возможных потрясений. Так, чтобы воспрепятствовать развитию революционных настроений, он практиковал систематический вывод кораблей в море. По его мнению, это отрывало команды от берега, изолировало их друг от друга и отвлекало от политических событий в стране. По словам офицера Черноморского флота Н. В. Новикова, в штабе флота обсуждались и меры по борьбе с революционным движением. В связи с этим делались определенные послабления нижним чинам. Так, по распоряжению штаба флота комендантскому отделению штаба крепости запрещалось отправлять провинившихся на берегу матросов на гауптвахту. Нарушителей следовало отправлять на корабли, где соответствующие начальники накладывали взыскания. В сентябре 1916 г. по распоряжению коменданта Севастопольской крепости контр-адмирала М. М. Веселкина, нижним чинам разрешалось ходить по некоторым центральным улицам, курить, посещать театры, кофейни, кондитерские, чайные, не торгующие спиртным, и другие общественные места, что способствовало снижению напряженности в матросской среде.⁷⁷ Однако не всеми такие шаги Колчака воспринимались положительно. По мнению ряда начальников, эти послабления вели к распушенности рядового состава флота.⁷⁸

Не сложились отношения у А. В. Колчака на почве послабления «дисциплины» и с начальником Севастопольского жандармского управления полковником Редровым, который сообщал о происходящем во флоте своему непосредственному начальству, а то пересылало доклады морскому министру. И. К. Григорович, в свою очередь возвратил всю переписку жандармов Колчаку, а тот вызвал к себе полковника и воспретил ему доносить куда бы то ни было на «его матросов». Однако Редров продолжал информировать департамент полиции о растущей распушенности матросов.⁷⁹ О своем отри-

цательном отношении к полковнику Редрову Колчак поставил в известность адмирала А. И. Русина. В свою очередь Русин обратился к министру внутренних дел А. Д. Протопопову с ходатайством, в согласии с командующим Черноморским флотом, о замене полковника Редрова из-за болезненного состояния здоровья полковником Дукельским.⁸⁰

В нестабильной политической обстановке конца 1916—начала 1917 года, когда общественное недовольство из стен Государственной думы стало выплескиваться на улицу, в правящих кругах все отчетливее стала звучать мысль о смене царствующего монарха, слово «заговор» стало занимать все более прочное место в общественном лексиконе.

Вопрос о вовлечении командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака в заговор с целью устранения от власти последнего российского императора неоднократно обсуждался в исторической литературе, однако сколько-нибудь убедительных доказательств в обосновании этой версии так и не прозвучало.

Одним из первых вопрос об участии А. В. Колчака в подготовке дворцового переворота поставил эмигрантский историк С. П. Мельгунов. В книге «На путях к дворцовому перевороту...»,⁸¹ характеризуя Колчака, он писал: «Прогрессивный человек, с хорошим общественным прошлым, отрицательно относившийся к правительственному режиму, казалось бы, легко мог быть привлечен к делу „спасения России“».⁸²

С. П. Мельгунов привел ряд свидетельств, которые якобы говорили о причастности А. В. Колчака к заговору. Среди них сообщение журналиста и литератора С. Р. Минцлова. Согласно этому рассказу, некто Р. присутствовал на секретных посиделках во дворце великого князя Николая Николаевича после его ареста в 1917 г. в Дюльберке, в Крыму. Там с 8 часов вечера до 2 часов ночи в кабинете великого князя собирався кружок из нескольких приближенных лиц, которые и были слушателями его рассказов. При этом участники вечеров дали слово, что не будут записывать содержание бесед. Сам Минцлов узнал о них от профессора Федоро-

ва, а тот, в свою очередь, от своего друга Р. В то же время в публикации Минцлова рассказ передан от лица Николая Николаевича. К участникам заговора великий князь отнес адмирала Колчака, генералов М. В. Алексеева, А. А. Брусилова, Н. В. Рузского и других.⁸³ Дворцовый переворот планировалось осуществить 15 января 1917 г., но из-за разногласий между его главными участниками намеченное дело пришлось отложить. Очагом заговора назывался дворец графини Н. С. Брасовой, морганатической супруги великого князя Михаила Александровича. Среди конкретных мероприятий, которые якобы осуществили заговорщики, чтобы удалить неугодных, Николай Николаевич называл перетасовку в армии, устроенную летом 1916 г. Под нее попали генералы А. Е. Эверт, Э. В. Экк, В. И. Гурко, Я. Ф. Шкинский (переведен в Иркутск) и другие.⁸⁴ Однако эти данные не соответствуют действительности. А. Е. Эверт являлся командующим армиями Западного фронта с 20 августа 1915 г. по 11 марта 1917 г. Э. В. Экк с 19 октября 1916 г. по 2 апреля 1917 г. командовал 23-м армейским корпусом. В. И. Гурко с 14 августа 1916 г. — командующий Особой армией, а с 10 ноября 1916 г. по 17 февраля 1917 г. — временно исполняющий обязанности начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего вместо больного генерала М. В. Алексеева. Я. Ф. Шкинский был назначен командующим Иркутским военным округом 7 октября 1915 г. Такое расхождение в фактах ставит под сомнение все повествование С. Р. Минцлова.⁸⁵ Из бесед великого князя, записанных журналистом, невозможно уяснить его собственную роль в этом предприятии. Ничего определенного не сообщалось и о функциях, возлагаемых на командующего Черноморским флотом. В связи с этим Мельгунов не склонен был верить рассказам Минцлова, поскольку в них сложно отделить фантазию от реальности. К этой оценке присоединяюсь и я.

Еще один эпизод, якобы доказывающий участие А. В. Колчака в заговоре, С. П. Мельгунов взял из письма капитана 2-го ранга А. П. Лукина и привел следующую выдержку: «Когда в 1917 г. дошли до Севастополя первые зарницы ре-

волюции, герцог С. Г. Лейхтенбергский (пасынок в[еликого] кн[язя] Николая Николаевича) был экстренно командирован в Батум на специальном миноносце для свидания с Николаем Николаевичем. Эта миссия была секретная и настолько срочная, что командиру миноносца дано было предписание „сжечь котлы, но полным ходом доставить герцога к отходу батумского поезда“. Тогда ходили слухи, что в контакте с Балтийским флотом и некоторыми войсковыми частями Черноморский флот должен был перейти в Батум и там, по всему побережью, провести демонстрации в пользу Николая Николаевича и доставить его через Одессу на румынский фронт и объявить императором, а герцога Лейхтенбергского — наследником. Такие слухи циркулировали во флоте в эпоху, когда Петроград был отрезан, и еще было неизвестно, чем все кончится».⁸⁶ Процитированный отрывок Мельгунов прокомментировал как отзвук планов «дворцового переворота», который готовили в разных кругах. И тут же историк отмечал: «Ответа на вопрос об участии Колчака мы все же не находим».⁸⁷

Однако на отрывке из письма А. П. Лукина следует остановиться подробнее, поскольку его сообщение основывалось на реальных событиях.

Действительно, факт поездки С. Г. Лейхтенбергского (Романовского) в Батум находит документальное подтверждение. Сохранилась телеграмма А. В. Колчака великому князю Николаю Николаевичу (послана 2 марта 1917 г. в 21:06): «Тифлис. Августейшему главнокомандующему. Всеподданнейше доношу, согласно телеграммы Вашего императорского высочества, Его высочество князь Романовский отбывает завтра утром морем миноносцем „Завидный“ в Батум. Колчак» (слова «миноносец „Завидный“» зачеркнуты).⁸⁸ Из телеграммы следует, что Лейхтенбергский (Романовский) отбывал в Батум не по распоряжению Колчака, как могло показаться из письма А. П. Лукина, а по приказу великого князя и 3 марта, что существенно меняет дело.

Получив сообщение о событиях в Петрограде, Николай Николаевич выехал из Батума в Тифлис.⁸⁹ Великий князь

поддержал предложение начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева генералу Н. И. Иванову отказаться от применения силы и начать переговоры с составшими.⁹⁰ Днем 2 марта наряду с генералами М. В. Алексеевым, А. А. Брусиловым, А. Е. Эвертом и В. В. Сахаровым он выступил за отречение Николая II.⁹¹ Около 12 часов ночи 2 марта царь назначил его Верховным главнокомандующим.⁹² Приведенные материалы свидетельствуют о том, что никаких самостоятельных шагов для захвата власти, да еще при помощи командующего Черноморским флотом, Николай Николаевич не предпринимал. Следовательно, сообщение А. П. Лукина можно отнести к разряду легенд, хотя и имевших под собой некоторую реальную основу (факт поездки Лейхтенбергского).

В статье А. П. Лукина «Бой над Ангерном», опубликованной в 1936 г., утверждалось, что прогрессивно настроенного адмирала А. В. Колчака в командующие Черноморским флотом провела группа офицеров, которая руководствовалась не требованиями боевой обстановки, а политическими соображениями. Они считали «желательным, чтобы в решительную минуту подготовлявшегося политического выступления во главе морских вооруженных сил стояли лица, сочувствующие ему».⁹³ Таким образом, хотя и косвенно, Лукин связывал А. В. Колчака с оппозицией без ссылок на источник информации.

Н. Н. Берберова в книге «Люди и ложи...» писала, что А. В. Колчак якобы был согласен с «морским планом» дворцового переворота.⁹⁴ Ссылка на книгу С. П. Мельгунова «На путях к дворцовому перевороту...» не может быть признана основательной, поскольку ее автор так и не смог доказать причастность А. В. Колчака к заговору.

В советской историографии впервые об участии А. В. Колчака в заговоре упоминалось в книге В. К. Жукова о Черноморском флоте в годы революции. В ней есть одна фраза, не подкрепленная ссылкой на источник: «...наряду с некоторыми офицерами он ожидал дворцового переворота».⁹⁵ В последующие годы об оппозиционности А. В. Колчака писали

авторы, изучавшие взаимоотношения русской буржуазии и царизма. Так, В. Я. Лаверычев установил факт посещения командующего Черноморским флотом в августе 1916 г. М. В. Челноковым.⁹⁶

В монографии В. И. Старцева «Русская буржуазия и самодержавие...» говорилось, что А. В. Колчак был назначен командующим Черноморским флотом благодаря имевшейся у него репутации либерала и оппозиционера.⁹⁷ Подобная точка зрения восходит к С. П. Мельгунову и А. П. Лукину.

В монографии Г. З. Иоффе «Колчаковская авантюра и ее крах», со ссылкой на автобиографию адмирала, впервые в историографии упоминалось о частых встречах командующего Черноморским флотом с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым, находившимся на лечении в Севастополе в ноябре 1916—феврале 1917 г.⁹⁸ Во время этих бесед обсуждались важные государственные вопросы. Исходя из оппозиционности М. В. Алексеева к «распутинскому» образу правления последних Романовых, Г. З. Иоффе достаточно осторожно распространял такого же рода фрондерство и на А. В. Колчака, но, по его мнению, оно не шло дальше смены одного монарха другим. Приверженность Колчака к республиканскому строю Иоффе справедливо считал позднейшим преувеличением, но слова о признании адмиралом какого-нибудь иного образа правления, сказанные во время следствия в Иркутске, признавал допустимыми и писал, что они «вероятно, выражают его настроение».⁹⁹

В 1990-е гг. появилась тенденция к героизации белого движения и его вождей. В связи с этим стали пересматриваться и биографии его «героев». Не избежал этого и А. В. Колчак. Определенной квинтэссенцией литературы об А. В. Колчаке стала книга И. Ф. Плотникова.¹⁰⁰ В ней автор попытался рассмотреть вопрос о политических воззрениях А. В. Колчака и дать отпор тем, кто относит адмирала к «законченным и последовательным монархистам».¹⁰¹ При этом автор опирался на стенограммы допросов А. В. Колчака в Иркутске. Использование фактологии судебно-следствен-

ных материалов требует самой тщательной проверки и сопоставления с другими источниками. Утилитарный подход к источникам противопоказан.

Очерк С. Кручины «Тайны адмирала Колчака» не принес чего-либо нового в исследуемый сюжет. Отрывок из письма А. П. Лукина, о котором уже шла речь, он интерпретирует как попытку командующего Черноморским флотом возвести на престол великого князя Николая Николаевича, однако это суждение можно отнести к разряду мнений, но не более того.¹⁰² В книгах П. Н. Зырянова и С. В. Дрокова вопрос, связанный с «морским заговором», вообще не поднимался.¹⁰³

Итак, в рассмотренной литературе никаких определенных данных, подтвержденных источниками, о причастности А. В. Колчака к одной из заговорщицких групп не содержится. Имеются только достаточно расплывчатые указания на его оппозиционность правительству, но не монарху, и, возможно, на фрондерство.

События февраля 1917 г. в Петрограде застали командующего Черноморским флотом вице-адмирала А. В. Колчака в Батуме, куда он прибыл с двумя миноносцами по вызову командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича для обсуждения вопросов взаимодействия армии и флота. Перед этим он зашел в Трапезунд, через который шло снабжение по морю Кавказской армии. Здесь адмирал принял решение о расширении порта, углублении гавани и устройстве причалов. На проведение этих работ он отпустил 2 млн 200 тыс. рублей из военного фонда.¹⁰⁴

Днем 28 февраля, после совещания у великого князя, А. В. Колчак возвратился на миноносец. Здесь он получил телеграмму от исполняющего обязанности помощника начальника Морского генерального штаба капитана 1-го ранга графа А. П. Капниста о бунте в Петрограде и захвате города мятежниками. Чтобы предотвратить распространение сведений о событиях в столице, Колчак отдал приказ коменданту Севастопольской крепости контр-адмиралу М. М. Веселкину о прекращении телеграфной и почтовой связи Крыма

с остальной Россией. Все поступающие телеграммы должны были направляться в штаб Черноморского флота.¹⁰⁵ Принятая мера оказалась настолько эффективной, что даже в штабе крепости не знали, что происходит в Петрограде, и жили слухами.¹⁰⁶ Вечером после обеда у великого князя, оставшись один на один, Колчак показал ему телеграмму из Петрограда. Оказалось, что Николай Николаевич никаких известий о событиях в столице не имел.¹⁰⁷

В письме к А. В. Тимиревой от 28 февраля, описывающем события этого дня, есть такая фраза: «Я сегодня устал от всяких обсуждений и решений вопросов огромной важности, требующих обдумывания каждого слова».¹⁰⁸ Очень похоже, что это высказывание относилось к петроградским событиям и судьбе императора. Впоследствии, 7 марта 1917 г., в беседе с великим князем Андреем Владимировичем Николай Николаевич так оценивал свою встречу с А. В. Колчаком: «О событиях, случившихся в Петрограде, я узнал 1 марта [в действительности 28 февраля. — А. С.] в Батуме. Туда ездил переговорить с адм[иралом] Колчаком — он прямо невозможен».¹⁰⁹ В чем же причина недовольства Николая Николаевича командующим флотом? Очевидно, между ними состоялся обмен мнениями по поводу случившегося, и вполне вероятно, что они обсуждали вопрос о судьбе Николая II. Можно предположить, что уже 28 февраля великий князь склонялся к отречению, в то время как командующий Черноморским флотом продолжал оставаться верным императору. Этим, пожалуй, и можно объяснить раздражительную реакцию великого князя.

Теперь рассмотрим вопрос о том, насколько события в Петрограде стали сюрпризом для А. В. Колчака. В письме к А. В. Тимиревой от 28 февраля 1917 г. есть такие фразы: «Получены крайне серьезные известия из Петрограда <...> пришло нечто невероятное из Петрограда».¹¹⁰ Исходя из этих высказываний, можно предположить, что информация была для него неожиданной. В то же время в интервью Колчака газете «Свободный край», опубликованном 23 сентября 1918 г., говорилось: «...с некоторых пор мне стало ясно, что

война должна быть проиграна. Распутинщина, сухомлиновщина, протопоповщина и многое другое вели Россию к гибели. Только переворот мог спасти положение, вывести Россию на путь возможной борьбы с врагом. Переворот, конечно, не был для меня неожиданным. Я приветствовал переворот как путь к победе».¹¹¹ Из этого отрывка видно, что адмирал, по крайней мере, имел сведения о готовящемся перевороте и видел в нем спасение России от гибели. Таким образом, цель провозглашалась святая — спасение родины. Рассматривая это интервью, надо учитывать то обстоятельство, что оно давалось год спустя после Февраля, в новых исторических условиях, после расстрела Николая II, когда началось восхождение Колчака на вершину всероссийской власти.

О том, что А. В. Колчак и офицеры Черноморского флота ожидали дворцовый переворот, говорилось в книге В. К. Жукова, без ссылки на источник информации.¹¹² В воспоминаниях Ф. П. Рерберга, написанных в эмиграции, автор на основе личных ощущений полагал, что Колчак сочувствовал убийцам Распутина, желал замены Николая II Михаилом и знал о том, что должно произойти в Петрограде. Скорее всего, командующий флотом не предвидел тех событий, которые произошли в столице.¹¹³ Об этом говорит письмо к А. В. Тимиревой от 28 февраля — источник, по времени наиболее близкий к восстанию в Петрограде.

28 февраля после 23 часов А. В. Колчак ушел из Батума в Севастополь, куда и прибыл вечером 1 марта.¹¹⁴ Здесь его ждали телеграммы от председателя Государственной думы М. В. Родзянко, начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева, морского министра И. К. Григоровича, начальника морского штаба Ставки Верховного главнокомандующего адмирала А. И. Русина. В телеграмме Родзянко сообщалось о восстании в Петрограде и переходе власти в руки Временного комитета Государственной думы.¹¹⁵ Алексеев весьма подробно информировал главнокомандующих фронтами и флотами о событиях в Петрограде 25—28 февраля.¹¹⁶ Григорович, помимо описания событий в столице, рассказал А. В. Колчаку о решении ко-

мандующего Балтийским флотом адмирала А. И. Непенина объявить командам кораблей о событиях в Петрограде своим приказом, что давало возможность осуществлять контроль за поступавшей информацией.¹¹⁷ Русин в телеграммах от 28 февраля и 1 марта писал о мятеже в Петрограде, о постепенном восстановлении порядка с помощью ВКГД и о начале беспорядков в Кронштадте и приказывал «принять все меры в поддержании спокойствия во флоте».¹¹⁸ Следовательно, общая картина произошедшего у А. В. Колчака имелаась. Тем не менее, по его приказу флаг-капитан М. И. Смирнов разговаривал по прямому проводу со Ставкой. Однако капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, отвечающий за Черноморский театр боевых действий, никаких директив не дал, сославшись на неясность обстановки.¹¹⁹ После этого А. В. Колчак провел совещание старших начальников, на котором было принято решение объявить командам о восстании в Петрограде. Адмирал также отменил свой приказ об информационной блокаде Крыма. Поскольку радиотелеграфисты флота принимали немецкие сообщения о революции в России, а 1 марта в Симферополе из телеграфного распоряжения члена Государственной думы Бубликова А. А. узнали о свержении самодержавия, то дальше скрывать сведения, поступавшие из столицы, не имело смысла. В противном случае это могло привести только к обострению отношений с личным составом.¹²⁰ Чтобы упредить стихийные выступления матросских масс, командующий флотом решил взять инициативу в свои руки и извещать команды о происходящем в Петрограде посредством своих приказов. Вполне возможно, что эту идею он заимствовал у А. И. Непенина, но мог прийти к ней и сам.

2 марта А. В. Колчак издал приказы по флоту № 771, 788 и 789. В первом он дал краткое изложение петроградских событий и сообщил о переходе власти к ВКГД. Вместе с тем, всем чинам флота предлагалось исполнять свой долг перед «государем императором и Родиной» и довести войну до победы.¹²¹ Во втором содержалось требование верить только приказам командующего, поскольку появились сообщения константинопольской радиостанции «в извращенном и преу-

величнем виде». И в третьем воспроизводилась телеграмма М. В. Родзянко с обращением от имени ВКГД к армии и флоту.¹²² Как видно из этих приказов, А. В. Колчак последовательно выполнял свой замысел, информируя флот о событиях через свои руки. Итак, еще 2 марта Колчак требовал от личного состава флота исполнять долг перед «государем императором». Это свидетельствует о том, что адмирал был верен присяге до отречения, о чем он говорил впоследствии.¹²³

Чтобы оградить флот от влияния петроградских событий, 2 марта по распоряжению командующего 2-я бригада линкоров и два дивизиона миноносцев вышли в море для проведения учебных стрельб и охраны подступов к Севастополю. В море отправлялись корабли, которые дольше других стояли в порту, и вследствие этого их команды имели связь с берегом и могли подвергнуться вредной агитации.¹²⁴

Меры, принимаемые А. В. Колчаком, оказались крайне своевременными. Уже 2 марта слухи о перевороте в Петрограде распространились по Севастополю и проникли в сухопутные части. Солдаты начали говорить с офицерами вызывающе и перестали отдавать честь.¹²⁵ В городе вспыхивали митинги. На одном из них комендант Севастопольской крепости контр-адмирал Свиты его императорского величества М. М. Веселкин по требованию собравшихся вынужден был снять императорские вензеля.¹²⁶ 3 марта некоторые роты отказались идти в караулы и на занятия. В дневнике начальника штаба Отдельной Черноморской дивизии подполковника А. И. Верховского за этот день появилась следующая запись: «Они [солдаты. — А. С.] глядят на нас волками».¹²⁷ Таким образом, если видимость связи между офицерами и солдатами и существовала, то она разорвалась с первого дня революции.¹²⁸ Другой участник событий, лейтенант Р. Р. Левговд, так описывал происходившее в Севастополе: «Время между 28 февраля и 8 марта 1917 г. было особенно тревожным для Севастополя. С каждым часом ширилась пропасть между командным составом и матросами. Пользуясь свободным от службы временем, собирались они на митинги и слушали там своих новоявленных учителей. Офицеры же сидели на

кораблях, в Морском собрании, бродили по улицам, ничего не предпринимая и мало отдавая себе отчет в совершающемся. Только одно всем было ясно одинаково: с переворотом бесследно исчезли казавшиеся незыблемыми гарантии личной безопасности и авторитетность приказаний начальников. И то, и другое исчезло вместе с дисциплиной, от которой осталась одна тень. Матросы заново определяли свое отношение к командному составу. Горя мщением за понесенные когда-то обиды и несправедливости, они, вместе с тем, не придавали большой цены тем, кто, боясь насилий, терял свою честь и достоинство, унижаясь до заискиваний и потаканий самым непозволительным выходкам матросов.¹²⁹

В то время как командующий Черноморским флотом употреблял все силы на удержание флота от революционных потрясений, в Ставке Верховного главнокомандующего шла подготовка к отречению Николая II. 2 марта А. В. Колчак получил осведомительную телеграмму начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, в которой приводились тексты телеграмм командующих фронтами к Николаю II с просьбой об отречении.¹³⁰ На допросе в Иркутске 24 января 1920 г. Колчак говорил, что для него она стала совершенно неожиданной.¹³¹ Соответствующую телеграмму о необходимости отречения командующим флотами Алексеев не направлял. Хотя, как и командующие фронтами, они подчинялись Верховному главнокомандующему. Черноморский флот перешел в ведение Ставки с началом войны, а Балтийский флот — в начале 1916 г.¹³²

В мемуарах дворцового коменданта В. Н. Воейкова говорилось: «Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак воздержался от отсылки личной телеграммы Государю, но он безоговорочно принял уведомление Родзянки о захвате власти изменниками царя, о чем председатель Государственной думы Родзянко поставил его в известность».¹³³ Итак, Воейков подтвердил отсутствие телеграммы Колчака к Николаю II с просьбой об отречении.

На осведомительную телеграмму ответа не требовалось. Но в этой ситуации командующие флотами повели себя

по-разному. 2 марта Непенин отправил телеграмму Николаю II, в которой присоединился к просьбам об отречении.¹³⁴ От Колчака ответа не последовало. В этой ситуации он счел за лучшее промолчать.

В повести-хронике К. А. Богданова «Адмирал Колчак» сообщается: «Шифровка, полученная в тот же день, 2 марта, от начальника штаба Ставки М. В. Алексеева, привела Колчака в замешательство. В ней с недомолвками высказывались соображения, что „войну можно продолжать лишь при выполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича“. И далее: „Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать свою верноподданническую просьбу его величеству через Главкосева, известившего меня“». ¹³⁵ В данном случае Богдановым была допущена определенная передержка. Телеграмму Алексеева от 2 марта командующим фронтами он переадресовал А. В. Колчаку. Богданов также утверждал, что, отказавшись послать Николаю II телеграмму с просьбой об отречении, Колчак в то же время известил М. В. Алексеева о том, что предложение всех командующих «принял безоговорочно». ¹³⁶ Однако ссылки на источник информации Богданов не сделал. Мои поиски в РГА ВМФ, как и разыскания автора последней биографии А. В. Колчака П. Н. Зырянова, ¹³⁷ эту информацию не подтверждают.

Судя по всему, еще днем 3 марта А. В. Колчак не был готов признать Временное правительство, в связи с чем в 14:30 он запрашивал Ставку о том, «кто в настоящее время является законной верховной властью в стране — кто является законным правительством, кто верховным главнокомандующим». ¹³⁸ Если исходить из контекста телеграммы, то под «законной верховной властью» командующий флотом подразумевал монарха. И даже 11 марта Колчак обратился к военному и морскому министру А. И. Гучкову за разъяснением, как поступить со словами «За царя» на ополченских знаменах и значках. Сам адмирал самостоятельного решения принимать не стал, а только исполнил указания о снятии симво-

лов старой власти. Двусмысленность сложившейся в России ситуации состояла в том, что фактически монархия перестала существовать, а юридического акта об ее отмене не было. Вопрос о форме государственной власти Временное правительство отложило до Учредительного собрания.

Объясняя свою позицию в февральско-мартовские дни на допросе в Иркутске в 1920 г., А. В. Колчак говорил: «Сам факт принятия власти комитетом Государственной думы во время Февральской революции я приветствовал, так как состав правительства перед самой революцией я не считал способным к успешному ведению войны. Когда совершилось отречение Николая II и образовалось Временное правительство, я счел себя свободным от присяги прежней власти и первым в Черноморском флоте принес присягу Временному правительству. Я приветствовал революцию как гарантию возможности подъема энтузиазма в народе и армии и этим самым возможности довести войну до победного конца, ибо уже перед революцией для меня стало ясно, что монархия к такому победному концу привести не может — вернее, не монархия, а создавшийся при ней у нас в России государственный порядок, и что должно произойти в создавшемся положении какое-либо изменение».¹³⁹ В этом рассуждении следует обратить внимание на то, что Колчак, как и ряд других военных, полагал, что доведение войны до победы не может произойти при данном правительстве. При этом он четко отделял монархию как тип государственного устройства от правительства, и устранение неспособной исполнительной власти не означало покушения на государственную основу. Для Колчака как милитариста по своей психологии война являлась смыслом жизни, а победа в ней — вершиной. В одном из писем к А. В. Тимиревой он так изложил свой взгляд на войну: «Война дает мне силу относиться ко всему „холодно и спокойно“, я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед Родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение. <...> война ведь выше справедливости, выше личного

счастья, выше самой жизни».¹⁴⁰ Но в то же время он поставил под сомнение то, ради чего соглашался на перемены. Адмирал считал, что революция только гарантировала «возможность» подъема народного энтузиазма и «возможность» правительству довести войну до победного конца. Следовательно, на перемены он соглашался только за одну возможность, то есть условность, которая могла реализоваться, а могла и не состояться.

Вопрос о политических взглядах А. В. Колчака после Февраля до сих пор остается дискуссионным. Как свидетельствовал М. И. Смирнов в воспоминаниях, написанных в эмиграции в 1923 г.: «А. В. Колчак был предан престолу и отечеству. Известие об отречении государя его крайне огорчило, и он считал, что отечество идет к гибели».¹⁴¹ И здесь же он добавлял, что «большинство офицеров флота считало, что без царя отечество погибнет».¹⁴² В мемуарах генерала К. В. Сахарова, написанных также в эмиграции, приводился разговор, который состоялся между автором воспоминаний и А. В. Колчаком в сентябре 1919 г. Говоря о будущем России, Верховный правитель сказал: «...все слои русского народа думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного вождя, законного царя».¹⁴³ Однако рекламировать свой монархизм адмирал считал преждевременным.¹⁴⁴ В одном из писем к А. В. Тимиревой от 11 марта 1917 г., оценивая события Февральской революции, Колчак отмечал: «Каким-то кошмаром кажутся эти 10 дней, стоивших мне временами невероятных усилий, особенно тяжелых, т[ак] к[ак] приходилось бороться с самим собой, а это хуже всего».¹⁴⁵ В 1920 г. на допросе в Иркутске А. В. Колчак говорил, что до Февраля являлся монархистом.¹⁴⁶ И далее добавлял: «Я приветствовал революцию» как возможность доведения войны до победного конца и «думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны».¹⁴⁷ В то же время адмиралом проводилась мысль о том, что ему безразлично, какая форма правления — республиканская или монархиче-

ская — установится в России. Главное в том, что он служит родине, а не правительству. При этом Колчак заявлял, что и монархия могла довести войну до конца.¹⁴⁸ Без какой-либо критики мысль о безразличии профессионального военного к политике, его демократизм и республиканизм, основанные на весьма путаных показаниях следственной комиссии, вошли в историческую литературу.¹⁴⁹ В то же время один из авторов даже предположил, что в душе Колчак тяготел к монархизму.¹⁵⁰ Исключением здесь является книга Г. З. Иоффе, автор которой ставил под сомнение приверженность адмирала республиканизму.¹⁵¹

В качестве косвенного доказательства приверженности А. В. Колчака монархизму после Февраля можно привести свидетельство барона А. Будберга. В дневнике за 17 июля 1919 г. он рассказал о панихиде по царской семье, состоявшейся в Омске, которая прошла весьма скромно.¹⁵² Сам Верховный правитель в это время в городе отсутствовал. 15 июля он находился с официальным визитом в Екатеринбурге, а 17 июля неофициально снова посетил город. В этот приезд он встретился с архиепископом Андреем Уфимским. Никаких других подробностей об этой поездке установить пока не удалось. Однако можно предположить, что вторичное пребывание в Екатеринбурге связано с поминовением царской семьи.

На сегодняшний день нет особых оснований говорить о том, что адмирал в одночасье поменял свои убеждения. Другое дело, что он не мог их высказывать открыто и вынужден был приспосабливаться к революционной действительности.¹⁵³ По-видимому, впоследствии позиция, занятая адмиралом в ситуации с отречением, способствовала его популярности в белом движении, поскольку на нем не было «греха» Февраля, как на некоторых других военачальниках.

ГЛАВА 4

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

Несмотря на все усилия А. В. Колчака, полностью избежать волнений на флоте не удалось. 3 марта 1917 г. команда линкора «Екатерина Великая» потребовала убрать с корабля всех офицеров, носивших немецкие фамилии, так как опасалась, что они могут взорвать судно. Обстановку накалила попытка мичмана Фока проверить несение службы караулом у пороховых погребов орудийной башни. Однако караульным это показалось подозрительным, и его не пропустили. Почувствовав себя оскорбленным, офицер застрелился. 4 марта матросы потребовали прибытия на «Екатерину» командующего флотом. Колчак приехал на линкор, но только после доклада командира корабля, а не под давлением команды. Адмирал отверг все подозрения в измене со стороны командного состава немецкого происхождения и отказал в его списании. Матросы удовлетворились объяснениями командующего и больше на своих требованиях не настаивали.¹ Данное выступление вряд ли можно квалифицировать как классовое противостояние, хотя оно и проходило по линии матрос — офицер. Скорее всего, его причиной стал тот психоз шпиономании и антинемецких настроений, который господствовал в российском обществе, постоянно подогревался периодической печатью и распространился на армию и флот.²

4 марта часть флота, находившаяся в море, возвратилась в Севастополь. В этот же день, по приказанию командующего, газета «Крымский вестник» сообщила об отречении Николая II, о назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим и о формировании Временного правительства. К этим известиям личный состав флота отнесся спокойно.³ Однако к вечеру 4 марта в Севастополе начались митинги. Чтобы разрядить обстановку, 5 марта А. В. Колчак устроил смотр морских частей и гарнизона. Перед его началом прошло торжественное богослужение в знак доверия Временному правительству. После этого командующий провозгласил здравицу в честь новой власти и принял парад.⁴

Однако об истинном настроении солдат и матросов можно судить по тому, что на парад они взяли винтовки и боевые патроны, поскольку опасались, что смотр может оказаться ловушкой и их начнут расстреливать из пулеметов.⁵ Кошмар расправ при подавлении революции 1905—1907 гг. настолько засел в народной памяти, что и в 1917 г. солдаты и матросы считали, что офицеры только и ждут удобного случая, чтобы рассчитаться с ними за прошлое. Такое же явление наблюдалось при восстании в Гельсингфорсе 3—4 марта 1917 г. Историческая память народа дала свои всходы через десять лет.⁶

После окончания парада в городе начались митинги. На один из них, который состоялся в полуэкипаже, был вызван А. В. Колчак. Командующий сначала отказывался, но затем, чтобы не накалять страсти, поехал. Прибыв в полуэкипаж, он потребовал от собравшихся матросов разойтись, но они заперли ворота и предложили адмиралу выступить, а также послать приветственную телеграмму Временному правительству от Черноморского флота. Колчак произнес краткую речь о происшедших событиях и обещал послать телеграмму. На предложение митингующих «иметь постоянное собрание из выборных для обсуждения нужд» он ответил отказом, мотивируя это тем, что наличие такого органа несовместимо с понятием «воинской части».⁷ Однако это не подействовало на моряков, и после отъезда командующего

они избрали Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК).⁸

В этот же день в 22:00 А. В. Колчак выступал на митинге перед зданием Городской думы, на котором огласил приветственную телеграмму правительству. Но этим дело не кончилось. Собравшиеся предъявили командующему требование об отстранении от должности коменданта Севастопольской крепости контр-адмирала Свиты его императорского величества М. М. Веселкина, о разоружении полиции, расформировании Севастопольского жандармского управления. Несмотря на то что на Колчака было оказано давление, он пошел на уступки. До образования милиции охрана города поручалась военным патрулям.⁹

В телеграммах на имя князя Г. Е. Львова, Временного правительства, военного и морского министра А. И. Гучкова и председателя Государственной думы М. В. Родзянко адмирал А. В. Колчак от имени Черноморского флота и населения Севастополя приветствовал правительство и выражал надежду, что оно доведет войну до победного конца.¹⁰ Однако в телеграммах ничего не говорилось о революции, которая привела Временное правительство к власти. Следовательно, командующий флотом приветствовал не революцию, а то правительство, которое сможет привести страну к победе. При этом в своих докладах М. В. Алексею и А. И. Русину 6 марта он отмечал: «Команда и население просили меня послать от лица Черноморского флота приветствие новому правительству, что мною и исполнено».¹¹ Тем самым Колчак снимал с себя ответственность за признание Временного правительства и перекладывал ее на команды и население Севастополя.

В условиях революции командующему приходилось искать и находить новые приемы воздействия на личный состав флота. 5 марта Колчак издал приказ, в котором в ознаменование наступившей новой жизни народа отменил наложенные наказания и освободил арестованных за дисциплинарные проступки.¹² Для организации матросского клуба А. В. Колчак приказал реквизировать один из кинотеатров Севасто-

поля. Он так же обратился к военному и морскому министру с просьбой о выделении средств для его оборудования.¹³ 8 марта А. И. Гучков разрешил Колчаку реквизировать кинотеатр и взять 10 тыс. рублей из фонда командующего флотом.¹⁴ На усмотрение Колчака морской министр передал и вопрос об отпуске средств из сумм, находящихся в его распоряжении, Севастопольскому Совету.¹⁵

Вместе с тем А. В. Колчак выступил против Приказа № 1 Петроградского Совета, обнародованного 2 марта 1917 г., который, по его мнению, подрывал основы воинской службы. В нем солдатам и матросам предлагалось выбрать в частях и на судах комитеты, которым поручалось контролировать всякого рода оружие и не выдавать его офицерам. Приказ также распространял общегражданские права на солдат и матросов вне службы.¹⁶ Несмотря на то что в приказе ничего не говорилось о выборности командного состава, эта мера стала применяться самостоятельно солдатами и матросами. 6 марта в 19:30 Колчак получил приказ № 5 по морскому ведомству за подписью А. И. Гучкова. Ряд пунктов этого распоряжения совпадали с Приказом № 1 или дополняли его, и уже в 21:00 Колчак доложил о его исполнении.¹⁷

В МГШ также делали выводы из событий, происходивших во флоте и, в частности, на Балтике. Так, 4 марта 1917 г. в телеграмме капитана 1-го ранга В. Е. Егорьева на имя флаг-капитана А. В. Колчака, М. И. Смирнова сообщалось, что прискорбные случаи в Балтийском флоте произошли «из-за недостатка непосредственного общения и совместного между командами и офицерами обсуждения хода событий».¹⁸ И выводы из этого предупреждения последовали незамедлительно.

Учитывая создавшуюся обстановку, для сближения позиции офицеров и матросов, по приказанию А. В. Колчака 7 марта в Морском собрании состоялось совещание офицеров, на котором с речью выступил командующий флотом. Он призвал присутствовавших на заседании к единению с солдатами и матросами во имя победы над германцами. Выступавшие офицеры говорили, что «огонь, зажженный офицера-

ми-декабристами, никогда не умрет в офицерском корпусе».¹⁹ По инициативе офицеров был создан временный исполнительный комитет. В него вошло 9 человек. Председателем стал подполковник А. И. Верховский. В то время как командный состав вырабатывал тактику поведения в отношении нижних чинов, по городу разнесся слух, что офицеры о чем-то сговариваются. Тогда около 20 тыс. человек, пришедших на вокзал встречать представителей правительства, которые направлялись в Севастополь, решили выяснить, что происходит на самом деле, и направились к Морскому собранию. К подошедшей толпе вышли офицеры, избранные в Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК), и рассказали, что совещание проводилось с целью единения матросов и офицеров. Это всех удовлетворило.²⁰ В полном составе 8 марта комитет вошел в ЦВИК и с этого момента стал называться Севастопольским Центральным военно-исполнительным комитетом (СЦВИК). Колчак предоставил ему помещение, средства, содействовал изданию газеты «Вестник Севастопольского ЦВИК», постановления СЦВИК приобретали законную силу после утверждения их командующим флотом.²¹ 18 марта Колчак утвердил «Временное положение для судовых, ротных и полковых комитетов».²²

Следует отметить, что А. В. Колчак не упускал малейшей возможности для укрепления своего авторитета. Когда в Севастополь приехал представитель Временного правительства, член Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета меньшевик И. Н. Туляков, командующий флотом прибыл в гостиницу «Кист», где тот остановился, для встречи. После окончания приема Туляков и Колчак вышли на балкон, перед которым собралась многотысячная толпа, и были встречены криками «ура».²³ Затем они поехали на Графскую пристань, где их приветствовали собравшиеся, а потом посетили солдатские и морские казармы. Везде с речами выступал Колчак, так как Туляков сорвал голос. Кульминацией дня стало посещение арестного дома, где содержались матросы, наказанные в дисциплинарном порядке. Командующий флотом объявил арестованным, что по случаю

прибытия члена Государственной думы он их освобождает. В адрес Колчака раздались крики «ура».²⁴

10 марта в Севастополь прибыл член Государственной думы А. М. Александров, которого снова встречал командующий флотом, показывая свою лояльность Думе и новой власти.²⁵ В этот же день в городе прошел праздник свободы, завершившийся митингом у морского собрания. Затем А. В. Колчак вывел флот в море, так как считал, что боевые выходы отвлекают людей от политики.²⁶ В письме к А. В. Тимиревой, написанном 11 марта во время похода, А. В. Колчак попытался оценить произошедшее. События первых дней марта представлялись ему «кошмаром». В связи с этим он писал: «Десять дней я занимался политикой и чувствую к ней глубокое отвращение, ибо моя политика — повинование власти, которая может повелевать мною».²⁷ Исходя из этого заявления, может сложиться впечатление о том, что адмирал был чужд политике, но это далеко не так. Действительно, как человек военный он привык исполнять и отдавать приказы. Однако революция внесла свои коррективы в, казалось бы, раз и навсегда установленный порядок. В связи с этим адмирал писал: «Мне пришлось заниматься политикой и руководить истеричной толпой, чтобы привести ее в нормальное состояние и подавить инстинкты и стремление к первобытной анархии <...> были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву погребе».²⁸

Несмотря на все трудности, А. В. Колчаку удалось сохранить управляемость Черноморским флотом. Возможно, это привело к некоторой самоуверенности: «Лишний раз я убедился, как легко овладеть истеричной толпой».²⁹ Но в то же время, будучи человеком трезвомыслящим, он отдавал себе отчет в том, что такое положение вряд ли будет оставаться долго. Так, уже 16 марта, когда пик популярности Колчака в Черноморском флоте был бесспорен, в письме к И. К. Григоровичу появляются такие строчки: «Мне удалось пока сохранить доверие личного состава флота, рабочих и городского населения, но Вы изволите знать, насколько быстро та-

кое положение при настоящих событиях может измениться. Я прилагаю все усилия, чтобы сохранить флот, порт и крепость в дееспособном состоянии и удержать управление и командование. К сожалению, у меня нет никакой уверенности, что это удастся в будущем так же, как это удалось до сего дня».³⁰ Эта же мысль содержалась и в письмах к А. В. Тимиревой от 11—14 и 26 марта: «...все удерживается от стремительного развала только условным моим авторитетом и влиянием, который может исчезнуть каждую минуту»,³¹ «в обстановке <...> политического сумбура и бедлама, которым я управляю и кое-как привожу пока в порядок», — писал Колчак.³²

Одна из главных причин того, что А. В. Колчаку удалось сохранить управляемость флотом, находилась в нем самом. В этот момент величайшего исторического перелома он сумел совладать со своими нервами и перебороть себя, в то время, как все знавшие адмирала подчеркивали его необычайную вспыльчивость и неуравновешенность.³³ Если бы эти качества взяли верх, то трагической развязки вряд ли удалось бы избежать. Однако командующий Черноморским флотом проявил завидную силу воли, выдержку, спокойствие и терпеливость, а также готовность идти на компромисс, то есть те качества, которые характеризуют настоящего политика. Но эта искусственная сдержанность далась ценой неимоверных усилий борьбы с самим собой.³⁴ Оценивая поведение Колчака в первые дни Февраля, А. В. Тимирева, близкий друг адмирала, писала: «Вы поступили так, как можно было ожидать от Колчака».³⁵

Приведение Черноморского флота к присяге Временному правительству А. В. Колчак провел со всей революционной торжественностью. 19 марта 1917 г. в 10:00 войска выстроились на Куликовом поле. После этого отслужили молебен с многолетием Временному правительству. Затем перед командующим флотом церемониальным маршем прошли черноморцы с красным знаменем и нарисованным на нем портретом лейтенанта П. П. Шмидта в траурной рамке и с надписью «Да здравствует свободная Россия!». Замыкали

шествие рабочие с красными знаменами. Все проходившие приветствовали командующего флотом.³⁶

19 марта был опубликован приказ Колчака от 17 марта № 989 об ужесточении пропускного режима на въезд и выезд из Севастополя из-за переполненности города населением.³⁷ По-видимому, этого приказа оказалось мало, так как 20 марта последовала телеграмма Морскому министру о необходимости безусловного запрета на въезд в Севастополь. По словам Колчака, «...в город въезжает, кто хочет, и городской исполнительный комитет не может с этим делом справиться».³⁸ В действительности он хотел оградить базу флота от вредных влияний и агитаторов.

Что же позволяло командующему поддерживать дисциплину на флоте в марте 1917 г.? В докладной записке флаг-капитана А. В. Колчака капитана 1-го ранга М. И. Смирнова от 23 марта перечислялись меры, которые позволили избежать эксцессов. К ним он относил личный авторитет командующего, организацию делегатских собраний от офицеров и команд, образование ЦВИК, а также корабельных полковых и ротных комитетов, что позволило достигнуть «некоторого единения офицерского состава с командами». М. И. Смирнов считал, что в революционное время такой способ являлся единственным для сохранения воинских частей. В то же время, не покушаясь на существовавший порядок, он предлагал постепенно возвращаться к положению строгого подчинения начальникам. Обращает на себя внимание и то, что больше половины доклада посвящено работе с офицерским составом, дисциплина в среде которого стала падать. Так, 5 марта 1917 г. командующий флотом призвал офицеров лично делать сообщения подчиненным о текущих событиях, и, как констатировал Смирнов, они «почти нигде не делаются».³⁹ Скорее всего, это происходило из-за крайне низкого уровня политического развития офицеров, которые просто не знали, о чем следует говорить с нижними чинами, и самоустраивались от диалога с ними. Постепенно происходил развал дисциплины и в офицерском корпусе. Такое же явление наблюдалось и на Балтийском флоте.⁴⁰

Офицерам, воспитанным на дисциплине царской армии, с большим трудом давался переход к новым порядкам и главное — к общению с матросами как с равными себе. На совещании у А. В. Колчака с офицерами сухопутного гарнизона кто-то из присутствовавших офицеров сказал, что невозможно все время проводить с хамами. На что последовала реплика командующего: «А я требую, чтобы вы все свое время посвящали вашему солдату: вы ведь сами видите, как я, занимая столь высокий пост, все время имею самое тесное общение как с матросами, так и с рабочими; как вы думаете, а мне легко быть все время с этими хамами, а тем не менее я это делаю».⁴¹ Таким образом, барское отношение к хамам, воспитанное службой и средой, давало себя знать.

Здесь следует заметить, что отношение самого А. В. Колчака к нижним чинам было далеко от идеального. В молодости он весьма жестоко обращался с командой. И это стало предметом насмешек. Один из офицерских острословов Ф. Матисен написал о Колчаке такой незамысловатый стишок: «Как много в море альбатросов — Колчак по морде бьет матросов».⁴² Другой офицер, князь Урусов, принимавший участие вместе с Колчаком в достройке крейсера «Рюрик», сообщал: «Его отношение к людям было строгое, требовательное и властное. Нужно было видеть этого мичмана, только что произведенного год назад, отдающего свои приказания отчетливо, следящим за их правильным исполнением, пускающим в ход кулаки, когда он замечал какую-либо медлительность, недоброжелательство либо невнимание в исполнении приказов». На жестокое обращение с командой обращал внимание и его сослуживец по Порт-Артуру В. К. Пилкин: «Молодым офицером на „Аскольде“ Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы. В баллотировочной комиссии ст. офицер „Аскольда“ Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой. Но комиссия не согласилась забаллотировать выдающегося офицера, хорошо известного флоту по Порт-Артуру».⁴³ Со временем, продвига-

ясь по службе, Колчак уже не злоупотреблял силовыми методами воспитания. Вообще рукоприкладство в русском флоте начало постепенно исчезать только после Русско-японской войны, но этот процесс оказался длительным.

В конце марта А. В. Колчаку пришлось вступить в непростой спор со своим начальством. Военный и морской министр А. И. Гучков и начальник МГШ А. И. Русин потребовали отстранения от должности начальника штаба Черноморского флота контр-адмирала Свиты С. С. Погуляева. Они считали, что оставление на ответственных должностях свитских офицеров наносит громадный вред новой власти. При этом никаких конкретных обвинений в адрес Погуляева не выдвигалось.⁴⁴ В связи с этим Колчак в одном из писем писал, что «основания для его [Погуляева. — А. С.] отставки мне неизвестны».⁴⁵ Один из близких друзей Колчака, капитан 2-го ранга В. В. Романов сообщал, что Погуляева обвиняли в использовании Г. Е. Распутина для устройства личных дел.⁴⁶ Командующий до последней возможности отстаивал своего начальника штаба, но в конце концов уступил. Новым начальником штаба флота 8 апреля 1917 г. стал капитан 1-го ранга М. И. Смирнов.

Но были и достаточно благоприятные новости. 27 марта Верховный главнокомандующий М. В. Алексеев и начальник МГШ А. И. Русин утвердили Руководство десантной операцией.⁴⁷ Следует отметить, что дисциплина среди войск, предназначенных для десанта, стала падать.⁴⁸ Да к тому же и офицерский состав находился не на высоте исполнения своих обязанностей. Офицеры, прибывшие с фронта для формирования ударной дивизии, в своей массе, по словам офицера Н. Кришевского, являлись отпетыми алкоголиками. В результате «безудержные скандалы стали хроническим явлением жизни в Севастополе».⁴⁹ Так, начальник штаба Отдельной Черноморской дивизии подполковник А. И. Верховский в большей степени занимался политикой, чем делами дивизии, на это обстоятельство обращал внимание Колчак в телеграмме в МГШ. По тону телеграммы видно, что командующий хотел избавиться от не в меру политизированного

подчиненного.⁵⁰ Сам А. И. Верховский записал в дневнике 26 апреля: «Формируемая черноморская дивизия развалилась, и ничего нельзя было сделать, чтобы ее сохранить».⁵¹ При отсутствии начальника штаба на своем месте, который подолгу находился в Петрограде, ожидать другого результата и не приходилось. Политическая деятельность вскоре позволила молодому подполковнику стать командующим Московским военным округом, а потом и военным министром Временного правительства.

Вместе с тем, командующий флотом расставался с теми высшими офицерами, которые своими действиями в прошлом или настоящем скомпрометировали себя перед новой властью. Так, помимо М. М. Веселкина, занимаемой должности лишился начальник тыла флота и главный командир Севастопольского порта вице-адмирал П. А. Новицкий, принимавший участие в разгроме флотского подполья в 1912 г. «За грубое оскорбление матросов, превышение власти и оскорбление Родзянко и Гучкова», полковник по адмиралтейству Н. П. Шперлинг был отстранен от должности и предан суду. Ему также вменялось жестокое обращение в бытность начальником военно-исправительной тюрьмы в Севастополе. Здесь обращает на себя внимание наказание за оскорбление «революционных» деятелей Февраля, что лишний раз подтверждает то, как старое довлело над новым и жило в нем. За бестактное обращение с командой капитан 2-го ранга Г. М. Добролюбов получил выговор от командующего.⁵²

В это время А. В. Колчак старался поддерживать репутацию человека, преданного революции и учитывающего настроения матросских масс. 11 апреля адмирал приехал в Одессу для встречи с военным и морским министром А. И. Гучковым. Здесь он выступил на заседании Совета солдатских и офицерских депутатов. Судя по газетному отчету, он сказал следующее: «Я считаю себя сознательным сторонником демократического строя, утверждающегося сейчас в России, почти неотличимого от демократической республики».⁵³ На слушателей это произвело сильное впечатление.

И слова адмирала не расходились с делом. 12 апреля, следуя за приказом морского министра, Колчак разрешил увольнение в краткосрочные отпуска солдатам и матросам старше 40 лет до 20 мая для производства полевых работ. В другом приказе, входя в материальное положение матросов и солдат и идя навстречу их нуждам, командующий разрешал находящимся в краткосрочных отпусках выдавать на руки стоимость кормового довольствия⁵⁴

16 апреля в Севастополе была получена телеграмма за подписями министра-председателя князя Г. Е. Львова и министра юстиции А. Ф. Керенского о принятии усиленных мер по охране бывших представителей дома Романовых, проживавших в Крыму. Министры предлагали сменить коменданта расположенных вокруг Ялты войсковых частей, членов семьи сосредоточить в одном-двух имениях, по соглашению с Советом сформировать особую сборную часть для охраны, прекратить посещение членов царской семьи военнослужащими с фронта, отобрать для нужд фронта автомобили и установить контроль над перепиской. Из штата служащих предлагалось изъять военнопленных и лиц иностранного происхождения. При этом исполнение приказа следовало произвести внезапно. Колчак, находившийся в это время в Петрограде, немедленно отдал приказ начальнику штаба флота М. И. Смирнову, об исполнении прописанных в телеграмме правительства мер.⁵⁵ Очевидно, что под воздействием этой телеграммы Делегатское собрание матросов Севастополя приняло решение о производстве обысков у лиц царской фамилии в Крыму. Правда, обыски, проведенные в имениях великих князей, никаких результатов не дали. В то же время Керенский распорядился произвести дознание, по чьему приказу они проводились, поскольку Временное правительство такого распоряжения не давало.⁵⁶ 29 апреля Колчак передал в морское министерство просьбу вдовствующей императрицы Марии Федоровны об оставлении в ее распоряжении автомобиля. Командующий считал, что при надлежащей охране это вполне безопасно. На телеграмме имеется резолюция, подписанная помощником Морского министра М. А. Кедро-

вым: «Морской министр и министр юстиции согласны только для одной Марии Федоровны». ⁵⁷

Благодаря тому, что командующий флотом быстро улавливал изменения в настроениях широких матросских масс, ему удалось избежать эксцессов, связанных с движением за отмену погон и отдания чести, издавая упреждающие приказы. ⁵⁸ Не препятствовал А. В. Колчак и инициативе матросских масс по переименованию кораблей, что нашло отражение в его приказах. Так, новые названия получили линейные корабли «Император Александр III» («Воля»), «Императрица Екатерина Великая» («Свободная Россия»), «Потемкин-Таврический» («Борец за Свободу»), посыльные суда «Император Александр I» («Республиканец»), «Император Николай I» («Авиатор»). ⁵⁹

В начале апреля 1917 г. стали распространяться слухи о переводе А. В. Колчака на должность командующего Балтийским флотом. ⁶⁰ Как мы помним, они имели место вскоре после назначения А. В. Колчака командующим флотом и преследовали цель его удаления с должности командующего, но потом затихли и вот в начале апреля возобновились вновь. В связи с этим, 6 апреля в телеграмме помощнику морского министра адмиралу М. А. Кедрову Колчак писал, что в случае поступления официального предложения он не откажется, но не гарантирует сохранение порядка в Черноморском флоте. Окончательный ответ он предлагал дать после свидания с морским министром 10 апреля в Одессе. ⁶¹ Эти сведения попали в газеты и вызвали беспокойство у избранного матросами командующего Балтийским флотом адмирала А. С. Максимова. 7 апреля он обратился в Военное министерство, пытаясь выяснить достоверность газетной информации. ⁶²

10 апреля, когда волна слухов о переводе А. В. Колчака на Балтику стала набирать обороты, в Одессу прибыл военный и морской министр А. И. Гучков, встреченный командующим Черноморским флотом. Министр ограничился краткой беседой с Колчаком и обещал вызвать его в Петроград для обстоятельного разговора. ⁶³

Противниками перевода А. В. Колчака на Балтику выступили капитан 1-го ранга А. Д. Бубнов, отвечавший в Ставке за Черноморский флот, и начальник штаба флота М. И. Смирнов. Они считали, что эта мера не улучшит положения на Балтике, но усилит разложение на Черноморском флоте и поставит под вопрос проведение Босфорской операции.⁶⁴ На телеграмме М. И. Смирнова от 16 апреля есть резолюция помощника Морского министра адмирала М. А. Кедрова: «Разговоры об уходе Колчака из Черного моря ни на чем не основаны. Колчак остается на своем посту».⁶⁵

С решительным протестом против перевода А. В. Колчака на Балтийский флот выступил и Верховный главнокомандующий генерал М. В. Алексеев. Он также считал, что это перемещение не принесет большой пользы. Но главное было в другом. Алексеева и его штаб никто о предстоящем переводе в известность не поставил, что вызвало нескрываемое раздражение генерала. «Предложения о перемещении официально мне не сообщалось, т[ак] к[ак] все сношения делались непосредственно с Севастополем помимо меня и моего Штаба, хотя я являюсь ответственным перед Родиной за состояние вооруженных сил армии и флота», — писал он.⁶⁶ Резолюция на телеграмме гласила: «Разговоры о перемещении Колчака ни на чем не основаны. Колчак остается в Черном море».⁶⁷ Однако М. А. Кедров ее зачеркнул и написал новую: «Колчак не предполагался к переводу на Балтийский флот и остается в Черном море, и, конечно, если бы Генмор о перемещении затеял бы разговор, то он мог бы состояться только с Вашего согласия».⁶⁸ В Военном и морском министерстве М. В. Алексеева постарались успокоить, но насколько это на него подействовало, сказать трудно.

В архиве сохранились три телеграммы в Ставку о передвижениях А. В. Колчака с момента его приезда в апреле 1917 г. в Петроград. Это сообщение о его прибытии в 15:30 15 апреля в столицу, об отъезде в Псков в 23:00 20 апреля на совещание в штаб Северного фронта и об отбытии 21 апреля в 21:00 в Севастополь.⁶⁹ Таким образом, можно с большой долей уверенности сказать, что в Ставке с беспо-

койством относились к решительному адмиралу и присматривали за ним.

Итак, 15 апреля, по вызову А. И. Гучкова А. В. Колчак прибыл в Петроград. Здесь он остановился в гостинице «Астория».⁷⁰ Надо сказать, что военный и морской министр весьма высоко оценивал военные и административные способности Колчака, сумевшего удержать Черноморский флот на какое-то время от скатывания в революционную пучину и обладавшего решительным характером. Вспоминая о Колчаке в 1932 г., Гучков говорил: «Он [Колчак. — А. С.] с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался. Он сделал ряд других уступок второстепенного характера, не выпуская из рук основ, этим сразу вселив доверие к себе. <...> я Колчака высоко ценил как моряка, как администратора. С самого начала я подумал, что без гражданской войны и контрреволюции мы не обойдемся, и в числе лиц, которые могли бы возглавить движение, мог быть Колчак».⁷¹ Таким образом, переход Колчака на Балтику планировался в качестве меры политической, и адмирала предполагалось использовать как человека, способного возглавить военный переворот.

Первая встреча с военным и морским министром состоялась, очевидно, 19 апреля на квартире Гучкова, поскольку он был болен. Во время приема министр заслушал доклады командующего Черноморским флотом и начальника штаба Балтийского флота князя М. Б. Черкасского.⁷² По-видимому, на этом совещании поднимались и другие темы.

В нашем распоряжении имеются две копии телеграмм Гучкова главнокомандующему Северным фронтом. Первая с пометой «лично», вторая — «расшифровать лично». В первой сообщалось: «Для обсуждения вопросов, связанных

с обороной Петрограда и созданием Отдельной армии, Временное правительство предлагает прибыть 19 апреля в Петроград вместе с комфлотом Балтийского моря. Необходимо присутствие последнего. Предписание комфлота от Главкосева без ссылки на правительство. Комфлота должен взять нужных лиц по его усмотрению».⁷³ Во второй, являвшейся продолжением первой, разъяснялось, почему телеграмму следует посылать от имени Главкосева [Главкомандующий армиями Северного фронта. — А. С.]. «Имею основание предположить, — писал А. И. Гучков, — что комфлот, получив предложение прибыть в Петроград непосредственно от Временного правительства, может уклониться от этого».⁷⁴

Судя по телеграммам, на совещании предполагалось рассмотреть вопрос о создании Отдельной армии для обороны Петрограда. Но если учесть, что в это время непосредственной угрозы для столицы со стороны Германии не существовало, то остается одно: использование армии для наведения порядка в Петрограде. Впоследствии, в августе 1917 г., перед Корниловским мятежом, также была предпринята попытка создания Отдельной Петроградской армии во главе с генералом Крымовым, которой предполагалось подчинить и Балтийский флот.⁷⁵

Вторая тема телеграммы — это позиция А. И. Гучкова по отношению к командующему Балтийским флотом А. С. Максиму. Зачем министру понадобилось вызывать А. С. Максимова, прибегая к помощи командующего Северным фронтом, и почему он допускал возможность его неподчинения приказу Временного правительства? Думается, что ответ на этот вопрос надо искать в политической ситуации апреля и в том, как Гучков планировал из нее выйти. К середине апреля, а возможно, и раньше Гучков пришел к убеждению о необходимости ликвидации Советов и установления военной диктатуры.⁷⁶ Но для осуществления этого замысла требовались надежные войска и решительные военачальники. Первым шагом на этом пути стала идея формирования Отдельной армии. Кроме этого, необходимо было заручиться и поддержкой командующего Балтийским флотом. Адмирал

А. С. Максимов, выдвинутый матросами в командующие, не пользовался поддержкой у офицерского состава и военного и морского министра. Так, в 1933 г., оценивая Максимова, Гучков говорил: «...адмирал Максимов стал на сторону матросни. Мы с Кедровым боялись с ним [Максимовым. — А. С.] расправиться, потому что он известные меры соблюдал; в то время если бы мы его уволили, тогда мы опасались, что он поведет Балтийский флот на борьбу с Временным правительством, а так как мы на петербургский гарнизон рассчитывать не могли, то появление эскадры могло кончиться тем, чем это кончилось при большевиках».⁷⁷

Кампания, начатая в начале апреля, по переводу А. В. Колчака на Балтику насторожила А. С. Максимова. Снять адмирала с должности можно было только в том случае, если бы он находился в Петрограде. Иначе это могло привести к бунту на базе флота в Гельсингфорсе. Об этом, в частности, свидетельствовало сообщение в «Известиях Гельсингфорского Совета» от 15 апреля: «Колчак к нам не придет», — набранное жирным шрифтом.⁷⁸ Поэтому назначать Колчака командующим Балтийским флотом, пока Максимов оставался в Гельсингфорсе, не представлялось возможным. Для этого и понадобился вызов Максимова не от имени правительства, а по распоряжению командующего Северным фронтом, которому он подчинялся. Очевидно, командующий Балтийским флотом заподозрил что-то неладное и не поехал, послав вместо себя начальника штаба князя М. Б. Черкасского.⁷⁹

О том, что в это время готовился военный переворот, свидетельствует и письмо некоего изобретателя, как он себя называл, В. Ф. Добровольского адмиралу А. В. Колчаку от 21 мая 1917 г. В нем есть такой пассаж: «Могли ли Вы ожидать, что в последний Ваш приезд в Петроград произойдет правительственный кризис, причем почти что решенная военная диктатура будет заменена коалиционным министерством».⁸⁰ Определенный намек на силовое решение возникших проблем содержался и в показаниях А. В. Колчака в 1920 г. в Иркутске: «Среди военных кругов раздавались

голоса, что нужно поставить физический предел движению против войны и что вооруженных сил для борьбы с этим движением путем репрессий у правительства было еще достаточно; такое мнение высказывал Корнилов, его разделяя, и думаю, что тогда, в апреле 1920 г. [правильно 1917 г. — А. С.], это было еще возможно и вообще, и в частности в Черноморском флоте».⁸¹ Следовательно, Колчак знал о заговоре и играл в нем не последнюю роль. Здесь следует отметить, что еще 19 марта 1917 г. командующий Черноморским флотом присягал на верность Временному правительству, а до этого 16 марта посылал в газету «Утро России» телеграмму, в которой призывал «к безусловному исполнению повелений Народного Правительства и поддержке его всей силой общего доверия и признания его авторитета».⁸² А уже через месяц был готов его устранить. И только апрельский политический кризис и демонстрации 20 и 21 апреля в Петрограде помешали плану А. И. Гучкова по установлению военной диктатуры. Как и перед Февралем, события опережали планы заговорщиков.

За время пребывания в Петрограде А. В. Колчак участвовал в заседании правительства и в совещании военных под председательством М. В. Алексева, в Ставке Северного фронта в Пскове познакомился с Л. Г. Корниловым.⁸³ Помимо этого, он беседовал с председателем Государственной думы (которая в это время носила уже бутафорский характер) М. В. Родзянко. По его совету Колчак отправился на встречу к старейшему социал-демократу и руководителю группы «Единство» Г. В. Плеханову, чтобы просить о посылке на флот хороших агитаторов. О содержании этой беседы нам известно от одного из близких к Плеханову людей Н. Иорданского, записавшего беседу патриарха русской социал-демократии Плеханова с Колчаком: «Сегодня — рассказывал Плеханов, — был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые дни революции встал на ее сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике — он, видимо, совсем не повинен.

Прямо в смущение привел меня своей развязною беззаботностью. Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит: „Счел долгом представиться вам, как старейшему представителю партии социалистов-революционеров. Войдите в мое положение!“ Это я-то социалист-революционер! Я попробовал внести поправку: „Благодарю, очень рад. Но позвольте Вам заметить...“ Однако Колчак не умолкая отчеканил представителю партии социалистов-революционеров: „Я — моряк, партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов, есть две партии; социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их программы. В чем разница — не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они патриоты. Социал-демократы же не любят отечества, и, кроме того, среди них очень много жидов...“ Я впал в полное недоумение от такого приветствия и с самою любезною кротостью постарался вывести своего собеседника из заблуждения. Сказал ему, что я не только не социалист-революционер, но даже известен как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с нею... Сказал, что принадлежу к нелюбимым им социал-демократам и, несмотря на это, — не жид, а русский дворянин и очень люблю отечество.

Колчак нисколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то вроде: „Ну, это не важно“, — и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверное, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике». ⁸⁴

Действительно, в атмосфере политического бума после Февраля разобраться в партийных хитросплетениях человеку, по роду своей профессиональной деятельности далеко отстоявшему от политики, было непросто. В данном случае А. В. Колчак исходил из реального положения дел, сложившегося в это время в Черноморском флоте, а там влияние эсеров являлось подавляющим, и командующий точно уловил эту ситуацию и по мере сил оказывал им поддержку, в том числе и материальную. ⁸⁵ Поэтому некоторая поли-

тическая путаница, имевшая место в этой беседе, вполне объяснима.

В одной из последних работ о А. В. Колчаке говорится о том, что эсеры якобы выдвигали адмирала в качестве морского министра в первое коалиционное правительство наряду с А. Ф. Керенским, П. Н. Милюковым, Г. В. Плехановым и другими лицами. Основанием для этого утверждения стал список правительства, обнаруженный в делах Петроградского союза офицеров-республиканцев, тесно связанного с Петроградским Советом.⁸⁶ Сам по себе документ имеет бесспорный интерес, но вызывает и массу вопросов. Прежде всего, следует знать, что собой представляет данный источник (подлинник, копия, черновой набросок, заверенный или нет). Когда и кем был составлен? Рассматривался ли он партией эсеров? Выносился ли на обсуждение Петроградского Совета при формировании коалиционного правительства? Пока поставленные вопросы остаются без ответа, говорить о выдвижении А. В. Колчака министром от эсеров преждевременно. К тому же сами эсеры заслугу удержания дисциплины в Черноморском флоте приписывали деятельности своей партии в матросской среде, а не Колчаку.⁸⁷

В Петрограде А. В. Колчак наблюдал за вооруженными солдатскими манифестациями и пришел к выводу, что их следовало подавить силой.⁸⁸ Даже А. И. Гучкова он считал человеком, который слишком далеко зашел по части уступок. К тому же отказ правительства от проведения Босфорской операции он воспринял как внутреннюю катастрофу, которая нанесла тяжелый удар по смыслу самой военной деятельности адмирала на Черном море.⁸⁹ В одном из писем к А. В. Тимиревой он с горечью говорил: «В Петрограде, в день отъезда моего, на последнем заседании Совета министров в присутствии Главнокомандующего ген[ерала] Алексеева окончательно рухнули все мои планы, вся подготовка, вся огромная работа, закончить которую я хотел с мыслью о Вас, результаты которой я хотел положить к ногам Вашим».⁹⁰

Из столицы А. В. Колчак уезжал с твердой уверенностью неизбежной государственной катастрофы, поскольку армия

потеряла боеспособность, а правительство оказалось не в состоянии управлять страной.⁹¹ Возможно, что именно в те два дня, которые Колчак провел в поезде, он пришел к мысли самому попробовать вытащить страну из бездны, в которую она погружалась. Результатом этих размышлений командующего стал доклад, а по сути программная речь, с которой адмирал хотел обратиться сначала к Черноморскому флоту, а затем к России.⁹²

После возвращения в Севастополь 24 апреля Колчак приказал снять короны со всех орлов на носовых и кормовых украшениях судов. Эта акция должна была показать, что командующий полностью перешел на сторону новой власти.

25 апреля в севастопольском цирке Труцци состоялось Делегатское собрание солдат и матросов флота гарнизона, на котором с докладом «Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками» выступил командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак. Само название речи говорило о том, что он собирался дать оценку состояния вооруженных сил страны, а это никак не входило в его компетенцию как командующего флотом. Свое выступление Колчак начал с отрицательной оценки свергнутого государственного строя, который привел «армию морально и материально в состояние крайне тяжелое, близкое к безвыходному».⁹³ Но и надежды, связанные с революцией, которая должна была поднять дух армии, по его мнению, не оправдались. В связи с этим командующий делал вывод о том, что армия находится накануне распада и не в состоянии обеспечить безопасность государства. Главную причину такого положения дел Колчак видел в германской пропаганде, которая вела к братанию на фронте и дезертирству.⁹⁴ Часть вины он возложил и на Временное правительство, которое закрывало глаза на падение дисциплины в армии.⁹⁵ Чтобы выйти из создавшейся ситуации, адмирал рекомендовал правительству опереться на вооруженные силы. Оздоровление самой армии он видел в отмене приказов, направленных на ее демократизацию, и прекращение доморощенных реформ.⁹⁶ В речи Колчака жесткий реализм в оценке войны, союзников, за-

падных демократий, революционной дисциплины сочетался с верой во всемогущую германскую агитацию. Даже стремление русских крестьян к разделу земли он считал делом рук немецкой пропаганды. «Значение германских прокламаций и агентурной работы о земельном разделе в развитии дезертирства следует признать весьма значительным», — говорил Колчак.⁹⁷ Такое понимание острейшей проблемы русской деревни свидетельствовало о полном незнании командующим народной жизни. Таким образом, замечание Г. В. Плеханова о том, что Колчак слабо разбирался в политических вопросах, находило свое подтверждение.⁹⁸

Понимая значение доклада на Делегатском собрании, А. В. Колчак приказал начальнику штаба М. И. Смирнову направить телеграмму помощнику начальника МГШ графу А. П. Капнисту с просьбой опубликовать его в наиболее распространенных газетах и по возможности в «Русском слове».⁹⁹ Так, Московская Городская дума напечатала речь А. В. Колчака тиражом в несколько миллионов экземпляров.¹⁰⁰

Доклад командующего произвел сильное впечатление и воодушевил присутствующих. Так, команда флагманского корабля «Георгий Победоносец» 26 апреля приняла резолюцию с осуждением агитации за сепаратный мир. Она обратилась к флоту с призывом поддержать лозунг «Война до победного конца во имя свободы» и призвала оказать доверие Временному правительству и послать делегацию в Петроград и на Балтийский флот. Ее поддержали и другие корабли.¹⁰¹ О том, насколько были сильны оборонческие настроения в Черноморском флоте в апреле-мае 1917 г., говорит и телеграмма матросов и офицеров крейсера «Очаков» Временному правительству, в которой говорилось: «Нам необходим свободный выход из Черного моря».¹⁰²

Под влиянием доклада А. В. Колчака ЦВИК решил послать на фронт и на Балтийский флот делегацию во главе с «матросом» Ф. Баткиным,¹⁰³ для агитации за продолжение войны. Ее руководитель, ранее не имевший отношения к флоту, по личному указанию А. В. Колчака зачислся

матросом Черноморского флота. Деньги на поездку выделялись из фонда командующего. 29 апреля делегация в составе 20 офицеров и 190 матросов выехала из Севастополя. Отправляя делегацию, адмирал вполне осознанно шел на ослабление военной пропаганды на Черноморском флоте, так как считал, что судьба России решается на фронте.¹⁰⁴ Однако каких-либо ощутимых результатов в общероссийском масштабе эта акция не дала. И уже 6 июня, обращаясь к морскому министру, Колчак просил о немедленном возвращении части делегации Баткина, поскольку отсутствие этих людей негативно повлияло на обстановку во флоте.¹⁰⁵

4 мая Делегатское собрание Черноморского флота в связи с сообщениями газет о возможном приезде в Крым В. И. Ленина для ведения пропаганды постановило не пускать вождя большевиков на полуостров, а если он там окажется, то арестовать. Из 409 присутствующих 340 проголосовало против приезда, 49 воздержалось и 20 высказалось «за». В свою очередь, офицеры и матросы миноносца «Строгий» потребовали ареста Ленина и его сподвижников.¹⁰⁶

Несмотря на декларируемые патриотические настроения в матросской среде, Колчак достаточно быстро разобрался в двойственности народной психологии. В одном из писем к А. В. Тимиревой он замечал: «Все говорят о войне, а думают и желают все бросить, уйти к себе и заняться использованием создавшегося положения в своих целях и выгодах — вот настроение масс».¹⁰⁷

Неоценимую помощь А. В. Колчаку в удержании флота от революционных эксцессов в марте-апреле 1917 г. оказала партия эсеров, которая к середине 1917 г. насчитывала в Севастополе около 30 тыс. человек.¹⁰⁸ И, судя по всему, командующий это понимал и ценил. Так, 24 апреля 1917 г. он просил военного и морского министра о предоставлении кредита для организации крестьянского союза солдат и матросов Севастополя, придавая ему «исключительно важное значение».¹⁰⁹ И в дальнейшем он проявлял внимание к деятельности крестьянского комитета армии и флота, испрашивая у министра ассигнования на его пропагандистские цели.¹¹⁰

В условиях нарастания продовольственного кризиса в стране 1 мая 1917 г. Колчак издает приказ по флоту о необходимости экономного расходования продовольствия, обмундирования и снаряжения. По мнению командующего, строгая экономия могла помочь отодвинуть надвигавшийся на страну кризис, грозивший тяжелыми последствиями.¹¹¹ В этом приказе обращает на себя внимание экономическая составляющая, без которой победа невозможна.

Приведенные факты показывают, что, возвратившись из Петрограда, А. В. Колчак занял наступательную позицию, пытаясь выйти на общероссийскую политическую сцену. Была ли это личная инициатива командующего или за ним в это время уже стояли какие-то политические силы? На этот вопрос пока ответить трудно.

Следующим шагом по укреплению связей командного состава флота с матросской массой стали похороны жертв царизма. Следует отметить, что март-апрель в Севастополе прошли под знаком памяти борцов с царизмом. Об этом свидетельствуют публикации в газете «Крымский вестник», в которых практически через день появлялись сообщения, в той или иной степени связанные с поисками мест захоронения и организацией похорон героев революционных событий прошлого. В это время в Севастополе и его окрестностях наблюдается весьма любопытное явление. Матросы по собственной инициативе начинают поиски захоронений своих товарищей, расстрелянных в период революционных выступлений в 1905—1906, 1912 гг. Уже 14 марта в Севастополе состоялись похороны 4 матросов, расстрелянных в 1912 г.¹¹² 17 марта на заседании ЦВИК сообщалось о еще 6 найденных останках.¹¹³ При этом самостоятельные поиски и вскрытие могил стали принимать широкие масштабы. В связи с этим ЦВИК выступил с обращением не раскапывать могилы, поскольку это запрещено законом и затрудняет опознание останков.¹¹⁴ На это явление обращал внимание и городской голова Севастополя Еранцев. Он сообщал в МВД о том, что флотские команды отыскивают захоронения казненных и хоронят их в братской могиле.¹¹⁵ В «Крымском Вестнике»

сообщалось о паломничестве жителей Очакова и его окрестностей на о. Березань. Там в 1906 г. произошел расстрел лейтенанта П. П. Шмидта и еще трех руководителей восстания на крейсере «Очаков»: кондуктора С. П. Частника, комендора Н. Г. Антоненко и минного машиниста А. И. Гладкова. Судя по всему, обстановка в Севастополе начала накаляться. Чтобы не допустить самочинных расправ, ЦВИК вынес постановление о недопустимости самосудов над предателями 1905 и 1912 гг.

Наконец на о. Березань 17 апреля отыскивали останки лейтенанта П. П. Шмидта. Для вскрытия могилы ЦВИК направил комиссию из трех человек.¹¹⁶ 18 апреля состоялась панихида на о. Березань в присутствии делегации Черноморского флота и армии и поставлен крест. Панихида и митинг прошли также и в Очаковской крепости. На месте казни решили поставить памятник, а также изучить архивное дело Шмидта.¹¹⁷

В это время знаковой фигурой в борьбе с царизмом становится лейтенант П. П. Шмидт. Ему посвящались статьи в прессе. Предлагалось создать просветительский фонд имени Шмидта, проводились посвященные ему бесплатные лекции. В честь его и героя «Потемкина» матроса А. Н. Матюшенко устраивались шествия. На месте казни лейтенанта решили поставить памятник. В фонд Шмидта организовали сбор средств. В Очакове одну из улиц предполагалось назвать именем Шмидта, и установить памятную доску на здании, где он содержался под стражей, а также присвоить его имя одному из новых судов флота.¹¹⁸ На этой волне 22 апреля Делегатское собрание приняло решение о переносе останков Шмидта и его товарищей в Севастополь. В связи с этим ЦВИК обратился к Петроградскому Совету с просьбой найти сына Шмидта и получить согласие на перезахоронение. 23 апреля такое разрешение было получено.¹¹⁹

30 апреля в Севастополе, на Михайловском кладбище, состоялось торжественное погребение 11 матросов, казненных в 1912 г. царским правительством за попытку поднять восстание на Черноморском флоте. На погребении присутствовал

правительственный комиссар Никонов. Однако сам командующий флотом при этом отсутствовал.¹²⁰

Зато похоронам лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей придали государственный размах. 1 мая в Севастополь прибыл сын лейтенанта, Евгений Шмидт. До похорон останки Шмидта и его товарищей должны были находиться во Владимирском соборе. В нем покоились останки героев обороны Севастополя адмиралов М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова, а также усмирителя Севастопольского восстания 1905 г. вице-адмирала Г. П. Чухнина, подписавшего смертный приговор Шмидту и еще трем руководителям восстания на крейсере «Очаков». В 1906 г. его убили по приговору эсеровской организации.

В организации похорон активное участие принял и адмирал А. В. Колчак. Что заставило командующего флотом организовать похороны жертв царизма с таким размахом? Для этого имелись, по крайней мере, две причины. Во-первых, этим он хотел продемонстрировать единение матросов и офицеров и показать, что офицеры чтят память борцов с самодержавием, и укрепить свой авторитет в матросской среде. Во-вторых, имелся и еще один повод. В Севастополе в атмосфере революционного угара в матросской среде возникла мысль о необходимости извлечь из могил останки контрреволюционных адмиралов, погибших во время Крымской войны и покоившихся во Владимирском соборе, а на их место положить останки борцов с царизмом.¹²¹ Упредить подобное действие могло только быстрое и учитывавшее сложившуюся обстановку решение. И оно было найдено. Командующий флотом отдал распоряжение перезахоронить останки лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей со всеми воинскими почестями. Это приказание Колчака позволило остудить разгоряченные головы некоторых моряков и прекратить разговоры об извлечении адмиральских останков. Скорее всего, инициатива по выносу останков относилась только к вице-адмиралу Г. П. Чухнину. 3 мая ЦВИК постановил убрать из Владимирского собора его тело.¹²² Однако уже на следующий день, 4 мая, ЦВИК изменил церемониал похорон. Вме-

сто Владимирского собора гроб с останками решили поставить в Покровском соборе.¹²³

Церемониал похорон разрабатывался 2 мая на заседании ЦВИК с участием сына лейтенанта П. П. Шмидта¹²⁴ 6 мая останки перевезли в Очаков, 7 мая их доставили в Одессу, а уже 8 мая 1917 г. в Севастополь. С 12:00 8 мая все государственные и частные заведения Севастополя закрылись, а в начале второго прекратилось движение трамваев, извозчиков, автомобилей. К двум часам войска расположились от Графской пристани до Покровского собора, места предстоящего погребения, со знаменами и оркестрами. По приказанию адмирала А. В. Колчака все свободные от службы офицеры должны были при следовании тела лейтенанта Шмидта находиться при своих командах на берегу. Для офицеров определялась также форма одежды в строю — синий китель, сабля и низкие сапоги, офицеры вне строя при командах при кортике. В 14:15 яхта «Принцесса Мария», предоставленная командующим флотом, вошла в бухту и бросила якорь напротив Графской пристани под 21 залп артиллерийского салюта. В знак траура все боевые суда приспустили кормовые флаги, а оркестры играли гимн «Коль славен». После этого к яхте подошла специальная баржа, на которую перенесли четыре гроба с останками. Под звуки «Коль славен» она подошла к берегу. В это время на Графскую пристань прибыл командующий флотом вице-адмирал А. В. Колчак, а на флагманском корабле «Георгий Победоносец» подняли сигнал: «Вечная память борцам за свободу, павшим в 1905 г.». Прямо на барже севастопольский епископ Сильвестр отслужил литию. После этого началось движение похоронной процессии. Гробы несли матросы и офицеры. За гробом П. П. Шмидта шел командующий флотом вице-адмирал Колчак, командир порта контр-адмирал С. Ф. Васильковский, правительственный комиссар Никонов, сын П. П. Шмидта Евгений др.¹²⁵ За ними двигались представители 93 различных организаций с венками. Самый большой — от штаба флота — нес капитан 1-го ранга А. А. Нищенков с офицерами.¹²⁶ По распоряжению Колчака клубу офицеров присвоили имя лейтенанта Шмид-

та.¹²⁷ В общественном мнении Колчак стал восприниматься как продолжатель дела Шмидта. Насколько его действия можно считать искренними? Скорее всего, они соответствовали тогдашнему умонастроению адмирала. По своему характеру он был человек прямой, и политического лицемерия у него не наблюдалось, ни в это, ни в последующее время. Хотя некоторые историки не исключают, что такое поведение обуславливалось получением «тактических преимуществ» и сам адмирал не приходил в восторг от той роли, которую ему приходилось играть.¹²⁸

Несмотря на меры по демократизации армии и флота, принимаемые Временным правительством и А. В. Колчаком, политическую ситуацию на Черноморском флоте нельзя назвать идеальной. Она характеризовалась чередой локальных конфликтов, улаживаемых командующим флотом.¹²⁹ Однако вскоре они переросли в резкое противостояние.

По обвинению в спекуляции кожей ЦВИК постановил арестовать помощника главного командира порта генерал-майора Н. П. Петрова. Однако А. В. Колчак это распоряжение не утвердил и к тому же выгнал пришедшую к нему делегацию. Тогда ЦВИК, чтобы не потерять авторитет у матросов, арестовал Петрова по собственной инициативе. Свою позицию ЦВИК довел до Временного правительства. В ответной телеграмме, подписанной князем Г. Е. Львовым, говорилось о необходимости немедленного освобождения Петрова, а расследование этого случая предлагалось отложить до приезда в Севастополь военного и морского министра.¹³⁰

12 мая в 23:30 Колчак, привыкший к тому, чтобы его приказы беспрекословно выполнялись, направил Временному правительству телеграмму с изложением конфликта, критикой ЦВИК и с просьбой заменить его другим лицом.¹³¹ Здесь следует обратить внимание на то, что в этот же день правительство обнародовало Декларацию прав солдата. В свое время ее отказались обсуждать военные, в том числе и А. В. Колчак, на заседании Временного правительства в апреле.¹³² Теперь она вышла за подписью нового военного и морского министра А. Ф. Керенского. Итак, конфликт, свя-

занный с Петровым, совпал с публикацией Декларации. В автобиографии, написанной в марте — начале апреля 1918 г., Колчак говорил, что подал в отставку после ее публикации.¹³³ Следовательно, конфликт по поводу ареста Петрова стал удобным поводом для выражения протеста командующего против политики Временного правительства и его военного и морского министра. Открыто выступить в тех условиях против Декларации Колчак не мог, так как это привело бы к отставке и даже судебному преследованию. А поскольку из политики он уходить уже не собирался, то выбрал другой путь.

14 мая А. В. Колчак созвал Делегатское собрание, по три человека от каждого судового комитета, на котором говорил о незаконности действий ЦВИК, о том, что «комитеты вмешиваются во все дела, вносят разложение в ряды армии и флота и подрывают дисциплину».¹³⁴ Это была первая публичная критика адмиралом деятельности комитетов, начиная с марта 1917 г. В данной ситуации Колчак бросал вызов массовой демократической организации, не имея за собой никаких реальных сил. 14 мая в 0:00 командующий флотом и представители ЦВИК выехали в Одессу для доклада военному и морскому министру. 15 мая, по личному указанию А. Ф. Керенского, создавалась специальная следственная комиссия для расследования дела генерала Петрова, а до окончания ее работы он освобождался из-под ареста. Совет выпустил Петрова на свободу, но от занимаемой должности отстранил.¹³⁵ Выполняя распоряжение Керенского, 18 мая Колчак образовал комиссию из четырех офицеров и трех депутатов Севастопольского Совета, а 30 мая назначили вторую. Однако результаты их деятельности так и не опубликовали, а генерал Петров продолжал службу до февраля 1918 г.¹³⁶

15 мая с отрядом из четырех миноносцев А. В. Колчак прибыл в Одессу для встречи А. Ф. Керенского.¹³⁷ Здесь произошел эпизод, который вполне мог впоследствии наложить тень на их отношения. На митинге в Одессе с речью «О русском солдате» выступил Керенский, но в этот раз министр

находился не в ударе и слушатели проводили оратора дежурными аплодисментами. После него на трибуну поднялся Колчак и очень энергично и образно рассказал об униженном положении русского офицерства. Его речь и сказанные слова произвели глубокое впечатление на слушателей, что, в свою очередь, вызвало смущение Керенского.¹³⁸ После митинга Колчак и Керенский на миноносце ушли в Севастополь. Время, которое занял переход, командующий и министр почти полностью посвятили обсуждению военно-политических вопросов. Колчак рассказывал о ситуации на Черноморском флоте, а Керенский высказывал свою позицию. Позднее, оценивая результаты беседы, Колчак говорил: «Так мы ни до чего договориться не могли, потому что стояли на совершенно исключаяющих друг друга точках зрения».¹³⁹

17 мая в 8:00 А. Ф. Керенский прибыл в Севастополь. Он побывал на нескольких кораблях, в том числе и на флагманском «Георгии Победоносце», где произнес речь перед личным составом корабля. Затем министр посетил могилу лейтенанта П. П. Шмидта и его товарищей и возложил на нее Георгиевский крест. Он также выступил в Морском собрании перед офицерами и членами Севастопольского Совета. Внешне конфликт между А. В. Колчаком и ЦВИК оказался улаженным, и Керенский призвал стороны забыть про инцидент, а Колчак остался на своей должности.¹⁴⁰ Авторитет Керенского помог на короткое время сгладить возникшие противоречия.

От встречи с А. Ф. Керенским у А. В. Колчака, судя по всему, остались неблагоприятные впечатления. Так, по воспоминаниям М. И. Смирнова, опубликованным в 1923 г.: «Керенщину и Керенского он [Колчак. — А. С.] стал презирать после первого свидания с последним в начале революции», называл его «болтливый гимназистом» и впоследствии характеризовал деятельность Керенского во главе правительства как легкомысленную, демагогическую и шутовскую.¹⁴¹ Не изменилась эта оценка и впоследствии. В марте-апреле 1918 г. Колчак также считал деятельность Керенского во главе правительства легкомысленной и демагогической. По его

мнению, в 1917 г. на политической арене имелись «две крупные фигуры, своего рода символы: один — государственной гибели, а другой — попытки спасти государство: я говорю о Керенском и генерале Корнилове».¹⁴² В 1920 г. на допросе в Иркутске Колчак отметил, что «его [Керенского. — А. С.] приезд никаких результатов не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо».¹⁴³ В письме Керенскому от 30 мая 1917 г. его оценка посещения министром Черноморского флота носила несколько иной оттенок: «...со времени отъезда Вашего из Севастополя настроение морских и сухопутных команд в общем устойчивое».¹⁴⁴ Следовательно, командующий флотом признал действенность поездки Керенского или же он лукавил в письме к премьеру. Возможно, что позднейшие высказывания Колчака вызваны последующим разочарованием в деятельности Керенского.

После отъезда Керенского события на Черноморском флоте начали принимать грозный характер. Так, 18 мая комитет эсминца «Жаркий» потребовал списания с корабля своего командира, старшего лейтенанта Г. М. Веселаго. Это дело рассматривалось на Делегатском собрании, которое постановило списать командира и одновременно членов комитета, как не предотвративших конфликт, а команду считать невиновной. О возникшей ситуации командующий информировал морского министра, и тот рекомендовал, чтобы «Жаркий» окончил кампанию.¹⁴⁵ В ответ на это А. В. Колчак приказал спустить вымпел и вывести миноносец в резерв, а Веселаго перевели на другую должность и затем отправили в отпуск на два месяца по болезни. После оставления Колчаком должности командующего флотом 12 июня «Жаркий» продолжил кампанию.¹⁴⁶

Недовольство моряков вызвало и решение командующего флотом о постановке на ремонт броненосцев «Три святителя» и «Синоп» с последующим распределением их команд по другим портам.¹⁴⁷ В этом распоряжении они усмотрели злой умысел, так как команды этих броненосцев считались революционно настроенными.

Не последнюю роль в усилении недовольства А. В. Колчаком и командным составом флота, со стороны матросов, сыграла наспех подготовленная неудачная постановка мин у Босфора 12—13 мая, в результате чего от них погибло 15 офицеров и матросов, 21 получили ранения. После провала этой операции личный состав флота стал с недоверием относиться к распоряжениям командующего и планируемым им рискованным операциям.¹⁴⁸

Росту напряженности способствовал и приезд в Севастополь делегации моряков Балтийского флота. Однако сваливать на них всю вину за падение дисциплины на Черноморском флоте вряд ли справедливо. Да и сам А. В. Колчак в письме А. Ф. Керенскому от 30 мая писал: «Приезжавшая делегация от матросов Балтийского флота в количестве 5 чел[овек] вела большевистскую пропаганду против войны, но не имела никакого успеха».¹⁴⁹ Правда, после ее отъезда тон телеграмм Колчака А. Ф. Керенскому, в МГШ и МВД резко изменился. В сообщениях от 3, 4 и 6 июня речь шла об ухудшении положения, о растлевающем, вредном влиянии большевистской агитации на флот и население Севастополя.¹⁵⁰ Уйдя с должности командующего, потерю управляемости Черноморским флотом Колчак стал приписывать деятельности именно этой делегации.¹⁵¹ Впоследствии этот тезис попал и в историографию.¹⁵² В данном случае следует согласиться с мнением П. Н. Зырянова, считавшего, что пять агитаторов никак не могли развалить Черноморский флот.¹⁵³ Тем более что городская организация большевиков к концу июня насчитывала 50 членов и 100 сочувствующих.¹⁵⁴ Росту же революционных настроений в матросских и солдатских массах способствовала общая экономическая и политическая ситуация в стране.

Попытки А. В. Колчака восстановить дисциплину, необходимую для продолжения войны, наталкивались на сопротивление рядового состава армии и флота, видевшего в подобных действиях возвращение к старым порядкам. В этих условиях у адмирала проявлялось чувство безысходности и неверия в то, что что-то можно изменить. Так, в дневнике

А. И. Верховского в записи от 5 мая читаем: «Колчак считает, что все мы, борющиеся за спасение армии, должны будем в один прекрасный день сдать свои позиции и уйти в сторону, а дальнейшие компромиссы поведут уже к полной гибели армии».¹⁵⁵ Еще большим пессимизмом проникнуто письмо А. В. Колчака к А. В. Тимиревой от 22 мая: «Временами мною овладевает полнейшее равнодушие и безразличие ко всему — я часами могу сидеть в каком-то странном состоянии, похожем на сон, когда решительно ни о чем не думаешь, нет ни мыслей, ни волнений, ни желаний. Надо невероятное усилие воли, чтобы принудить себя что-нибудь делать, решать, приказывать».¹⁵⁶

Внешне демонстрируя единение с матросской массой, Колчак в то же время ненавидел ее, о чем свидетельствует его частная переписка. В ней он называет рядовой состав «преступными крестинами», «диким, неспособным выйти из психологии рабов народом».¹⁵⁷ И это исходило из понимания им, да, пожалуй, и многими офицерами, смысла военной службы. В частности, в середине мая он писал: «...я солдат (не имеющий ничего общего с теми, кто носит звание солдатских депутатов), вся деятельность которого и жизнь определяются военными целями и идеалами. Мне приходится переживать трагедию падения этих идеалов, по моему убеждению, неизбежно связанную с государственной катастрофой».¹⁵⁸

Оценивая обстановку, складывавшуюся в стране и на флоте в апреле-мае 1917 г., адмирал пришел к пониманию того, что такой военно-политический инструмент, как армия и флот, выскальзывает из рук командования и правительства. Нарастало и нервное напряжение, которое неминуемо вело к срыву.

В обстановке недовольства моряков расформированием экипажа миноносца «Жаркий», броненосцев «Три Святителя» и «Синоп» возник слух о тайных собраниях офицеров. Насколько он был обоснован, сейчас сказать трудно. В Севастополе легально существовал Союз офицеров и врачей Черноморского флота, который требовал восстановления еди-

ноначалия во флоте, а значит, и ограничения политических прав комитетов, что в условиях того времени воспринималось как посягательство на завоевания революции.¹⁵⁹

3 июня с 15:00 до 23:00 в полуэкипаже проходил митинг. Выступавшие требовали удаления со своих постов А. В. Колчака, начальника штаба М. И. Смирнова и ряда других офицеров.¹⁶⁰ И только после этого 4 июня Колчак телеграфировал А. Ф. Керенскому о том, что в последние дни агитация балтийской делегации получила «сильное распространение» и местные силы не в состоянии противостоять этой пропаганде.¹⁶¹

5 июня начался новый митинг. Матросы арестовали помощника командира Черноморского флотского экипажа полковника К. К. Грубера. Собравшиеся потребовали ареста еще трех офицеров, у двоих из них нашли много оружия. Однако сколько и какого, осталось невыясненным. После этого митингующие потребовали отобрать оружие у всех офицеров и арестовать политически неблагонадежных. В это время в Севастополе насчитывалось около 1500 тысяч офицеров. Около полуночи митинг принял решение об изъятии личного оружия у офицеров. 6 июня Делегатское собрание также вынесло постановление о сдаче офицерами холодного и огнестрельного оружия. И в 15:00 6 июня телефонограмму с этим требованием разослали во все судовые и полковые комитеты.¹⁶² Чтобы предотвратить кровопролитие, А. В. Колчак отдал по радиотелеграфу приказ о сдаче офицерами оружия. «Отдаю и я свою Георгиевскую саблю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура», — писал он.¹⁶³ Сдачу оружия Колчак воспринял как личное оскорбление и как недоверие со стороны моряков. В телеграмме, адресованной морскому министру и Верховному главнокомандующему, датированной 6 июня в 17:30, он писал: «Сегодня Делегатское собрание постановило отобрать от всех офицеров оружие, что и приведено в исполнение судовыми и полковыми комитетами. Такое же требование предъявлено и мне. Таким поступком наносится глубокое оскорбление мне и всему офицерскому составу и вносится рознь и разлад в вооруженную силу».

В заключении телеграммы он просил о немедленном назначении нового командующего и начальника штаба.¹⁶⁴

Колчак также попытался обратиться к команде флагманского корабля «Георгий Победоносец», но его речь особого впечатления на матросов не произвела. По воспоминаниям начальника штаба флота М. И. Смирнова, которому об этом эпизоде рассказывали матросы, служившие в штабе, команда флагманского корабля недоумевала по поводу негодования командующего: «Чего он рассердился, зачем ему сабля, все равно она висит в шкафу, и он надевает ее только на парадах. Для парадов мы будем ее возвращать».¹⁶⁵ Эпизод с саблей и реакция на него рядовых матросов показывали не просто глубину, а мировоззренческую пропасть между миром офицеров и матросов. Если для одних личное оружие — символ принадлежности к определенному социальному слою, символ власти и воинской доблести, то для других — игрушка, не имеющая особого практического значения, висящая в шкафу и надеваемая по торжественным случаям.

По свидетельству председателя ЦВИК поручика К. В. Сафонова, «рассказ о брошенной Колчаком в море сабле в ответ на предложение матросов сдать оружие — легенда; Колчак сдал, как и другие офицеры, свое оружие; и лишь на другой день, когда матросы возвращали оружие, Колчак взял свое, как и другие офицеры, и сказал: „Раз не хотят, чтобы у нас было оружие, — так пусть идет в море...“ И только тогда бросил его за борт».¹⁶⁶ Следовательно, эпизод с выброшенной саблей произошел 7 июня, когда по приказу Временного правительства матросы возвращали отобранное оружие. Этим символическим жестом командующий Черноморским флотом выразил свой протест как анархии во флоте, так и происходившему в стране развалу. Что это было: продуманный пропагандистский жест или у командующего сдали нервы? Вопрос пока остается без ответа.

Так или иначе, но под перьями журналистов эпизод с выброшенным наградным оружием превратился в рыцарский поступок: когда матросы пришли к адмиралу в каюту, то он

не подчинился их требованию, выбежал на палубу и бросил саблю в море. Писалось также, что перед этим он сломал ее,¹⁶⁷ чем подчеркивалась его огромная физическая сила. Сломанная сабля появилась в интервью А. В. Колчака «Русским ведомостям». Если это не журналистская выдумка, то в таком случае он являлся одним из соавторов этой легенды. Этот миф сделал адмирала «национальным героем» в офицерской и буржуазной среде. Позже он прочно обосновался в символике белого движения и в историографии.¹⁶⁸ Здесь следует сказать, что Колчак был мужественным человеком, но не безумцем, и не стал прорываться сквозь толпу матросов, пришедших к нему в каюту, так как это могло кончиться трагически, а сдал оружие.

Изъятие оружия у офицеров не привело к улучшению обстановки в Севастополе. 6 июня состоялось Делегатское собрание флота и гарнизона. На нем ораторы призывали к аресту А. В. Колчака и М. И. Смирнова. В 17:05 собрание приняло резолюцию об отстранении Колчака и Смирнова от их должностей «как возбудивших своими действиями матросские массы». Командование флотом переходило к контр-адмиралу В. К. Лукину. Для контроля над действиями нового командующего избрали комиссию из 10 человек. Вопрос об аресте А. В. Колчака и М. И. Смирнова передавался на рассмотрение полковых и судовых комитетов.¹⁶⁹

В данной ситуации командующий флотом не сумел совладать с собой и 6 июня в 17:30 направил Временному правительству телеграмму о своей отставке.¹⁷⁰ Напряжение трех революционных месяцев дало себя знать. Колчак осознал, что не может противостоять воцарившейся во флоте, по его мнению, анархии и что вся его работа пошла прахом. В письме А. В. Тимиревой от 6 июня появляются такие строки: «Но я не хочу больше думать о флоте. Только о Вас, Анна Васильевна, мое божество, мое счастье, моя бесконечно дорогая и любимая, я хочу думать о Вас, как это делал каждую минуту своего командования.

Я не знаю, что будет через час, но я буду, пока существую, думать о моей звезде, о луче света и тепла — о Вас,

Анна Васильевна. Как хотел бы я увидеть Вас еще раз, поцеловать ручки Ваши».¹⁷¹

Не дождавшись ответа от Временного правительства, А. В. Колчак и М. И. Смирнов в 00:00 на 7 июня, по требованию Делегатского собрания, передали командование флотом контр-адмиралу В. К. Лукину и капитану 1-го ранга Зарину¹⁷². Строго говоря, со стороны Колчака это был дисциплинарный проступок, так как без приказа Временного правительства он не мог покинуть свой пост. Одновременно Колчак совершил и крупный военно-политический просчет. Теперь он становился адмиралом без пушек, что резко уменьшало шансы в борьбе за власть.

Видя, что ситуация выходит из-под контроля, начальник штаба флота М. И. Смирнов по прямому проводу разговаривал с капитаном 1-го ранга А. Д. Бубновым,¹⁷³ который в Ставке ведал Черноморским флотом, а также послал ему телеграмму.¹⁷⁴ В создавшихся условиях Смирнов опасался за жизнь А. В. Колчака и сообщал: «Состояние духа наморси [А. В. Колчака. — А. С.] таково, что он не может оставаться, я также не нахожу возможным дальнейшую деятельность здесь».¹⁷⁵ Понимая, что взрыв страстей может произойти в любую минуту, А. Д. Бубнов в 23:00 6 июня отправил телеграмму в МГШ, которая начиналась словами: «Доложите немедленно министру, где бы он ни находился...».¹⁷⁶ Чтобы спасти командуемого от гибели, Бубнов предлагал немедленно вызвать Колчака и Смирнова в Петроград для доклада Временному правительству. Телеграмма заканчивалась словами: «Вызов необходим немедленно за подписью минмора».¹⁷⁷

Ответ Временного правительства за подписями министра-председателя князя Г. Е. Львова и военного и морского министра А. Ф. Керенского был получен в Севастополе в 2:20 7 июня. Поскольку этот документ перепечатан в ряде изданий, нет смысла приводить его здесь.¹⁷⁸ Мне бы хотелось обратить внимание на второй пункт этого распоряжения: «Временное правительство <...> приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада».¹⁷⁹ Тем

самым командующий автоматически попадал под следствие и на какое-то время выводился из активной военно-политической жизни. Возможно, в это время А. Ф. Керенский уже подозревал в А. В. Колчаке соперника и не упустил шанса, чтобы отделаться от него.¹⁸⁰

После получения 7 июня в Севастополе правительственной телеграммы страсти пошли на убыль. Оружие стали возвращать офицерам, а судовые комитеты высказались против ареста А. В. Колчака (68 — против, 4 — за) и М. И. Смирнова (50 — против, 7 — за).¹⁸¹ 8 июня Делегатское собрание послало Временному правительству телеграмму с объяснением произошедших событий. В ней говорилось, что история с бунтом раздута, а происшедшее составители ответа постарались представить в качестве недоразумения. Делегатское собрание и митинг постановили подчиниться Временному правительству, но протестовали против обвинения в бунте.¹⁸²

ГЛАВА 5

КАНДИДАТ В ДИКТАТОРЫ

Вечером 7 июня А. В. Колчак и М. И. Смирнов отбыли из Севастополя в Петроград.¹ В исторической литературе широко распространено мнение о том, что в этом же поезде ехала и американская военная делегация во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном, и там произошло их знакомство.² Постараемся разобраться в этом достаточно принципиальном вопросе. Адмирал Дж. Г. Гленнон, входивший в состав американской миссии бывшего сенатора-республиканца И. Рута, 4 июня выехал из Петрограда в Севастополь. Его сопровождали два американских офицера и переводчик лейтенант Д. Н. Федотов.³ К моменту приезда американского адмирала командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак уже покинул свой пост, и его заменил контр-адмирал В. К. Лукин. В Севастополь американская делегация прибыла 7 июня утром. На вокзале ее встречали адмирал Лукин, офицеры его штаба и представители Севастопольского Совета.⁴ Адмирал Дж. Г. Гленнон и сопровождавшие его лица посетили два линейных корабля, встретились с представителями ЦИК, участвовали в заседании Делегатского собрания. Поздно вечером они отбыли из Севастополя. На вокзале их провожал адмирал Лукин и представители ЦВИК.⁵ 10 июня американцы прибыли в Петроград. 11 июня Гленнон беседовал с заместителем морского министра капитаном 1-го ранга Б. П. Дудоровым о ситуации в Севастополе,

а вечером отбыл в Архангельск, куда и прибыл 13 июня.⁶ 10 июня А. В. Колчак давал интервью петроградским журналистам.⁷

Итак, приведенные факты говорят о том, что 10 июня А. В. Колчак и Дж. Г. Гленнон находились уже в Петрограде. Вместе с тем, в исторической литературе есть и другие данные. Так, прибытие американской миссии в Севастополь С. В. Дроков, со ссылкой на неуказанные крымские газеты, относит к 8 июня,⁸ а отъезд — к 23:40 9 июня.⁹ Если она уехала в указанное время, то оказаться в Петрограде 10 июня никак не могла. Следовательно, имеющиеся источники дают возможность утверждать, что американская делегация выехала из Севастополя поздно вечером 7 июня и возвратилась в Петроград 10 июня.

Следующий вопрос касается того, состоялась ли встреча А. В. Колчака и Дж. Г. Гленнона во время переезда из Севастополя в Петроград. В своем рапорте, написанном 30 июня 1917 г., об этом факте Гленнон не упоминает. Зато Колчак на допросе в Иркутске 26 января 1920 г. показал, что выехал в Петроград в одном поезде с Гленноном, но состоялось ли между ними знакомство, он не сообщил.¹⁰ В воспоминаниях М. И. Смирнова говорилось о том, что они ехали с американцами в одном поезде, но в разных вагонах, и о встрече также умалчивалось.¹¹ И, наконец, в воспоминаниях лейтенанта Д. Н. Федотова, опубликованных в 1939 г., сообщалось, что первое свидание русского и американского адмиралов состоялось в поезде.¹² Скорее всего, во время поездки Дж. Г. Гленнон и А. В. Колчак не виделись, поскольку не было никакого практического смысла встречаться с лично незнакомым главе миссии отставным адмиралом, который теперь ничего не решал. В мемуарах Федотова присутствие этого эпизода диктовалось необходимостью объяснить читателям причины приглашения малоизвестного за пределами России адмирала американскими военными для подготовки Дарданелльской операции. По версии Федотова, идея поездки Колчака в США принадлежала ему. Итак, Колчак и Гленнон ехали в одном поезде, но их встреча, по-видимому, не состоялась.

Уход А. В. Колчака с должности командующего флотом не означал, что он сложил оружие. Наоборот, почувствовав вкус к политике, адмирал собирался попробовать себя на новом поприще. 10 июня давая пресс-конференцию в Петрограде, события в Севастополе Колчак объяснил немецкой агитацией, а кампанию против него — «его [А. В. Колчака. — А. С.] политическими взглядами».¹³

13 июня А. В. Колчаку и М. И. Смирнову предстояло сделать доклад перед Временным правительством. В этот же день «Русские ведомости» опубликовали беседу с адмиралом, в которой присутствовал эффектный эпизод со сломанной и брошенной в море саблей.¹⁴ Одновременно на страницах «Маленькой газеты» появилась передовая статья, в которой, в частности, говорилось: «Пусть кн. Львов уступит место председателя в кабинете адм[иралу] Колчаку. Это будет министерство Победы. Колчак сумеет грозно поднять русское оружие над головой немца, и кончится война! Настанет долгожданный мир!»¹⁵ В обращении говорилось о неспособности Г. Е. Львова руководить страной. Проводилась аналогия с 1612 г., когда крестьяне и казаки спасли Русь. Делался также намек на перенос столицы в Москву, если Петроград не окажет поддержки народному движению. Не обошел автор статьи и вопроса о диктатуре: «Но мы не хотим диктатора, пусть это сделано будет народом, и через народ. Пусть крестьяне и казаки приступят к решению этого дела».¹⁶ В данном контексте в качестве диктатора, выбранного народом, выступал адмирал А. В. Колчак. Кто инспирировал эту публикацию, сказать трудно. Но можно предположить, что и она, и интервью в «Русских ведомостях» вышли в один день неслучайно.

Таким образом, вечером 13 июня на заседание Временного правительства для отчета о своей деятельности шел выступать кандидат в диктаторы. И, естественно, что министры дали бой этой попытке. Первым рассматривался вопрос о статье в «Маленькой газете». В связи с этим министры приняли решение опубликовать специальное обращение к населению с готовностью противостоять силам, которые

призывают к свержению правительства, и начать судебное разбирательство против «Маленькой газеты».¹⁷ После этого о событиях на Черноморском флоте докладывал А. В. Колчак. Он говорил, не стесняясь. Адмирал считал, что деятельность правительства привела к разложению флота, подрыву авторитета командного состава. Речь Колчака была выслушана при гробовом молчании. Его слова подтвердил и начальник штаба М. И. Смирнов. В итоге министры постановили отложить обсуждение вопроса до получения результатов комиссии под председательством товарища министра юстиции сенатора А. С. Зарудного, которая уже выехала в Севастополь для расследования происшедших событий.¹⁸ В ее состав вошли видные эсеры Е. К. Брешко-Брешковская и И. И. Бунаков-Фундаминский, меньшевик Борисов.¹⁹ Адмирала поблагодарили за обстоятельный доклад и отпустили.

Положение А. В. Колчака после отставки выглядело крайне неопределенным. Правительство обвинило его в непрепятствии бунту, самовольном оставлении должности, и вопрос о его судьбе откладывался до обнародования результатов комиссии А. С. Зарудного. Фактически негласно он находился под следствием. В Петроградском Совете неоднократно поднимался вопрос о Колчаке в связи с публикацией в «Маленькой газете».²⁰ Таким образом, его личность привлекала к себе много внимания как в правом, так и в левом лагере.

Между тем, 15 или 16 июня, после возвращения контр-адмирала Дж. Г. Гленнона из Архангельска, А. В. Колчака посетил переводчик американской миссии лейтенант Д. Н. Федотов и передал приглашение Гленнона о встрече. 17 июня она состоялась в Зимнем дворце, где разместились американцы. При беседе присутствовал и глава американской делегации И. Рут. Гленнон предложил Колчаку участвовать в Дарданелльской операции американского флота, чтобы пробить путь в Черное море. Поскольку план являлся секретным, то официально русский адмирал приглашался как специалист по минному делу и борьбе с подводными лодками, и Колчак дал согласие.²¹ Правда, это предложение вызвало у него не-

которое удивление. В письме к А. В. Тимиревой от 24 июня он писал: «Я не ожидал, что за границей я имею ценность большую, чем мог предполагать».²² В этой истории довольно много неясного. Так, по данным американских историков, никаких документов в архивах США о подготовке Дарданелльской операции не найдено.²³ Если такая операция задумывалась, то, безусловно, хоть какие-то следы должны были бы остаться. А вот если она и не планировалась, тогда все поиски бесполезны. В этом случае возникает вопрос о том, для чего Гленнону понадобилось выдумывать Дарданелльскую операцию.

Американские историки Ч. Викс и Дж. Бэйлен предположили, что инициатива исходила от адмирала Дж. Г. Гленнона, который ходатайствовал за А. В. Колчака из личной симпатии и ради его спасения, ввиду предстоящего судебного разбирательства.²⁴ В этом рассуждении вызывают удивление слова о личной симпатии к человеку, которого он видел в первый раз. Относительно спасения от суда, то это тоже натяжка, хотя и допустимая для американского адмирала, не знавшего русскую действительность. Комиссия А. С. Зарудного посылалась исключительно для поддержания престижа военного и морского министра и правительства. С самого начала было ясно, что таких преступлений, за которые А. В. Колчака следовало отдать под суд, он не совершал, а если и устраивать суд, то в обвиняемых окажется Временное правительство. Виновных же в беспорядках на Черноморском флоте А. Ф. Керенский простил.²⁵ В рассуждениях Вика и Бэйлена принципиально важно другое. Инициатива в приглашении исходила не от военного или политического руководства США, а от И. Рута и Дж. Г. Гленнона. Следует также подчеркнуть, что в опубликованной части рапорта Гленнона о пребывании в России ничего не говорилось о приглашении А. В. Колчака в США, что лишний раз доказывает его частный характер. Для американского адмирала, человека военного, такое приглашение без консультаций с высшим командованием можно рассматривать как нарушение воинской дисциплины с серьезными

последствиями. Поэтому информация об этом и не попала в рапорт.

Приглашая русского адмирала в США, Дж. Г. Гленнон ни словом не обмолвился о том, в чем будет состоять истинная роль Колчака в «Дарданелльской операции», поскольку версия о знании им минного дела и умении бороться с подводными лодками выдвигалась в качестве официального прикрытия. Трудно предположить, что военный специалист такого уровня, как Гленнон, не знал того, что англичане в этом вопросе ушли далеко вперед. И когда «специалист по борьбе с подводными лодками», пребывая в Англии, увидел британскую гидроавиацию, предназначенную для этих целей, то в письме к А. В. Тимиревой написал: «За два года англичане создали это оружие [гидроавиацию. — А. С.] в таком размере и такого свойства, о котором мы не имеем представления <...> Надо видеть средства, которыми они располагают, чтобы понять, что такое господство над морем или воздухом, и почувствовать, как далеки мы от этого».²⁶ Выходит, что борьбе с подводными лодками следовало учиться у англичан, а не у русских. Тогда чем же можно объяснить поступок И. Рута и Дж. Г. Гленнона? Я бы предложил такую версию их действий.

После заседания Временного правительства 13 июня стало ясно, что на политическом горизонте готовится взойти новая звезда, и такая перспектива не устраивала, прежде всего, А. Ф. Керенского, видевшего себя во главе государства. Для того чтобы вытолкнуть из страны опасного конкурента, по некоторым данным, Керенский имел разговор с руководителем американской миссии И. Рут²⁷. В результате чего состоялась договоренность о поездке адмирала в Америку под благовидным предлогом. Здесь нельзя исключить и того, что в ее основе лежали русско-американские масонские связи, поскольку и Рут, и Керенский являлись масонами. Однако это только мое предположение. И уже в Англии у А. В. Колчака появились сомнения относительно того, что США примут участие в Дарданелльской операции, а И. Рут и Дж. Г. Гленнон выражают мнение не правительства США,

а свое. К тому же и англичане выступали решительными противниками этой затеи.²⁸ Когда же Колчак прибыл в Вашингтон, то выяснилось, что американские официальные лица не понимают цели приезда миссии, а при обсуждении вопроса о Дарданелльской операции американцы заявили о ее неосуществимости.²⁹ В одном из писем из Америки от 12 октября 1917 г. Колчак говорил прямо: «...мое пребывание в Америке есть форма политической ссылки, и вряд ли мое появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства».³⁰ Членам же своей миссии он говорил, что по сути А. Ф. Керенский заставил его покинуть Россию, а сам он уезжать не хотел.³¹

Выпровождение Колчака из России было обставлено по всем канонам театрального искусства. После беседы с А. В. Колчаком Дж. Г. Гленнон обратился в российское адмиралтейство с просьбой о командировании адмирала в Америку, но получил отказ. Ему было заявлено, что Колчаку следует отчитаться за «некомпетентное командование» в Севастополе. Затем к Временному правительству обратился И. Рут.³² Однако дело продвигалось медленно.³³ После возвращения комиссии А. С. Зарудного и его доклада правительству стало ясно, что какая-либо вина со стороны Колчака за июньские события в Черноморском флоте отсутствует.

25 июня адмирал Дж. Г. Гленнон обратился к управляющему морским министерством В. И. Лебедеву с просьбой поставить во главе миссии, направляемой в Америку, адмирала А. В. Колчака «как пользующегося большим авторитетом в американском флоте».³⁴ 27 июня последний представил проект секретного постановления о необходимости миссии А. В. Колчака в Америке. Документ являлся настолько «секретным», что еще 24 июня Колчак в письме к А. В. Тимиревой сообщал о содержании одного из его разделов.³⁵ Первым пунктом в нем значилось: «По сложившейся обстановке вице-адмирала Колчака вряд ли можно будет использовать в ближайшем будущем в России».³⁶ Следовательно, главное состояло не в помощи новому союзнику, а в устранении возможного претендента на власть. В результате этого решения

правительства А. В. Колчак под благовидным предлогом, с соблюдением приличествующих норм выдворялся из России. Следует также отметить, что миссия не имела дипломатического статуса и четко сформулированной цели.³⁷ Наконец на заседании Временного правительства 28 июня вопрос о Колчаке решился. Он направлялся в Америку во главе морской миссии для оказания помощи американцам в постановке минного дела и борьбе с немецкими подводными лодками.³⁸ После этого Колчаку еще предстояло весь день 3 июля пробегать за Керенским, чтобы получить его согласие на состав миссии.³⁹ Так военный и морской министр указывал подчиненным адмиралам и генералам их место. Итак, Колчаку предложили собирать чемоданы, но адмирал не спешил этого делать.

После прибытия в Петроград 10 июня 1917 г. и эффектно расписанного правой прессой жеста с выбрасыванием георгиевской сабли за борт корабля на какое-то время бывший командующий Черноморским флотом становится символической фигурой, способной к борьбе с анархией, охватившей страну. Так, А. В. Колчак согласился на предложение «Республиканского центра», претендовавшего на роль организатора разнородных контрреволюционных и антисоветских элементов и ставившего задачу установления военной диктатуры, вступить в эту организацию, так как вполне сознавал «необходимость военной диктатуры для России». В качестве кандидатов в диктаторы «Республиканский центр» рассматривал А. В. Колчака и Л. Г. Корнилова.⁴⁰ Адмирал считал, что «в вопросах нашей внутренней политики наиболее ясный отчет отдавали себе военные деятели, стоящие, быть может, на несколько специальной, но, тем не менее, — государственной точке зрения».⁴¹ Колчак стал бывать на заседаниях «Республиканского центра» и одно время руководил его военным отделом. В частном порядке он встречался с П. Н. Милюковым и В. В. Шульгиным. В это время адмирал жил на частной квартире на Васильевском острове и какое-то время на даче сестры.⁴² Результатом встречи с лидером кадетов стало приглашение Милюкова баллотироваться в члены Учреди-

тельного собрания по списку кадетской партии.⁴³ И это стало очередным шагом вхождения в большую политику.

По словам поэта Георгия Иванова, он якобы видел А. В. Колчака в кабаре «Привал комедиантов» за одним столиком с Б. В. Савинковым и Л. Д. Троцким.⁴⁴ Колчак действительно посещал это кабаре во время пребывания в Петрограде.⁴⁵ Что касается его собеседников, то автор новейшей биографии Колчака П. Н. Зырянов высказал сомнение по поводу рассказа Г. Иванова, склонного к вымыслам. Хотя с Савинковым, по предположению историка, адмирал где-то встречался.⁴⁶ Можно предположить, что Иванов видел всех троих в «Привале комедиантов», но в разное время, а в эмиграции, когда он писал воспоминания, разновременные события слились в одно — и все трое оказались за одним столиком.

1 июля А. В. Колчака посетила делегация Главного комитета Союза офицеров армии и флота и вручила ему саблю с надписью «Рыцарю чести от Союза офицеров армии и флота», взамен выброшенной в море.⁴⁷ Вскоре состоялась и встреча адмирала с председателем Союза полковником Л. Н. Новосильцевым. В ходе беседы Колчак выразил согласие остаться в России и не ехать в Америку и даже перейти на нелегальное положение в случае серьезности планов организации. На это Новосильцев заявил, что ничего реального у них нет, и посоветовал адмиралу уезжать.⁴⁸

В исторической литературе существует мнение о том, что делегация Союза офицеров зондировала почву на предмет продвижения Колчака в диктаторы.⁴⁹ Странные это были поиски, если председатель Союза рекомендовал будущему претенденту на эту роль покинуть страну. Скорее всего, дело обстояло как раз наоборот. Союз офицеров, созданный при Ставке под непосредственным руководством тогдашнего Главковерха М. В. Алексева и, вероятно, специально для него как возможного диктатора, после отставки последнего стал искать ему замену. И таковая нашлась в лице генерала Л. Г. Корнилова. В данном случае задача делегации состояла в том, чтобы в приличествующих формах устранить конкурента в лице А. В. Колчака. Саблю ему подарили, но в то

же время вежливо намекнули, что в его услугах не нуждаются. К тому же Колчак как морской офицер был малоизвестен в армейской среде. Все это ставит под сомнение желание Союза офицеров сделать ставку на адмирала. Вместе с тем, дружеские отношения между Колчаком и Союзом офицеров сохранялись. Так, 17 июля в телеграмме Главному комитету Союза А. В. Колчак писал: «...ваша телеграмма является для меня единственной поддержкой в настоящие тяжелые дни».⁵⁰ В то же время на допросе в Иркутске Колчак, не называя имен, говорил о некоторых членах Думы и военных деятелях, которые убеждали его остаться в России.⁵¹

К середине июля 1917 г. бум вокруг А. В. Колчака пошел на убыль. Причину этого Г. З. Иоффе видит в отправке адмирала в Америку и в том, что он не мог конкурировать с генералом Л. Г. Корниловым, ставшим 19 июля Верховным главнокомандующим, за которым стояла реальная вооруженная сила, чего был лишен адмирал без пушек.⁵² Возможно, определенную роль сыграли и такие личные качества адмирала, как отсутствие выдержки и терпимости по отношению к подчиненным, его излишняя вспыльчивость и горячность, склонность к фатализму.⁵³ Несмотря на это, его фамилия фигурировала в различных вариантах списков корниловского правительства.⁵⁴

Политическая активность А. В. Колчака в Петрограде не являлась секретом для Временного правительства. Оно получало сведения о его антиправительственной деятельности.⁵⁵ И вот здесь происходит на первый взгляд маловероятная вещь. По сообщению правой газеты «Биржевые ведомости» от 15 июля 1917 г., на дневном заседании правительства А. Ф. Керенский огласил список кандидатов на должности министров. В нем морским значился А. В. Колчак, а военным — Л. Г. Корнилов. Однако в окончательный состав правительства они не попали, а Керенский сохранил за собой два этих поста.⁵⁶ Как следует трактовать заявление председателя правительства в отношении Колчака, если оно было на самом деле, а не являлось очередной выдумкой журналистов? С одной стороны, Керенский давал добро на

отъезд адмирала в Америку, а с другой — приглашал стать министром, да еще подозревая его в антиправительственной деятельности. Мне представляется, что объяснить этот шаг Керенского после событий 3—4 июля в Петрограде можно только тем, что своим приглашением он делал определенный жест направо, но от введения в правительство воздержался, а также давал понять, что отъезд Колчака не является принудительной высылкой.

Наконец, в 20-х числах июля наступила развязка. 21 июля 1917 г. Колчака посетил бывший главнокомандующий армиями Западного фронта, монархист, генерал В. И. Гурко, который находился в оппозиции Временному правительству. Беседа касалась положения дел в армии и генерала Л. Г. Корнилова, способного остановить развал.⁵⁷ В этот же день Колчак получил телеграмму от председателя правительства А. Ф. Керенского с требованием в кратчайший срок отбыть в США и донести о причинах задержки, что вряд ли можно отнести к простому совпадению.⁵⁸ На другой день, 22 июля, Колчак хотел нанести ответный визит Гурко, но того арестовали по распоряжению А. Ф. Керенского за монархическую пропаганду и публикацию письма к Николаю II от 4 марта 1917 г., в котором генерал предсказывал восстановление монархии.⁵⁹

ПЕРИОД СТРАНСТВИЙ

27 июля русская военно-морская миссия отбыла из Петрограда в США. Вице-адмирал А. В. Колчак ехал под чужой фамилией, поскольку, по сведениям английской военной миссии в России, он находился под наблюдением немецких агентов. В ее состав вошли бывший начальник штаба Черноморского флота капитан 1-го ранга М. И. Смирнов, капитан 2-го ранга Д. В. Колечицкий, старший лейтенант В. В. Безуар, лейтенанты И. Е. Вуич и А. М. Мезенцев.

Путь оказался неблизким. Сначала русская делегация по железной дороге через Финляндию, Швецию добралась до Норвегии и из Бергена на пароходе прибыла в шотландский порт Абердин (Эбердин), а затем в Лондон. Несмотря на войну, Колчака поразили порядок и удобства жизни, которых он давно не видел в России. Вместе с тем его тревожило усиление влияния лейбористской партии на рабочее движение, которое вылилось в ряд крупных забастовок. В Англии он встречался с первым лордом адмиралтейства адмиралом Дж. Р. Джелико, начальником королевской морской воздушной службы Пенном, начальником разведывательного управления военного штаба Адмиралтейства адмиралом В. Р. Холлом, который заявил, что спасение России в военной диктатуре, и эта мысль совпадала со взглядом Колчака на ситуацию в стране.¹ Русскому адмиралу показали новейшие гидросамолеты. На одном из них он участвовал в воздуш-

ной операции по поиску подводных лодок в Северном море. И хотя неприятельских лодок обнаружить на этот раз не удалось, английская гидроавиация произвела на него сильное впечатление.² Наконец после двухнедельного пребывания в Англии русская миссия на британском крейсере отплыла в Америку.

30 августа Колчак и сопровождавшие его лица прибыли в Вашингтон.³ Русская военно-морская миссия была принята морским министром и другими официальными лицами. Посетила морскую верфь в Ньюпорте, побывала в военноморском колледже. Члены делегации основательно изучали уставы военно-морского флота США. Они также приняли участие в маневрах эскадры США в Атлантическом океане. Из встреч с американскими официальными лицами Колчак понял, что никакой операции против Черноморских проливов не предвидится.⁴ В письме А. В. Тимиревой он говорил: «Обсуждение этого вопроса в Вашингтоне выяснило неосуществимость такого предприятия из-за недостатка тоннажа. Кроме того, англичане с Джелико, озабоченные снабжением Великобритании, решительно против этой операции».⁵ В письме своему доверенному лицу В. В. Романову от 1/14 октября Колчак говорил: «...та задача, которая больше всего меня интересовала в Америке и о которой Вы знаете, не получила осуществления и не получит его. Этот вопрос, насколько я знаю, отрицательно решен англичанами на последней конференции в Лондоне, где присутствовал представитель американского флота. Я не знаю, кто был от нас представителем на этой конференции, но я считаю, что с нею кончились последние наши надежды на проливы».⁶

16 октября А. В. Колчак был принят президентом В. Вильсоном. Судя по всему, беседа имела ознакомительный, общий характер. Президент расспрашивал о положении в России и о причинах поражения в Рижском заливе.⁷ Каких-либо последствий встреча не имела.

В Вашингтоне в делегацию вошел еще один человек — лейтенант В. С. Макаров, в это время состоявший в должно-

сти помощника военно-морского агента при российском посольстве в США. По его просьбе Колчак включил Макарова в состав делегации.

Поездка в США, кроме разочарования, ничего не принесла. В Америку А. В. Колчак ехал для того, чтобы продолжать войну, но там он увидел, что страна ведет войну за демократию, а эту цель и смысл войны он характеризовал словами «абсурд и глупость». Его поразило и то, что американские газеты писали больше о 3 убитых, 4 раненых и 12 пленных солдатах своей страны, чем о сражении на Марне.⁸ К тому же отношение к России за границей стало меняться в худшую сторону. «Могу сказать только, — говорил Колчак, — что пребывание за границей очень тягостно ввиду того, что мы справедливо заслужили везде сомнение в своей способности не только вести войну, но даже справиться со своими внутренними делами. Англичане относятся к нам совершенно отрицательно, в Америке смотрят на нас лучше, но, повторяю, я не могу отделаться от чувства неловкости, когда бываю в форме русского офицера».⁹

Охлаждение отношений произошло и с английским союзником. Так, размышляя о пути возвращения в Россию, Колчак не стал прибегать к содействию Англии и решил возвращаться через Дальний Восток, объясняя впоследствии это тем, что не хотел второй раз прибегать к любезности англичан, тем более что американцы предложили ему посетить Сан-Франциско и Педжет-Саунд. С побережья Тихого океана кратчайший путь в Россию лежал через Владивосток. Таким образом, Колчак выходил из войны.

Однако уже в Америке у него появилась мысль о предложении своих услуг Англии. «В крайнем случае, можно будет обратиться к английскому флоту, где у меня есть некоторые знакомства», — писал адмирал.¹⁰ Колчак уезжал из Америки в крайне подавленном состоянии. Рухнула его последняя надежда — Черноморские проливы. Что он будет делать в России, адмирал также не представлял. «Последние дни я стал временами входить в состояние какой-то прострации», — говорил Колчак.¹¹

Находясь в США, сведения о происходивших в России событиях Колчак черпал из американских газет, о которых у него сложилось негативное представление: «...американская же пресса является удивительно несерьезной в отношении проверенности тех сообщений, которые она дает. <...> американским газетам верить было чрезвычайно трудно».¹² Поэтому желание возвращения в Россию, чтобы самому убедиться на месте, что там происходит, было несомненным.

Незадолго до отъезда из США А. В. Колчак получил телеграмму из Петрограда с предложением баллотироваться в Учредительное собрание по списку кадетской партии по Черноморскому флоту. Адмирал дал свое согласие, и его ответ датирован 8 октября.¹³ Однако окружная избирательная комиссия отказалась зарегистрировать его телеграмму, поскольку она пришла не в срок (в 12:00 23 октября). Почему ответ Колчака до избирательной комиссии дошел только через 15 дней, остается загадкой. Окончательное решение вопроса передавалось во Всероссийскую избирательную комиссию. Не получив ответа из Петрограда до 31 октября, окружная комиссия 1 ноября постановила снять кандидатуру Колчака.¹⁴ На мой взгляд, вопрос с регистрацией недостаточен прояснен до сих пор.

29 октября/9 ноября 1917 г. российская миссия отплыла из США в Японию. По разрешению А. В. Колчака М. И. Смирнов на некоторое время оставался в Америке. Вскоре адмирал и сопровождавшие его офицеры прибыли в японский порт Иокагама. Здесь он получил точные сведения о новой революции в России и о перемирии с Германией. Проигранную войну, как и, впрочем, многие офицеры русской армии, он воспринимал как личную драму. В одном из писем к А. В. Тимиревой Колчак писал: «Война проиграна — еще есть время выиграть новую, и будем верить, что в новой войне Россия возродится... Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственно светлого будущего, а пока надо окончить настоящую, после чего приняться за подготовку к но-

вой. Если этого не случится, тогда придется признать, что смертный приговор этой войной нам подписан».¹⁵

Поскольку у А. В. Колчака было одно желание — активно участвовать в войне и бить немцев, то он отправился к английскому послу в Японии К. Грину. Через него он обратился к правительству Великобритании с просьбой предоставить ему возможность участвовать в войне и по возможности сражаться на суше, в качестве рядового на Западном фронте.¹⁶ В Лондоне к предложению Колчака отнеслись серьезно, и этим вопросом занимался лично министр иностранных дел А. Бальфур. Через К. Грина английское правительство поблагодарило Колчака за предложение и просило его не уезжать из Японии до решения вопроса о его наилучшем использовании.¹⁷

В Иокагаме А. В. Колчак провел около двух месяцев. Это было время, когда ему представилась возможность подумать и осмыслить события, в которых он принимал участие. Жил адмирал в гостинице, вел достаточно уединенный образ жизни и считал, что в его положении это самое лучшее. Хотя в Иокагаме имелось довольно значительное русское общество, по преимуществу из бежавшей военной и гражданской бюрократии, но иметь с ним дело он не пожелал. «Это общество людей, признавших свое бессилие, не могущих и не желающих бороться, мне не нравится и не вызывает сочувствия», — писал адмирал.¹⁸

В это время А. В. Колчак посещал русское посольство и морского агента адмирала Б. П. Дудорова в Токио, для разбора шифрованных телеграмм. В остальное время он занимался чтением книг по буддийской философии. Знакомился с учением дзэн-буддизма. В нем его привлекла мысль о развитии способности к дисциплине.¹⁹ По-видимому, под влиянием этих идей он рассматривал и происшедшее с русской армией и флотом в ходе революции. Так, он писал: «Без дисциплины нет прежде всего смелости участвовать в войне, не говоря уже о храбрости. Без дисциплины человек прежде всего трус и не способен к войне — вот в чем сущность нашей проигранной войны. Надо открыто признать, что мы проиграли

войну благодаря стихийной трусости чисто животного свойства, охватившей массы, которые с первого дня революции освободились от дисциплины и провозгласили трусость истинно революционной добродетелью. Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего отечества: ведь в основе гуманности, пацифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость, страх боли, страдания и смерти».²⁰

Помимо знакомства с буддийской философией А. В. Колчак читал труд величайшего китайского стратега Сунь-Цзы «Стратегемы военного искусства», который произвел на него «глубочайшее впечатление». Колчак размышлял над этими глубокими мыслями в применении к последней войне. Когда буддийские философы и китайский стратег надоедали, Колчак отправлялся в небольшой японский городишко Камакуру, бывший когда-то столицей Японии. Здесь его привлекала бронзовая статуя Будды, которая оказывала на него успокаивающее действие. «И когда мне становится очень уж нехорошо, я отправляюсь к нему [Будде. — А. С.] с визитом и остаюсь всегда благодарен ему за то, что он дает мне», — писал Колчак.²¹ С неменьшим удовольствием посещал он и храм бога войны Хатимана, около которого находилась богатейшая коллекция военных реликвий. В Камакуре он восхищался высокими образцами «величия духа, служения долгу и отвлеченной идее войны», что, по его мнению, отсутствовало в России.²²

В Иокагаме А. В. Колчак познакомился с японским полковником Я. К. Хизахиде и считал это знакомство одним из самых интересных. Судя по всему, они достаточно быстро нашли общий язык, поскольку являлись людьми одних и тех же мыслей и взглядов. Полковник являлся последователем секты Зен. Колчака в нем подкупала громадная военная эрудиция, осведомленность в военных вопросах и отношение к войне как к религии. Вызывали одобрение у Колчака и мысли Хизахиде о войне и государственном управлении. Беседуя с адмиралом, японский полковник говорил: «Вы выразитель того, что наши общие враги называют „милита-

ризмом". Мы с Вами знаем, что единственная форма государственного управления, отвечающая самому понятию о государстве, есть то, что принято называть милитаризмом. Ему противопоставляют понятия либерализма и демократии... чтобы вести успешную войну, надо прежде всего ее желать... Но «демократия» не желает войны, а милитаризм ее желает. Текущая война есть борьба демократического начала с милитаризмом». ²³ Общим у них было и то, что оба поклонялись японскому культу «холодной стали». При помощи полковника Хизахиде Колчак приобрел два клинка работы японских мастеров XIV и XVII веков Го-но-Есихоро и Нагасоне Котейсу и получил дополнительные сведения о старинном холодном оружии величайших оружейных мастеров Японии. На русского адмирала большое впечатление произвело и посещение синтоистского храма Ясукуни, посвященного душам павших воинов, и буддийского храма 47 ронинов (Сэнгакудзи).

В это же время Колчак предается размышлениям о войне как смысле жизни военного человека. Об этом он задумывался еще и раньше. Будучи командующим Черноморским флотом и выступая во время открытия Морского кадетского корпуса в Севастополе в 1916 г., Колчак, наставляя кадетов, говорил, что они не должны увлекаться речами и книгами, проповедующими пацифизм и космополитизм, поскольку это делается врагами, тратящими немалые средства, чтобы ослабить самосознание. Командующий считал: «Война посылается Божественным промыслом для испытания народов. Военные люди всегда должны помнить, что они существуют для войны, а ведь делать военное дело, не любя его, нельзя. Когда начинается война, военный человек должен радоваться, идти на нее как на дело своей жизни, к которому все время готовился. Военное дело немыслимо без беспрекословного исполнения приказаний начальников». ²⁴ И вот теперь, имея досуг, он еще более рельефно формулирует свои мысли о войне в письмах к А. В. Тимиревой: «Я служу, снова служу войне — единственная служба, которую я не только теоретически ставлю выше всего, но которую искренне и бесконечно

люблю».²⁵ И, продолжая эту мысль, адмирал писал: «Война прекрасна, хотя она связана со многими отрицательными явлениями, но она везде и всегда хороша».²⁶ «Война дает мне силу относиться ко всему „холодно и спокойно“, — писал Колчак, — я верю, что она выше всего происходящего, она выше личности и собственных интересов, в ней лежит долг и обязательство перед родиной, в ней все надежды на будущее, наконец, в ней единственное моральное удовлетворение... Война ведь выше справедливости, выше личного счастья, выше самой жизни. Она дала мне это счастье, и она отнимет его, если захочет, то и с жизнью в придачу».²⁷ Самая заветная мечта Колчака — это возвращение в стихию войны: «Поскорее к обстановке войны, где я буду чувствовать себя точно вернувшись „домой“. Другого дома теперь у меня нет и быть не может».²⁸ То, что писал Колчак, было продумано и написано без всякой рисовки, и он сам следовал этим постулатам, но многие ли офицеры также поклонялись богу войны? И на этот вопрос адмирал давал отрицательный ответ: «Наше офицерство было демократизировано и не имело подобия и тени военного сословия, воинственности, склонности и любви к войне, что совершенно необходимо. Оно было не дисциплинировано и не воинственно. У нас было 3000 генералов против 800 французских, но что это были за фигуры! Что общего имели с высшим командованием эти типичные мирные буржуа, заседавшие в канцеляриях, гражданских ведомствах и управлениях, носившие военную форму и сабли с тупыми золингеневскими клинками... У нас были офицеры преимущественно в гвардейских полках, в генеральном штабе, но их было мало и численно не хватило на такую войну... новый тип офицера „военного времени“ — это был уже сплошной ужас».²⁹

Размышления адмирала о войне как высшей добродетели весьма схожи с мыслями, высказанными Бенито Муссолини в работе «Доктрина фашизма», опубликованной в 1932 г. В ней Дуче писал: «Война — единственное, что поднимает на высшую ступень всю человеческую энергию и отмечает печатью благородства людей, имеющих мужество встретить

ее. Все остальные испытания лишь суррогаты, которые никогда реально не ставят людей в такую ситуацию, когда они вынуждены принимать великое решение — альтернативу жизни или смерти».³⁰ При этом лидер итальянского фашизма выступал заклятым противником демократии, либерализма, коммунизма, пацифизма, индивидуализма, позиционируя себя приверженцем коллективизма, дисциплины, государственным. Здесь уместно будет сказать, что один из колчаковских генералов, К. В. Сахаров, в 1923 г. в книге «Белая Сибирь» писал: «...белое движение в самой сущности своей явилось первым проявлением фашизма <...> Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его. Действительно, если пристально взглянуть в стимулы, двигавшие белыми, то в них выступает все то же, что создает фашизм в других странах».³¹

30 декабря А. В. Колчака вызвали в английское посольство в Токио. Там ему сообщили, что он и два офицера, которые согласились его сопровождать, приняты на английскую военную службу и им предлагалось отправиться на Месопотамский фронт. Это место с тропическим климатом, холерой, малярией, чумой не было раем, но Колчак считал, что лучше смерть от холеры, чем от рук сознательного пролетариата или красоты и гордости революции.³² Остается не совсем понятным, как английское военное командование собиралось использовать бывшего командующего флотом, вице-адмирала, на сухопутном фронте и не являлось ли это прикрытием каких-то далеко идущих планов в будущем.

Итак, путешествие началось. Передвижением А. В. Колчака с этого времени руководил начальник английской военной разведки.³³ В конце января адмирал прибыл в Шанхай и стал ожидать пароход на Сингапур. Однако пришедшее судно привезло чуму, и, пока проходила дезинфекция корабля, ему пришлось пребывать в тоске. В это время он встретился со своим знакомым по Йокагаме, японским полковником Я. К. Хизахиде, который направлялся в Южный Китай, на происходивших встречах они обсуждали вопросы, связанные с милитаризмом и либерализмом. Колчак также изучал уста-

вы английской полевой службы, иногда ходил в стрелковый клуб, писал письма Анне Васильевне.

Перед самым отъездом через английского посла Джордана А. В. Колчак получил телеграмму от русского посла в Пекине князя Н. А. Кудашева с предложением приехать в Пекин для переговоров по весьма важному делу. Однако Колчак отказался, так как отправлялся на месопотамский фронт, и к тому же он находился на английской службе. В Шанхае адмирал имел встречу с эмиссаром атамана Г. М. Семенова, сотником А. В. Жевченко, который направлялся в Китай для переговоров о снабжении Семенова оружием со стороны Китая и Японии. От него Колчак узнал о восстании против советской власти в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. Колчак одобрил выступление Семенова, но поехать к атаману отказался, поскольку был связан обязательствами перед англичанами. Таким образом, Колчак получил сведения о борьбе с большевиками на Дальнем Востоке из первых рук.³⁴

Наконец, пробыв около месяца в Шанхае, 11 марта Колчак прибыл в Сингапур. Здесь ему передали телеграмму из военного министерства Великобритании о желательности возвращения в Китай для работы в Маньчжурии и Сибири. Причем эта миссия называлась секретной. «Английское правительство <...> нашло, что меня необходимо использовать в Сибири в видах Союзников и России», — сообщал Колчак А. В. Тимиревой в письме от 18 марта 1918 г.³⁵ Это решение вызвало недовольство адмирала. В результате в военное министерство ушла телеграмма, в которой сообщалось, что если это приказ, то Колчак его выполнит, но предпочтительнее для него Месопотамский фронт. Ответ из Лондона гласил, что адмирал не может быть более полезен на Среднем Востоке. Теперь предстоял обратный путь в Китай. Несмотря на то что Колчак состоял на службе у английского правительства, никаких денег на поездку на Месопотамский фронт он не получил и все его передвижение происходило за личный счет. Ожидание парохода растянулось еще на две недели. О его душевном состоянии, в котором он пребывал в это время, го-

ворит письмо адмирала А. В. Тимиревой от 18 марта 1918 г., похожее на крик души: «Милая моя Анна Васильевна, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару... но только бы кончилось это ужасное скитание, ожидание, ожидание, которое способно привести в состояние невменяемости любого Бога... Это время было для меня временем величайшего страдания, которое я когда-либо испытывал, кончится ли оно когда-нибудь».³⁶ Наконец в конце марта он отправился в Шанхай.

ГЛАВА 7

ХАРБИНСКОЕ СИДЕНИЕ

Примерно через месяц, в середине апреля 1918 г., А. В. Колчак прибыл к российскому послу в Пекине Н. А. Кудашеву.¹ В состоявшейся беседе посол довел до сведения адмирала о начале борьбы с анархией на Юге России, где действуют отряды под руководством генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Со своей стороны он предложил Колчаку начать организацию вооруженной силы на Дальнем Востоке. Для этого предполагалось создать воинские части в полосе отчуждения КВЖД, под видом ее охраны, а затем начать борьбу за Дальний Восток.

Однако положение осложнялось тем, что там в это время стало развиваться такое явление, как атаманщина. Отряды Г. М. Семенова, И. М. Гамова, И. П. Калмыкова, Б. В. Анненкова, полковника Н. В. Орлова действовали на свой страх и риск. Наиболее сильным являлось формирование есаула Семенова, опиравшееся на японцев. Для атаманов не существовало никаких законов, и подчинялись они тем, кто давал им деньги, и только до тех пор, пока средства поступали. Грабеж, бессудные расправы стали нормой жизни в полосе отчуждения, и вот эту вольницу А. В. Колчаку предстояло привести в порядок. Адмиралу предстояло также стать единственным распорядителем денежных средств, которые поступали от союзников.

Вскоре в Пекин приехал управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват, занимавший эту должность с 1903 г.

За время своего управления он установил прочные связи в русских и китайских деловых и дипломатических кругах. В 1918 г. местные монархические силы возлагали на него определенные надежды. В феврале 1918 г. здесь образовался «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания». В его распоряжении находился корпус защиты Учредительного собрания, насчитывавший около 200 человек.

Однако в марте 1918 у Хорвата объявился соперник в лице Временного правительства автономной Сибири, образованного в Томске во главе с П. Я. Дербером. После установления Советской власти в городе оно бежало в Читу, но и там вскоре верх одержали Советы. После этого Дербер и его министры перебрались в Харбин, где обосновались в железнодорожном вагоне. Однако никаких вооруженных сил за ним не стояло. Вместе с тем обе группы искали поддержки у союзников и одновременно соперничали друг с другом.

Вместе с Д. Л. Хорватом в Пекин прибыли члены правления железной дороги и представители Русско-Азиатского банка. На совещаниях, которые проходили в русском посольстве, было образовано новое правление Китайской железной дороги, куда вошел адмирал А. В. Колчак как член правления с военными функциями.

26 апреля появилось сообщение в газетах о назначении Колчака главнокомандующим русскими войсками в полосе отчуждения. Таким образом, он становился лицом официальным, что должно было облегчить исполнение возложенных на него функций. 30 апреля Н. А. Кудашев, Д. Л. Хорват и А. В. Колчак явились к британскому послу Д. Джордану и изложили план освобождения Сибири от Иркутска до Владивостока русским корпусом численностью в 17 тыс. человек, базирующимся на КВЖД, о чем посол доложил в Лондон.²

В Пекине Колчак провел переговоры с японскими представителями о получении оружия, но конкретных заверений не получил. 1 мая он вместе с Хорватом отправился в Харбин.³

В Харбине в это время скопилось довольно много различных спасителей отечества, которые хотели создать армию и

двинутся освобождать Россию от большевиков. Портрет этих спасителей отечества достаточно красочно нарисовал барон А. П. Будберг, приехавший из Петрограда в Харбин и надеявшийся найти здесь порядок. Однако увиденное произвело на него тяжелое впечатление: «...на улицах шатаются и носятся на извозчиках разболтавшиеся офицеры (очень много в нетрезвом виде); по вечерам это явление усиливается; настроение у этих господ очень воинственное, с готовностью обнажать оружие и стрелять по первому подвернувшемуся под руку поводу. <...> Какое-то помешательство на идее реванша скорого и жестокого, отождествляемого со спасением России <...> у большинства спасителей только и на уме — сколько „серой сволочи“ они повесят за то, что переиспытывали. <...> Спасители, храбро расправляющиеся с бутылками в ресторанах и кабаках, в своем бахвальстве сделали страшнее бенгальских тигров и, не понимая даже гнусности своих проступков, пьяными ордами поют „Боже, Царя храни“». ⁴

В этом мутном море свою игру делали и союзники России. Весной 1918 г. на Дальнем Востоке стало вырисовываться преимущество Японии, которая кроме Г. М. Семенова была готова поддержать и Д. Л. Хорвата. Некоторую поддержку возникшим отрядам оказывали Франция и Англия.

Приехав в Харбин, А. В. Колчак стал знакомиться со сложившейся там обстановкой, а она оказалась более запутанной и сложной, чем представлялась из Пекина. Мало того, что в полосе отчуждения существовали разные вооруженные отряды, но они также еще и враждовали между собой. К тому же каждый отряд имел свою контрразведку, которая не столько ловила большевиков, сколько обвиняла в большевизме следовавших по железной дороге пассажиров, отбирала имущество, а затем изъятое продавала на рынке. Правда, тех, кто брал не по чину и не сдавал награбленное в общую казну, атаманы расстреливали. Ситуация осложнялась еще и тем, что в Харбине располагалась японская военная миссия, на содержании которой находился атаман Г. М. Семенов, являвшийся ее ставленником.

В Харбине А. В. Колчак попробовал опереться на отряд полковника Н. В. Орлова, подчинявшийся Д. Л. Хорвату, хотя разложение коснулось и этой части. Поскольку для дальнейшего формирования вооруженных сил требовалось оружие и обмундирование, а получить его можно было только у японцев, то адмирал имел несколько встреч с главой японской военной миссии генералом Накашимой. Однако к взаимопониманию стороны не пришли. Причем на одной из аудиенций плохо владевший собой Колчак обвинил японского военного в том, что он подрывает дисциплину во вверенных ему частях, после чего контакты между ними прекратились.

К обострению отношений с японцами привело также и разное понимание намерений борьбы. Цель А. В. Колчака состояла в непримиримой борьбе с большевизмом. Для того чтобы не зависеть от иностранцев, направлением военных действий он избрал Владивосток, где были сосредоточены значительные запасы различного военного имущества, которое союзники поставляли в Россию во время войны. В свою очередь японцев интересовала не борьба с большевизмом как таковым, хотя формально они провозглашали именно эту цель, а экономическое господство на русском Дальнем Востоке. Поэтому они рекомендовали наступать в направлении Забайкалья и, получив отказ, перестали поддерживать Колчака.

Не сложились отношения А. В. Колчака и с Г. М. Семеновым. Первая встреча между ними окончилась ничем, и атаман отказался подчиняться адмиралу. Попытка Колчака обуздать не в меру распоясавшихся семеновцев привела к тому, что атаман хотел арестовать адмирала. Однако дело ограничилось тем, что вагон Колчака, окруженный верными ему орловцами, и поезд Семенова простояли на станции Харбин с направленными друг на друга пулеметами, после чего Семенов уехал к себе в ставку.

Постепенно стали портиться отношения А. В. Колчака и с генералом Д. Л. Хорватом, который старался сглаживать возникавшие острые углы и начал склоняться к сотрудни-

честву с Японией. В связи с этим прямой, не признававший компромиссов и привыкший к старой военной дисциплине адмирал, да еще с расшатанной нервной системой, оказался обузой для генерала. Вскоре Хорват сместил Колчака и назначил на должность главнокомандующего генерала М. М. Плешкова. В свою очередь адмирал отказался покинуть пост и заявил, что если его попробуют тронуть, то он вызовет «верные ему войска» (орловский отряд).

Отдав приказ, Д. Л. Хорват уехал в Пекин, очевидно, для совещания с послом Н. А. Кудашевым, оставив разбираться с А. В. Колчаком М. М. Плешкова, а тот и пальцем не пошевелил. После возвращения из Пекина произошла бурная встреча Хорвата с Колчаком, после которой адмирал некоторое время оставался исполнять свою должность. Таким образом, ни Колчак не подчинился Хорвату, ни Хорват не отменил своего приказа. Чтобы отделаться от несговорчивого адмирала, ему предложили поехать в Японию, чтобы там с высшим военным руководством страны согласовать вопрос о помощи формированиям в полосе отчуждения.

Оценивая обстановку в Харбине, А. В. Колчак говорил: «В Харбине... я не встречал и двух людей, которые говорили бы хорошо друг о друге... Там была атмосфера такого глубокого распада, что построить что-либо было немыслимо. Это стало одной из причин, почему я скептически воспринял правительство Хорвата: оно состояло из людей, живших в этой сточной харбинской канаве».⁵ Не изменились оценки Колчака и в 1920 г. на допросе в Иркутске. «Мои харбинские впечатления говорили о крайней распущенности и глубоком моральном развале среди офицерства и политических деятелей Дальнего Востока, и эти впечатления — между прочим, заставляли меня отрицательно относиться к правительству Хорвата, окруженному такой атмосферой», — говорил адмирал.⁶ По поводу Хорвата он отзывался так: «...и по виду и по качеству — старая швабра».⁷

В некоторой степени негативные впечатления от происходившего в Харбине для А. В. Колчака сгладил приезд А. В. Тимиревой. В 1918 г. через своих знакомых ее муж,

контр-адмирал С. Н. Тимирев, получил командировку на Дальний Восток для ликвидации дел Морского ведомства. По сути, это было бегство под благовидным предлогом из Петрограда. В дороге Анна Васильевна узнала, что Колчак находится в Харбине, и поехала к нему. Через некоторое время она переехала во Владивосток, где оформила развод с мужем.

30 июня А. В. Колчак убыл в Японию. Там он встретился с начальником Генерального штаба Ихарой и его заместителем Танакой. Японские военные дали понять адмиралу, что его деятельность не встретит поддержки Японии, и предложили Колчаку остаться в стране и отдохнуть, а когда придет время, то его позовут. Адмиралу ничего не оставалось делать, как принять это предложение. Тем более что в начале июля к нему приехала Анна Васильевна, и они проводили время в курортном городе Никко, где Колчак восстанавливал расшатанную нервную систему.

Вместе с тем, А. В. Колчак следил за событиями, которые происходили на Дальнем Востоке и в Сибири. В это время чехи совместно с русскими подпольными офицерскими организациями свергли советскую власть во Владивостоке. Прибывшие в город правительства Дербера и Хорвата боролись друг с другом за первенство. В Омске образовалось Сибирское правительство П. В. Вологодского.

Решающее значение в свержении советской власти в Сибири и на Дальнем востоке сыграл чехословацкий корпус. Эта воинская часть была сформирована во время Первой мировой войны из пленных чехов и словаков. Предполагалось, что она будет использована в борьбе с немцами. Ввиду нехватки офицерского состава, вакантные командные должности занимались как русскими офицерами, так и выдвиженцами из личного состава корпуса. После подписания Брестского мира между Советской Россией и Германией Чехословацкий национальный совет принял решение передислоцировать корпус на Западный фронт во Францию. При этом французское правительство включило его в состав своих вооруженных сил. Советское правительство заключило

соглашение с корпусом об эвакуации его через Владивосток со сдачей большей части оружия. Однако этот пункт соглашения саботировался корпусом. В апреле 1918 г. под предлогом высадки японского десанта во Владивостоке советское правительство приостановило продвижение чехословацких войск, что вызвало недовольство среди легионеров, подогреваемое французскими эмиссарами союзников при корпусе. В атмосфере взаимной подозрительности и недоверия 14 мая в Челябинске чешскими солдатами был убит венгерский военнопленный, ранивший одного из легионеров. В ответ на это последовали грозные телеграммы наркома Л. Д. Троцкого о полном разоружении и расформировании чехословацких эшелонов и о запрещении продвижения на восток. Однако никаких реальных сил, для того чтобы разоружить 40000 хорошо организованных бойцов, растянувшихся в эшелонах на шесть с половиной тысяч верст, от Урала до Владивостока, у советского правительства не было. Приказ Троцкого, являвшийся актом устрашения, был воспринят как фактор объявления войны. Повсеместно начался разгон советов и разоружение красноармейских частей. В ночь с 25 на 26 мая чехословацкие войска захватили Новониколаевск, совместно с находившимися в подполье офицерскими отрядами. Таким образом, произошло свержение советской власти и возникновение различных антибольшевистских правительств от Волги до Владивостока.⁸

Возможно, что А. В. Колчак мог оставаться в Японии еще продолжительное время, но в связи с изменившейся обстановкой в Англии опять вспомнили о нем. В середине августа британский посол в Токио получил запрос из Лондона о Колчаке. В своем ответе он писал, что адмирал — «человек честный и знающий, но раздражительный. Если он намерен ссориться с японцами, то я не вижу, как его присутствие может улучшить ситуацию».⁹ Однако, судя по всему, в Англии сделали ставку на Колчака.

В конце августа в Токио произошла встреча А. В. Колчака с английским генералом А. Ноксом, определившая его дальнейшую судьбу. Генерал Нокс во время войны был военным

атташе Великобритании в России, хорошо знал русский язык, имел обширные связи в русском обществе, являлся противником большевиков и сторонником интервенции. В августе 1918 г., по заданию английского правительства, он прибыл во Владивосток в качестве главы британской военной миссии. Здесь он своими глазами увидел междоусобную борьбу правительств П. Дербера и Д. Л. Хорвата и интриги чехов и японцев. Вскоре он выехал в Японию. В Токио он встретился с Колчаком. Вряд ли поездка в Японию была случайной, как и встреча с адмиралом. Скорее всего, в правительственных кругах Англии решили, что для реализации планов в России он подходит как нельзя лучше. Об этом свидетельствовала и телеграмма генерала А. Нокса, отправленная в Лондон после встречи с адмиралом. В ней он писал: «Без сомнения, Колчак лучше всех русских подходит для нашей цели».¹⁰ Во время состоявшейся беседы Колчак высказался за установление военной диктатуры, которая будет опираться на армию, созданную при помощи английских военных инструкторов и снабженную английским оружием. Таким образом, собеседники нашли общий язык. 16 сентября на пароходе, на котором из Японии уезжали Нокс и французский консул Э. Реньо, Колчак направился во Владивосток, куда и прибыл 19 сентября.

Однако долго во Владивостоке Колчак оставаться не собирался. Большинство историков, опираясь на протоколы допросов Колчака в Иркутске, вслед за показаниями адмирала говорят, что вначале у него была мысль пробираться на Юг к генералу М. В. Алексееву. Правда, не совсем понятно, как бы это ему удалось сделать в тех условиях. Более правдоподобно выглядит версия, которую озвучила на допросе в Иркутске его близкий друг А. В. Тимирева: «...в половине сентября он [Колчак] выехал во Владивосток с целью принять участие в борьбе с большевиками на стороне образовавшегося Сибирского правительства».¹¹ Таким образом, у Колчака созрела мысль сделать ставку на Сибирское правительство как самое дееспособное и в меньшей степени зависевшее от Японии.

Во Владивостоке А. В. Колчак заявил о снятии с себя полномочий члена правления КВЖД. В это время в городе находился премьер-министр Сибирского правительства П. В. Вологодский, приехавший во Владивосток, чтобы подчинить себе образовавшиеся здесь правительства Дербера и Хорвата, что ему в конечном итоге и удалось. В один из дней Колчак представлялся Вологодскому, и вот какое впечатление на премьер-министра произвел адмирал: «Он очень сочувственно относится к деятельности Сиб[ирского] прав[ительст]ва, рекомендовал мне несколько своих сослуживцев, находящихся теперь на Дальнем Востоке, для определения на службу... Колчак произвел на меня очень приятное впечатление. Испитой и суровый на вид, он, должно быть, в душе очень добрый человек. Удивительно приятна его улыбка».¹²

Во Владивостоке Вологодский имел встречу с чешским генералом Р. Гайдой, который заявил о своих претензиях на командование Сибирской армией, и его пожелание было удовлетворено, поскольку премьер рассчитывал на войска Гайды в случае вооруженного столкновения с Хорватом.¹³

После отъезда Вологодского во Владивостоке произошла и встреча Р. Гайды с А. В. Колчаком. На ней обсуждался вопрос о власти в Сибири и собеседники согласились, что такой властью должна стать военная диктатура. Гайда пытался выяснить мнение Колчака относительно своего назначения командующим русскими и чешским и войсками в Сибири. Ответ адмирала оказался уклончивым. Он считал, что все зависит от того, чьи части в данный момент имеют преобладающее значение.¹⁴ Однако во время этой встречи Гайда предложил Колчаку работать с ним на Екатеринбургском фронте, и адмирал согласился.¹⁵ Вскоре Гайда выехал в Екатеринбург, а по дороге, на станции Маньчжурия, 28 сентября встретился с членом ЦК кадетской партии В. Н. Пепеляевым. Последний был командирован Национальным центром (одна из крупнейших антибольшевистских организаций) на восток с целью работы в пользу установления военной диктатуры и переговоров с Колчаком. В ходе беседы Пепеляев

и Гайда сошлись во мнении на кандидатуре адмирала в качестве диктатора. В это время планировалась также встреча Пепеляева с Колчаком, но они разъехались в пути. Пепеляев продолжил путь во Владивосток, где произошли его переговоры с Д. Л. Хорватом и местными кадетскими деятелями. Собеседники Пепеляева характеризовали Колчака как «человека с совершенно издерганными нервами».¹⁶ Совершив турне по Дальнему Востоку, Пепеляев окончательно утвердился в мысли о необходимости военной диктатуры в данных условиях. Члены кадетской партии повсеместно требовали взять курс на диктатуру и для этого созвать съезд в Омске.¹⁷

ГЛАВА 8

ДОРОГА К ДИКТАТУРЕ

Наконец 13 октября Колчак прибыл в Омск. Там он надеялся увидеть больший порядок, чем тот, который существовал в Харбине. По словам британского наблюдателя, «Омск — менее нормальное место, чем любое другое в Сибири... Это происходит благодаря эмигрантам из высших слоев, прибывшим из европейской России, и преобладанию военной атмосферы... Эти люди едва научились чему-то и живут так, как они жили до революции. Они действительно живут в оазисе, ничего не имеющем общего с Сибирью; он состоит из „Сада Аквариум“ (известное ночное злачное место) и других увеселительных заведений, где они тратят огромные суммы, пришедшие неизвестно откуда, на предметы роскоши или всякие глупости... Больше всех этим занимаются военные, особенно молодые...»¹ К мнению иностранного наблюдателя примыкают и впечатления от увиденного Н. В. Устрялова, директора Пресс-бюро Отдела печати правительства адмирала А. В. Колчака. В дневнике от 9 февраля 1919 г. есть такая запись: «Сам по себе Омск занятен, особенно по населению. Сплошь типично сплошные столичные физиономии, столичное оживление. На каждом шагу — или бывшие люди царских времен, или падучие знаменитости революционной эпохи. И грустно становится, когда смотришь на них, заброшенных злою судьбой в это сибирское захолустье: нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший,

старый мир, и не ему торжествовать победу. Грустно. Это не авангард обновленной государственности, это арьергард уходящего в вечность прошлого. Нужно побывать в обеденные часы в зале ресторана „Россия“, чтобы почувствовать это живо и осязательно... Понимаешь, сознаешь, ощущаешь все это — и все же не оторвешься от круга уходящей жизни, ибо в ней — корни и души и тела...».²

Политический ландшафт Сибири осени 1918 г. характеризовался разнообразием антибольшевистских сил, враждовавших между собой. Постепенно слабели левые. Сходил со сцены Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), пришедший на смену советской власти в Самаре при помощи чехословаков 8 июня 1918 г., а также Западносибирский комиссариат и Сибирская областная дума. Одновременно усиливался правый фланг, во главе которого стояло Сибирское временное правительство и связанные с ним местные власти и политические организации.

9 октября в Омск переехала Директория. Ее образовали на Государственном совещании в Уфе 23 сентября 1918 г. в качестве Временного Всероссийского правительства. Реально она состояла из Н. Д. Авксентьева (председатель, эсер), В. Г. Болдырева (командующий Народной армией), В. А. Виноградова (кадет), П. В. Вологодского и В. М. Зензинова (эсер). С образованием Директории должны были прекратить существование все местные правительства. Ввиду приближения фронта к Уфе, Директория переехала в Омск. Однако там уже существовало Сибирское правительство П. В. Вологодского, более правое по своему составу. В связи с этим начались трудные переговоры по созданию Всероссийского правительства. Следует отметить, что определенное влияние на формирование правительства оказывали и представители иностранных держав. К тому же в это время в Омске получила достаточно широкое хождение в военных и политических кругах идея единоличной военной власти.

Первым из членов Директории А. В. Колчака пригласил к себе Верховный главнокомандующий армией генерал В. Г. Болдырев и заявил о желании использовать его на воен-

ной работе в Омске. О более конкретных деталях он обещал сообщить через несколько дней. Помимо Болдырева адмирал посетил и других членов Директории.

В эти дни А. В. Колчак встречался с прибывшими с Юга офицерами, а также с армейскими и казачьими офицерами омского гарнизона. Во время имевших место бесед речь заходила о слабости Директории и необходимости установления твердой власти. Общее недовольство Директорией и необходимость ее замены висела в воздухе. Таким образом, идеей переворота была пропитана вся атмосфера в городе.

В Омске в октябре был создан «Блок 14» или, как его еще называли, блок общественных организаций для консолидации контрреволюционных сил. В него вошли правые эсеры, народные социалисты, кадеты, социал-демократическая группа «Единство», кооператоры, торгово-промышленники и др. Председателем блока стал кооператор А. А. Балашин. В своей деятельности он опирался на казаков и военных.

16 октября Болдырев снова пригласил адмирала к себе и предложил ему занять пост военного и морского министра, на что А. В. Колчак с некоторыми оговорками согласился. В их разговоре обращают на себя внимание вопросы, которые задавал адмирал Верховному главнокомандующему. Колчака прежде всего интересовало, какие войска будут ему подчинены или на него будут возложены только функции по снабжению армии. Без ответа на эти вопросы давать согласие он не стал. В свою очередь, Болдырев сослался на то, что вопрос, связанный с разграничением полномочий, еще не решен. Наученный горьким опытом пребывания на Дальнем Востоке, Колчак осознавал, что в условиях Гражданской войны, чтобы решать какие-либо вопросы, прежде всего следовало заручиться поддержкой со стороны определенной вооруженной силы. Судя по дневнику премьер-министра П. В. Вологодского, у этого назначения имелись и противники, считавшие адмирала натурой неуравновешенной и предлагавшие на эту должность генерала П. П. Иванова-Ринова.³ Однако, несмотря на имевшиеся возражения, назначение со-

стоялось, и адмирал стал бывать на заседаниях правительства, хотя вопрос с полномочиями так и не разрешился.

20 октября в Омск прибыл генерал А. Нокс, а 26 октября — английский отряд под командованием полковника Д. Уорда для оказания моральной поддержки правительству. Следует отметить, что и тот и другой являлись сторонниками военной диктатуры и вряд ли их приезд можно считать случайностью.⁴ К тому же к миссии генерала Нокса начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал С. Н. Розанов прикомандировал штаб-офицера для поручений штабс-капитана И. С. Ильина, сторонника сильной власти, имевшего хорошие связи в среде кадетской партии. 21 октября этот же офицер получил приказание отправиться в распоряжение А. В. Колчака, одновременно оставаясь при миссии Нокса. Таким образом, он осуществлял связь между Ноксом, Колчаком и Розановым. Правда, Нокс вскоре уехал во Владивосток, оставив вместо себя полковника Дж. Ф. Никольсона и капитана Л. Стевени, хорошо говорившего на русском языке. Вместе с тем функции Ильина как связующего звена с англичанами, а затем и французами остались.

Судя по всему, находясь в Омске, А. В. Колчак начал создавать основы для морского министерства. При нем на первых порах было создано отделение, которое занималось передачей распоряжений адмирала и ведало его перепиской. Находясь в Омске, Колчак поддерживал связь с Владивостоком, интересуясь тем, когда в город приедет генерал Жанен и как там устроена высшая местная власть. Колчак рекомендовал находящемуся во Владивостоке своему сослуживцу и будущему морскому министру М. И. Смирнову не выезжать в Омск, а дожидаться приезда генералов А. Нокса и Н. А. Степанова.⁵ Все это говорит о том, что Омск не являлся временной остановкой для поездки на Юг. Именно здесь Колчак собирался организовать центр по борьбе с большевизмом.

Организация правительства происходила в сложных переговорах по поводу ряда кандидатур, а также по вопросу созыва Сибирской областной думы, на котором настаивали эсеровские члены Директории и поддерживавшие их чехи.

В результате сложных переговоров правительство было организовано. В него вошел практически весь состав Сибирского правительства. Из 14 человек Всероссийского правительства 9 являлись членами Сибирского правительства.

Однако создание правительства не снизило накала борьбы и интриг. Масла в огонь добавил Манифест ЦК партии эсеров, составленный В. М. Черновым. Членам партии предлагалось сплотиться вокруг разогнанного Учредительного собрания, чтобы бороться с большевиками и контрреволюцией. Такая позиция вызвала резкую реакцию в правых кругах и особенно у офицерства. Следует отметить, что выступление Чернова вызвало отрицательную реакцию у его товарищей по партии Н. Д. Авксентьева и В. М. Зензинова, членов Директории.

1 ноября в Омск возвратился В. Н. Пепеляев. Его приезд, судя по всему, придал новый импульс деятельности по свержению Директории. Начались различные встречи и совещания ее противников. Состоялись беседы Пепеляева с А. В. Колчаком и председателем Сибирского правительства П. В. Вологодским. Собеседники Пепеляева заняли осторожную позицию. Вместе с тем, они дали понять, что если Директория будет следовать указаниям ЦК партии эсеров, то их пути разойдутся.⁶ Другая группа заговорщиков формировалась вокруг министра финансов И. А. Михайлова. В нее входили начальник Николаевской военной академии генерал А. И. Андогский, подполковник А. Д. Сыромятников — генерал-квартирмейстер штаба Ставки, полковник Слижилов, штабс-капитан А. А. Буров, М. А. Гришина-Алмазова (жена генерала А. Н. Гришина-Алмазова). Следует отметить, что заговорщики имели контакты с английскими и французскими представителями в Омске и ставили их в известность о развитии ситуации. В свою очередь, против свержения Директории союзники не возражали.⁷

Особую активность в установлении диктатуры проявляла партия кадетов, являвшаяся связующим звеном во всех заговорщицких махинациях. 9 ноября был избран президиум Восточного отдела ЦК кадетской партии. Председателем

стал В. Н. Пепеляев, а его заместителями В. А. Жардецкий и самарский кадет А. К. Клафтон. На 15 ноября было назначено открытие 2-й сибирской конференции кадетской партии.⁸ Дело с установлением военной диктатуры зашло уже так далеко, что как записал в дневнике под 28 октября 1918 г. И. С. Ильин: «...вопрос о диктатуре назрел, как назрел болезненный волдырь, который вот-вот лопнет. Жардецкий, не стесняясь, говорит об этом, говорят и другие из кадетского комитета».⁹

Ситуация, которая сложилась в Омске, не могла обойти стороной и А. В. Колчака. 8 ноября он вместе с английским батальоном полковника Дж. Уорда, который отправлялся в Екатеринбург для вручения знамен 2-й чехословацкой дивизии, выехал на фронт. Каковы были причины этой поездки? Действительно ли Колчак хотел своими глазами увидеть обстановку на фронте или он рассчитывал заручиться поддержкой фронтового командования на случай устранения Директории? На допросе в Иркутске Колчак говорил, что, посещая фронт, он преследовал две задачи: первая сводилась к выяснению потребностей войск, а вторая состояла в выяснении настроений высшего командного состава. Эти беседы, по словам Колчака, показали, что начальники частей, с которыми он встречался, высказывались против Директории и за введение военной диктатуры. В Екатеринбурге Колчак дважды встречался с генералом Р. Гайдой и, судя по всему, договорился о его нейтралитете при устранении Директории. Однако поддержка являлась небезвозмездной. В это время возник конфликт между Гайдой и командующим Сибирской армией генералом П. П. Ивановым-Риновым и его начальником штаба генералом П. А. Беловым. В этой ситуации Колчак выступил на стороне чешского военачальника и направил телеграмму Болдыреву с рекомендацией устранить от командования Иванова-Ринова и Белова. В Екатеринбурге Колчак встречался и с деятелями чешского Национального совета, готовя их к принятию диктатуры.¹⁰

По приезде А. В. Колчака в Екатеринбург был устроен банкет, на котором выступил полковник Дж. Уорд. В числе

прочего он сказал, что Россию может спасти только военная диктатура, а будущим спасителем страны он назвал адмирала Колчака и провозгласил в честь него здравицу.¹¹ Таким образом, собравшимся на банкете продемонстрировали, на кого сделала ставку Англия. Поездка Колчака на фронт являлась попыткой прежде всего заручиться поддержкой строевых командиров.

Из Екатеринбурга А. В. Колчак вместе с английским батальоном выехал в Челябинск, чтобы встретиться с командующим Западной армией чешским генералом Я. Сыровым (Сыровы) и его начальником штаба генералом М. К. Дитерихсом. Однако чешский генерал уехал из Челябинска на фронт и уклонился от встречи, очевидно, зная истинные намерения Колчака и не желая ввязываться в свержение Директории, которую он поддерживал, позиционируя себя в качестве приверженца демократии. После переговоров с Дитерихсом Колчак принял решение возвращаться в Омск, хотя по плану он еще собирался посетить Уфимский фронт. По-видимому, обсуждение вопроса о диктатуре здесь не нашло явной поддержки. Вполне вероятно, что Колчак получил из Омска известие об отъезде генерала Болдырева на фронт, в таком случае на короткое время Директория оставалась без Верховного главнокомандующего, что значительно облегчало ее устранение.

По дороге в Омск в Петропавловске 16 ноября произошла встреча с Верховным главнокомандующим Болдыревым, который направлялся в Челябинск, чтобы уладить отношения с чехами. Об этой встрече собеседники оставили весьма краткие свидетельства, хотя она продолжалась пять часов. Колчак доложил о своем посещении фронта, а Болдырев рассказал о напряженном положении в Омске, особенно в казачьих кругах, и о ходивших слухах о предстоящем перевороте, которым он не придавал особенного значения. Продолжился также разговор о полномочиях Колчака как военного министра и подчинении ему ряда частей. Эти вопросы Болдырев собирался решить после своего возвращения. Вполне вероятно, что информация о «диктаторских речах» Колча-

ка дошла и до Болдырева и поэтому в окружении адмирала ожидали недружественных шагов со стороны Верховного главнокомандующего. Сопровождавший Колчака полковник Дж. Уорд даже приказал своим солдатам зарядить ружья. Однако все закончилось благополучно.

17 ноября в 5:30 А. В. Колчак прибыл в Омск, где все было готово к перевороту. Утром адмирала посетил прикомандированный к нему от Ставки штабс-капитан И. С. Ильин, затем отправившийся в Ставку к Сыромятникову, и передал ему разговор с министром. Однако из записей Ильина нельзя понять, о чем он говорил с Колчаком и что передал Сыромятникову. Однако в следующей записи Ильина говорится, что в беседе с кадетами он «рассказал им о настроении иностранцев, о том, что „думают“ англичане, и о готовности Ставки к перевороту».¹² Можно предположить, что и с Колчаком они обсуждали примерно те же вопросы.

Во время отсутствия Колчака в Омске работа по устранению Директории шла полным ходом. Его главными организаторами стали В. Н. Пепеляев, министр финансов И. А. Михайлов и генерал-квартирмейстер Ставки полковник А. Д. Сыромятников. Контакты с кадетскими организациями поддерживал Пепеляев. Михайлов имел прочные связи в финансовых кругах, в сибирской кооперации, а также среди торговцев и промышленников. Сыромятников координировал действия военных, поддерживая отношения с офицерами Академии Генерального штаба во главе с генералом А. И. Андогским. Военные наметили и главных исполнителей переворота. Арест эсеровских членов Директории поручили казачьим офицерам во главе с командующим Сибирской казачьей дивизией и комендантом Омска полковником В. И. Волковым. В его доме с 4 по 18 ноября проживал А. В. Колчак. Однако полковник во время переговоров с В. Н. Пепеляевым поставил ряд условий. Он потребовал заверений в поддержке переворота общественными группами, личного участия Пепеляева, гарантий невмешательства со стороны союзников и производства самого Волкова в генералы.¹³ И такие заверения он получил.

15 ноября в Омске открылась 2-я сибирская конференция кадетской партии, на которой с докладом выступил председатель ее Восточного отдела В. Н. Пепеляев, в котором он открыто критиковал Директорию и в заключение сказал, что воскрешение России произойдет через военную диктатуру. Таким образом, крупнейшая политическая антисоветская сила, которой являлись кадеты, выступала за введение диктатуры. Вечером 17 ноября состоялось заключительное заседание, на котором была принята резолюция о необходимости установления военной диктатуры. По предложению заместителя председателя Восточного отдела партии В. А. Жардецкого все участники конференции стоя аплодисментами приветствовали находившегося в Омске адмирала Колчака.¹⁴ Таким образом, вопрос об установлении диктатуры решился и на политическом уровне.

А что же в сложившейся ситуации предприняли члены Директории? В дневнике П. В. Вологодского за 15 ноября имеется такая запись: «В конце заседания, в присутствии только членов Директории тов[ариш] мин[истра] вн[утренних] дел Е. Ф. Роговский сообщил, что, по имеющимся у него агентур[ным] сведениям, в Омске готовится правыми кругами свержение правительства и Директории... Предложено Роговскому усилить разведки по этому предмету и принять некоторые предосторожности, но в общем отнеслись довольно спокойно к сообщенному Р[оговск]им [напрасно]». ¹⁵ Тяжелые предчувствия имелись и у главы Директории Н. Д. Авксентьева, в письме членам партии эсеров в Екатеринбург он писал: «Каждое утро мы сидим и ждем, что придут нас арестовывать». ¹⁶ Другому члену Директории В. М. Зензину при возникновении шума или стука казалось, что его уже идут «арестовывать». ¹⁷ До этого речь шла о достаточно легкомысленном отношении к разговорам о возможном перевороте со стороны Верховного главнокомандующего Болдырева. Выходит, что все всё знали и ничего не предпринимали. На мой взгляд, это только свидетельствовало о непригодности Директории к той роли, которая ей выпала. Это были люди слов, но не дела. Отказавшись от сопро-

тивления, эсеры подписали себе политический смертный приговор.

В день приезда Колчака в Омск 17 ноября его посетили офицеры из Ставки и представители казаков. Все они говорили о необходимости создания единой власти, во главе которой должен встать Колчак. Однако адмирал, как он показывал на допросе в Иркутске, отклонил это предложение, поскольку он находился на службе этого правительства.¹⁸

Наконец развязка наступила. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. отряд пехотинцев и всадников войскового старшины И. Н. Красильникова окружил дом, где жил товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом полиции эсер Е. Ф. Роговский. В это время у него находились члены Директории — Н. Д. Авксентьев и В. М. Зензинов, а также члены ЦК партии эсеров М. Я. Гендельман, Д. Ф. Раков. Вместе с ними были и недавно приехавшие из Архангельска члены верховного управления Северной области М. А. Лихач, С. С. Маслов и Я. Т. Дедусенко, пережившие недавно офицерский переворот капитана Г. Е. Чаплина, свергнувший правительство Н. В. Чайковского. В комнату, где находились собравшиеся, ворвалась группа офицеров и, арестовав собравшихся, отправила их в штаб отряда Красильников. Вскоре в гостинице «Россия» арестовали и заместителя Зензинова по Директории эсера А. А. Аргунова. В штабе Красильникова им предложили на выбор либо тюремное заключение, либо высылку за границу. Арестованные выбрали последнее, после чего под охраной их отправили в квартиру Авксентьева, а откуда 20 ноября они на поезде выехали в Китай под охраной команды английских солдат из батальона полковника Уорда, а затем во Францию. На дорогу каждый получил по 50 тыс. руб., а Аргунов как семейный — 75 тыс. Организаторы свержения Директории настолько четко продумали свои действия, что все попытки выступить на защиту ее удалось нейтрализовать без кровопролития.¹⁹

ГЛАВА 9

18 НОЯБРЯ 1918 ГОДА

В 3:30 утра 18 ноября 1918 г. премьер-министру П. В. Вологодскому сообщили об аресте эсеровских членов Директории. На 8:00 он назначил экстренное заседание Совета министров. Во главу угла встала проблема о дальнейшем функционировании верховной власти в связи с происшедшими событиями. В результате арестов налицо оставалось только два члена Директории — Вологодский и В. А. Виноградов, в то время как генерал В. Г. Болдырев находился на фронте. Собравшиеся признали, что в таком виде деятельность Директории и Временного Всероссийского правительства невозможна. При этом присутствовавшие констатировали, что Временное Всероссийское правительство со дня своего основания не проявило единства действий и не пользовалось авторитетом в глазах населения и армии. Его восстановление могло вызвать партийную борьбу, протесты в армии и негативно сказаться на борьбе за восстановление русской государственности. В связи с этим собравшиеся приняли постановление, в котором говорилось о прекращении деятельности Временного Всероссийского правительства и переходе всей государственной власти к Совету министров.

После этого сразу же встал вопрос о формах новой власти. Принимая во внимание сложившееся в стране положение, министры единодушно высказались за то, что военная и гражданская власть должна быть сосредоточена в одних

руках — у человека, пользующегося доверием в военных и общественных кругах. В связи с этим Совет министров постановил передать временно осуществление власти одному лицу, присвоив ему наименование Верховного правителя. Здесь же утвердили «Положение о временном устройстве государственной власти в России». В нем указывалось, что осуществление верховной государственной власти в стране временно принадлежит Верховному правителю, которому подчиняются вооруженные силы, а также «власть управления во всем ее объеме». Верховный правитель мог прибегать к введению чрезвычайных мер для комплектования и снабжения войск всем необходимым «и для водворения гражданского порядка и законности», проекты законов и указов после прохождения их в Совете министров поступали на подпись к Верховному правителю. В случае невозможности исполнения своих обязанностей Верховным правителем функции по осуществлению государственной власти переходили к Совету министров. Следует обратить внимание на то, что вряд ли такой важности документ мог приниматься в спешке. Скорее всего, его проект был подготовлен заранее и затем вынесен на обсуждение.

После принятия Положения два члена Всероссийского правительства — П. В. Вологодский и В. А. Виноградов — подали в отставку и сложили с себя полномочия: первый — председателя Совета министров, а второй — товарища председателя, поскольку на эти должности их назначило Временное Всероссийское правительство, прекратившее свое существование. Однако после уговоров Вологодский согласился остаться как в Совете министров, так и в должности председателя.

После этого встал вопрос о кандидатуре Верховного правителя. Назывались имена А. В. Колчака, генералов В. Г. Болдырева и Д. Л. Хорвата. Для решения вопроса решили провести закрытое голосование. В результате из 14 поданных записок в 13 значилось имя Колчака и в одной Болдырева.¹ На основании этой баллотировки Верховным правителем провозгласили вице-адмирала Колчака. Сразу же за тем

председатель Совета министров П. В. Вологодский внес представление о производстве военного и морского министра вице-адмирала Колчака в адмиралы, которое незамедлительно утвердили. Этим производством в адмиралы Совет министров и его председатель, на мой взгляд, хотели заявить, что Колчак по званию и должности находится на более высокой ступени, чем генерал-лейтенант А. И. Деникин, командовавший Вооруженными силами Юга России, да и само Сибирское правительство меняло теперь областной статус на всероссийский. Таким образом, местное областное правительство, состоящее из мелких провинциальных деятелей, волевым путем провозгласило себя Всероссийским, а Колчака — Всероссийским правителем.

После выборов и получения нового звания выступил Верховный правитель. Адмирал заявил, «что он в политике своей не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции, а главной задачей своей государственной работы, в тесном единении с Советом министров, поставит организацию и снабжение армии, поддержание в стране порядка и законности и охрану демократического строя».² Однако, судя по всему, Колчак еще не представлял, какой крест он на себя взвалил. Очевидно, что излишняя самонадеянность подвела Колчака.

В одном из писем к жене он писал: «Я солдат прежде всего, я больше командую, чем управляю, я привык по существу приказывать и исполнять приказания».³ Теперь же психологию солдата следовало менять на психологию администратора и политика, а это оказалось адмиралу не под силу. К тому же он плохо понимал, что в это время собою представляла Сибирь в политическом, экономическом, национальном и социальном плане и зачастую переносил условия, существовавшие в центральной России, за Урал.

После свержения советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке на этих территориях стала зарождаться «атаманщина», и справиться с этим явлениям адмиралу оказалось не под силу. Наблюдавший за деятельностью Колчака в Харбине генерал А. П. Будберг 19 ноября 1918 г. записал

в дневнике: «Обыкновенный тип адмирала, очень взбалмошный и не привыкший сдерживаться, узкий моряк, наполненный морскими традициями и предрассудками, абсолютно незнакомый с военным делом и с администрацией; положительные качества — искренность, идейность борьбы за Россию, кристальная честность, ненависть к беззаконию — все это очень мало для возглавления верховной власти в такое время».⁴

Появление А. В. Колчака в Омске, при поддержке англичан, и последующее его восхождение на политический олимп в качестве Верховного правителя произошло вполне осознанно со стороны адмирала. Принимая на себя высшую Российскую административную и военную власть, адмирал явно не учел как собственные возможности, так внутреннюю и международную ситуацию. Сибирь являлась окраиной империи со своей спецификой. Для ее населения Колчак являлся чело- веком пришлым, не имевшем корней в местном цензовом обществе, не говоря уже о крестьянах и рабочих. Для военных он был моряком, не разбиравшимся в сухопутном деле. Таким образом, Колчак вошел в местную военную и политическую элиту в качестве инородного тела. Выдвигая его в Верховные правители, местные политические деятели надеялись на получение военной помощи от англичан, поставить под свое влияние Колчака, повысить свою значимость до всероссийского уровня.

В представлениях Колчака армия должна была стать опорой диктатуры. Однако эта мысль для того времени являлась иллюзорной, так как не учитывала тех необратимых изменений, которые произошли как в рядовом, так и в офицерском составе армии за годы революции и начавшейся Гражданской войны. Среди офицерского состава господствовало чувство мести к мужику, которого следовало пороть за революцию, поскольку она отняла блага прежней жизни. О строительстве какой-то новой жизни никто не думал.

После заседания правительства А. В. Колчак отправился в Ставку. Там уже находились британские представители — капитан Л. Стевени и полковник Дж. Нильсон, которых

о перевороте уже успели оповестить французские коллеги. Верховный правитель предложил собравшимся поднять бокал вина за дружбу и победу. Колчак был одет в английский мундир с русскими адмиральскими погонами. Здесь стоит обратить внимание на адмиральские погоны Верховного правителя, а это говорит о том, что возведение Колчака в Верховные правители и присвоение ему звания адмирала обговаривалось заранее. В этот же день он посетил представителей союзников в Омске.

Не вызывает особых сомнений, что представители союзников содействовали перевороту. При этом более выпуклой была помощь англичан. Это выражалось как в поддержке идеи военной диктатуры, так и по существу охранной функции, которую выполнял батальон полковника Дж. Уорда, а также информирование Ставкой английских и французских военных о подготовке переворота и заверений в их нейтральной позиции. Да и сам А. В. Колчак особенно не скрывал втянутость союзников в переворот. Так, он говорил: «Со стороны французов и англичан, со стороны их представителей лично я встретил самое благожелательное отношение. Предоставлено в случае надобности распорядиться английскими войсками, находящимися в Омске, для поддержания порядка».⁵ В обращении к солдатам и офицерам от 21 ноября, через три дня после переворота, он говорил: «Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи».⁶

Вместе с тем, день 18 ноября состоял не только из приятных известий. Из Уфы, где находился Совет управляющих ведомствами (Комуч), в адрес П. В. Вологодского и А. В. Колчака пришла телеграмма. В ней содержалось предупреждение — объявить их врагами народа, если не будут восстановлены права Директории.⁷ В тот же день вечером Вологодский получил телеграмму от атамана Г. М. Семенова, в которой он отказывался признать Колчака Верховным правителем и предложил на эту должность А. И. Деникина, А. И. Дутова или Д. Л. Хорвата. За этой телеграммой последовала следующая, в которой атаман заявил, что в случае

невыполнения его требования он объявит Дальний Восток самостоятельной государственной единицей. К ультиматуму Семенова поначалу Колчак отнесся спокойно, считая, что у него слишком мало сил и с ним можно будет справиться.⁸ Однако атаман вскоре перешел к действиям. Семенов нарушил телеграфное сообщение между Дальним Востоком и Омском и стал задерживать поезда, идущие по Забайкальской железной дороге. 30 ноября Семенов был объявлен изменником и отрешен от должности командира корпуса. 1 декабря появился приказ о направлении в Забайкалье отряда под командованием генерала В. И. Волкова для приведения атамана к повиновению. Однако за Семенова вступились японцы и остановили части Волкова. В конце концов, конфликт удалось замять. Семенов признал Колчака в обмен на отмену обвинений в измене.⁹

В 18 ноября к министру юстиции С. С. Старынкевичу, а затем и к А. В. Колчаку с повинной явились главные переворотчики: командующий Сибирской казачьей дивизией полковник В. И. Волков, командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковой старшина А. В. Катанаев и командир партизанского отряда войсковой старшина И. Н. Красильников. Для рассмотрения дела заговорщиков создали Особый чрезвычайный суд, который состоялся 21 ноября и оправдал всех трех. Как записал в своем дневнике П. В. Вологодский: «И получилось впечатление хорошо разыгранной комедии».¹⁰ 19 ноября, за два дня до суда, секретным приказом по военному министерству за «выдающиеся боевые отличия» звание генерал-майора присваивалось Волкову, полковниками стали Катанаев и Красильников.¹¹ Не остался обойденным и такой активный участник переворота, как полковник Д. А. Лебедев, произведенный 23 ноября в генерал-майоры и назначенный начальником штаба Верховного главнокомандующего вместо генерала С. Н. Розанова, а фактически Главнокомандующим, поскольку в сухопутном военном деле Колчак разбирался слабо.¹² Впоследствии это назначение привело белое движение в Сибири, наряду с другими факторами, к военной катастрофе.¹³

Вместе с тем перевороту в Омске следовало придать демократическую оболочку, которую требовали союзники. В связи с этим в ночь на 19 ноября Колчак пригласил к себе В. Н. Пепеляева, полковника Д. А. Лебедева и генерала Н. С. Андогского. Вместе они написали «Обращение к населению» в нем говорилось: «18 ноября 1918 г. Всероссийское Временное правительство распалось, Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу русского флота Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственной жизни, объявляю: я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению к борьбе с большевизмом, труду и жертвам».¹⁴ Публикация Обращения вызвала одобрение среди союзников.

Интересно, что в обращении ни слова не говорилось об Учредительном собрании 1917 г. Это и понятно, поскольку Колчак к нему относился отрицательно. 28 ноября 1918 г. в беседе с представителями печати Верховный правитель заявил: «Я избегаю называть Национальное Собрание Учредительным Собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного Собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. Вместо Учредительного Собрания собралось партийное, которое запело „Интернационал“ и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо».¹⁵ Эту же мысль он повторил и на допросе в Иркутске в январе 1920 г.: «Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного Собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс».¹⁶

21 ноября появилась декларация Российского правительства, в которой заявлялось, что правительство, возглавляемое Верховным правителем, считает «себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 года законных правительств России».¹⁷ Если исходить из этого заявления, то омское правительство вело свою родословную не только от Временных правительств, возникших в 1917 г., но и от царского. Таким образом, это заявление удовлетворяло как либеральную общественность, так и монархистов. Вместе с тем новая конструкция власти, состоящая из Верховного правителя и Совета министров, от которого формально А. В. Колчак и получил власть, в начале января 1919 г. была дополнена Советом верховного правителя «звездной палатой», который собирался три раза в неделю. В него входили премьер-министр П. В. Вологодский, министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер, управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин, министр финансов И. А. Михайлов, управляющий делами Г. Г. Тельберг, начальник штаба Ставки Верховного правителя генерал Д. А. Лебедев, а также приглашались отдельные лица по усмотрению Верховного правителя.

Несмотря на достаточно быстрое и бескровное проведение переворота в Омске, не вполне ясным было отношение к произошедшему на фронте. Тем более что в Уфе еще находился Верховный главнокомандующий армией Директории и ее член генерал В. Г. Болдырев, располагавший вооруженными силами, к тому же рассчитывавший на помощь чехословацких воинских частей. Вечером 19 ноября между А. В. Колчаком и Болдыревым состоялся разговор по телефону. Кто был его инициатором, источники расходятся во мнении. Одни называют Колчака другие — Болдырева. Так или иначе, но разговор проходил на повышенных тонах. Болдырев потребовал восстановления Директории, освобождения арестованных и сложения Колчаком принятых полномочий. При этом Болдырев заявил, что войска не будут слушаться распоряжений Колчака. В свою очередь Верховный правитель отказался возвратиться к положению, существо-

вавшему до переворота.¹⁸ Заключая разговор, Колчак сказал: «Генерал, я не мальчик, в ваших поучениях не нуждаюсь. Я взвесил всё и знаю, что делаю. Благоволите же немедленно выехать из Уфы. Это мой категорический приказ Вам».¹⁹

Вместе с тем Колчак принял и меры предосторожности. Сразу после разговора с Болдыревым, в 22:00, он направил в войска телеграмму, требовавшую от начальников всех русских частей исполнять приказы только за его подписью. Невыполнение этого приказа рассматривалось как акт неповиновения.²⁰ Также 21 и 23 ноября выходят два приказа А. В. Колчака, которые требовали от офицеров и солдат сплочения вокруг Верховного правителя, как первого офицера и солдата.²¹

А что же в это время предпринимал В. Г. Болдырев? Совет управляющих ведомствами обратился к генералу с предложением, чтобы он как Верховный главнокомандующий осуществлял командование над подчинявшимися ему войсками, но от прямого ответа он уклонился.²² Болдырев прекрасно понимал, что теми частями, которыми располагал Совет управляющих, сделать с Омском ничего нельзя. Оставалось ждать, что скажут чехи. На первых порах чехословацкий Национальный совет не признал переворот адмирала Колчака и собирался поддержать Директорию. По свидетельству генерала Болдырева, был даже заготовлен приказ, согласно которому омский переворот чешское командование хотело ликвидировать силой. Однако давление, оказанное со стороны английских и французских представителей на руководство Национального совета, сыграло свою роль, и чехи отказались от поддержки Директории.²³ В этой ситуации Болдырев не стал ввязываться в борьбу. 21 ноября он прибыл в Омск, где при личной встрече с А. В. Колчаком отказался от совместной деятельности и, получив денежное содержание, уехал в Японию.²⁴

НА ВЕРШИНЕ ПИРАМИДЫ

Став Верховным правителем, Колчак столкнулся с решением вопросов вооружения и обмундирования войск на фронте. Насколько оно было катастрофическим, свидетельствует его приказ от 23 ноября о сдаче населением оружия и снаряжения для снабжения армии. В трехдневный срок жителям предлагалось сдать местным властям оружие и патроны. За невыполнение этого пункта полагался военно-полевой суд. Запрещалось носить военное обмундирование тем, кто не находится на военной службе. Виновные в неисполнении подвергались тюремному заключению или штрафу в 3000 руб. Воинское обмундирование предлагалось сдать на интендантские склады. Запрещалось также покупать, продавать и перекрашивать солдатское защитное сукно. Виновные подлежали военно-полевому суду.

Крестьяне-солдаты, возвращаясь с фронта, не для того везли с собой оружие, чтобы потом его сдать. Да и с военным обмундированием все обстояло не так просто. За неимением гражданской одежды и обуви полстраны, а возможно, и больше носило военное обмундирование, и заставить отказаться от этого не представлялось никакой возможности. Этот приказ свидетельствовал о том, что Верховный правитель был крайне далек от реальных нужд населения. Бесцельность, нелепость и, главное, неисполнимость этого приказа дискредитировали основы создаваемой власти, показывая любому

здравомыслящему человеку ее оторванность от действительности.

Помимо дел, связанных с военным строительством и гражданским управлением, новой власти досаждали еще и эсеры, находившиеся в Уфе. Реальных сил для борьбы с Колчаком они не имели, но словесного шума, который нервировал власть в Омске, раздавалось предостаточно. В связи с этим 30 ноября А. В. Колчак издал приказ, направленный против преступной деятельности бывших членов Самарского Комитета членов Учредительного собрания. В связи с этим Верховный правитель приказывал к указанным лицам «не стесняясь применять оружие, арестовывать... для предания военно-полевому суду». Начальников, помогавших преступной работе или проявляющих слабость духа и бездействие, предлагалось предавать военно-полевому суду.¹

За этим приказом последовали и действия. 2 декабря отряд, направленный из Омска в Уфу, нагрянул на заседание Совета управляющих ведомствами и арестовал 20 человек. Однако главным руководителям: В. М. Чернову, П. Д. Климушкину, В. К. Вольскому и В. А. Веденяпину — удалось скрыться и перейти на нелегальное положение. Всех захваченных в Уфе доставили в Омск и поместили в тюрьму, где они присоединились к эсерам, арестованным в Челябинске и Омске.

В целях сохранения установившегося государственного строя правительство адмирала А. В. Колчака издавало достаточно суровые законы, очевидно, надеясь с их помощью удержать ситуацию в нужном русле. В связи с этим 3 декабря Совет министров изменил соответствующие статьи «Уголовного уложения» (изд. 1903 г.) и Уложения о наказании и исполнении (изд. 1885 г.). Так, смертной казни подлежали лица, обвиненные в посягательстве на жизнь и неприкосновенность Верховного правителя, лишение его или Совета министров власти или в воспрепятствовании их деятельности. К высшей мере наказания приговаривались и те, кто посягал на ниспровержение или изменение существовавшего строя или на отторжение какой-либо части от государства Россий-

ского. К тюремному заключению приговаривались виновные в оскорблении Верховного правителя на словах, письме или в печати. При этом эти деяния рассматривались в военно-полевом суде.² Постановление от 3 декабря 1918 г. о широком применении смертной казни, подписанное Колчаком, стало основой для проведения репрессивной политики непосредственными исполнителями.³

При строительстве вооруженных сил Колчаку пришлось столкнуться и с таким негативным явлением, как разложение в офицерской среде. Это выразилось в чрезвычайном росте штабов и тыловых учреждений и непомерном увеличении служащих в них офицеров. Нежелание идти на фронт стало явлением весьма распространенным. К тому же часть офицеров и солдат призывного возраста укрывались под различными предлогами и без оных от военной службы. На одного бойца появилось девять тыловиков.⁴ Падение дисциплины среди офицерства сопровождалось пьянством и буйством, которое ему сопутствовало. Белый тыл превратился в «пир во время чумы». «В угаре надежд, поднятых свержением большевиков в Сибири, померкли уроки прошлого, и все жадно тянутся к старым источникам кормежки, благ, преимуществ и наслаждений; все чавкают оголодавшими челюстями, испускают похотливую слюну и неспособны видеть будущего», — писал барон А. П. Будберг.⁵ И, продолжая свои наблюдения, он писал: «...тылы переполнены автомобилями, а на фронте начальники корпусных групп и дивизий их не имеют; здесь вся адъютантщина и прихлебательская челядь высоких лиц раскатывает по магазинам, ресторанам и визитам в казенных автомобилях <...> по вечерам вся дорога у загородного сада покрыта казенными машинами с высокими военными и гражданскими дамами, приезжающими сюда отдохнуть от ужасной омской пыли. О том, во что обходятся казне эти прогулки, головки милых дам не думают.

По ночам казенные автомобили торчат у крылец разных увеселительных и злачных мест, ожидая иногда высоких сановников, освежающихся там от великих государственных

трудов, а чаще всего их адъютантов, чиновников для поручений и прочего чиновного лакейства».⁶

Ахиллесовой пятой создаваемой армии стали бессистемные реквизиции, осуществляемые отдельными воинскими частями. Особенно больно они ударили по до крайности расстроенному железнодорожному транспорту. Понимая, что в данных условиях без них не обойтись, Колчак призывал соответствующих командиров свести их до минимума. В связи с чем Верховному правителю пришлось издавать специальные приказы на этот счет.⁷

Время вступления А. В. Колчака в должность совпало с наступлением белых войск на Пермь. Подготовленное еще тогда, когда вооруженными силами Директории командовал генерал В. Г. Болдырев, оно началось 27 ноября 1918 г. Решающая роль в этой операции отводилась Екатеринбургской группе войск под командованием Р. Гайды. В результате месячных боев белые овладели Пермью. Вместе с тем они не придали большого значения овладения красными Уфы. Поражение красных вскружило головы генералам, которые стали недооценивать силы противника.

Зима прошла в подготовке к весеннему наступлению. Вместо того чтобы идти на соединение с войсками генерала А. И. Деникина в районе Самары — Царицына, Ставка приняла решение наступать в Северном направлении на Вятку — Казань. Поскольку сам адмирал плохо разбирался в военном деле, то решение осталось за генералами ставки и командующими армиями, которые первыми хотели войти в Москву, не деля победы с Деникиным. При этом сам Колчак считал, что «Кто первый попадет в Москву, тот и будет господином положения».⁸

После прихода к власти А. В. Колчак много работает, пишет приказы, инспектирует войска гарнизона. Напряженная работа, холодный климат привели к простудному заболеванию, которое перешло в воспаление легких. Болезнь приняла настолько острый характер, что одно время опасались за его жизнь. В газетах даже появились бюллетени, сообщавшие о здоровье Верховного правителя.⁹ Побороть болезнь,

по-видимому, помог и приезд в Омск в это время Анны Васильевны Тимиревой. О ее пребывании в Омске в дневнике и И. С. Ильина от 23 января 1919 г. есть такая запись: «Вечером сидела у нас Анна В[асильевна] Тимирева. Она прелестный человек. Очень любит моих девочек и часто к ним последнее время заезжает. После восьми обыкновенно за ней приезжает автомобиль адмирала Колчака, и она уезжает к нему. И она, и сам Колчак сумели так обставить этот щекотливый вопрос, что даже самые злые языки ничего не могут сказать, а лично мне кажется даже трогательным такое хорошее настоящее чувство, как у А[нны] В[асильевны] к Колчаку.

Она с удивительным тактом себя держит. Никогда не говорит о политике, ни звуком не упоминает адмирала, занимает скромное место машинистки в бюро печати, никогда ни во что не вмешивается».¹⁰

Несмотря на болезнь, Верховный правитель 15 декабря принял приехавших в Омск французских представителей Э. Реньо и генерала П. М. Жанена. Когда Верховный Совет Антанты посылал Жанена в Сибирь, то предполагалось, что он станет главнокомандующим всеми союзническими, в том числе и русскими, войсками России к западу от озера Байкал — на востоке командование предоставлялось японцам, а генералу А. Ноксу поручалось снабжение. В этом случае Колчак терял бы верховное командование над русскими войсками и становился подчиненным Жанена. Встреча адмирала с французскими представителями прошла весьма бурно. Колчак отказался подчиниться Жанену, а тот настаивал на том, что он должен выполнить данный ему приказ. Встреча оказалась безрезультатной, но она впоследствии отразилась на их отношениях. Все же после долгих переговоров удалось найти компромисс. 19 января Колчак издал приказ, в котором сообщалось, что генерал Жанен является Главнокомандующим войсками союзных с Россией государств на Востоке России и Западной Сибири, а штаб Верховного главнокомандующего только согласовывает с ним свои действия. Заграничное снабжение русских армий осуществляется через генерала А. Нокса.¹¹

В то время как эсеры выступали против переворота Колчака, выпуская грозные резолюции, большевики начали подготовку восстания против установившейся военной диктатуры. Однако 21 декабря колчаковская контрразведка узнала о готовившемся утром 22 декабря большевистском выступлении и начала производить повальные обыски и аресты. Руководители восстания отдали распоряжение о его отмене, но оно не до всех дошло вовремя.

В ночь на 22 декабря рабочие омского пригорода Куломино начали восстание. Прежде всего, была взята тюрьма и освобождены политические заключенные — около 200 человек, среди которых были и члены Учредительного собрания.

Для подавления восстания власти использовали казаuchy и воинские части, в том числе чехословацкие. Во второй половине дня выступление удалось подавить. В этот же день появился и приказ Верховного правителя с благодарностью в адрес офицеров и солдат, участвовавших в ликвидации мятежа. Всех отличившихся предлагалось представить к награде, а принимавших участие в беспорядках или причастных к ним предписывалось предать военно-полевому суду.¹² При подавлении восстания войска беспощадно и без всякого суда расправлялись с мятежниками и особенно с теми, у кого обнаруживали оружие.¹³

Исполняя повеление Верховного правителя, военные стали действовать. Начальник омского гарнизона генерал В. В. Бржезовский выпустил приказ, в котором сообщалось, что все покинувшие тюрьму и добровольно пришедшие обратно наказаны не будут, а для тех, кто не выполнит это требование, расстрел на месте поимки. Расстрел грозил и хозяевам квартир, где могли находиться беглецы. Часть эсеров и меньшевиков, около 60 человек, к 23 декабря вернулись в тюрьму. 22 декабря генерал В. Д. Иванов-Ринов издал приказ № 160 о предании военно-полевому суду «провокаторов». 23 декабря генерал Бржезовский подписал приказ о предании военно-полевому суду всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним. Свою работу суд должен был начать в день подписания приказа и закончить за три

дня. Председателем военно-полевого суда назначался Иванов-Ринов.

Некоторых членов Учредительного собрания расстреляли по приговору военно-полевого суда, а других без всякого приговора на берегу Иртыша или в Загородной роще. В ряде случаев военно-полевой суд только утверждал уже произведенные расстрелы. При этом трупы были изувечены.

По свидетельству министра финансов И. А. Михайлова, генерал Иванов-Ринов и начальник штаба Верховного главнокомандующего Д. А. Лебедев поставили своей задачей уничтожить всех участников восстания уже 22 декабря.¹⁴ По данным отечественных историков, во время подавления восстания и следовавших за ним экзекуций погибло от 1000 до 1500 человек.¹⁵ По официальным, явно заниженным данным, в ходе боев в Омске и Куломзине убито 247 человек, по приговору военно-полевого суда в Омске расстреляно 49 человек и в Куломзине 117.¹⁶ При этом о бессудных расстрелах не сообщалось. Расправы в Омске над членами Учредительного собрания, избранниками народа, вызвали возмущение цензовой общественности, хотя по поводу гибели большевиков и представителей советской власти никто не протестовал. Чтобы ее успокоить, Колчак создал Чрезвычайную следственную комиссию под председательством сенатора А. К. Висковатова. Хотя в начале, на заседании Совета министров, адмирал дважды отклонял предложение по тщательному расследованию нарушений, происходивших при подавлении восстания, но в конце концов согласился на проведение расследования.¹⁷

Несмотря на проведенное дознание, никто из непосредственных участников казни учредилловцев и тех, кто стоял за ней, не пострадал. Наоборот, непосредственные участники расстрелов получили повышение в званиях. Так, поручик Ф. А. Барташевский стал подполковником, а штабс-капитан П. М. Рубцов полковником. Весьма любопытно, что уже в записи в дневнике от 23 декабря П. В. Вологодский называет одного и другого подполковниками.¹⁸

Впоследствии, на допросе в Иркутске, адмирал А. В. Колчак говорил, что расправа над учредилловцами была направлена лично против него, для того чтобы дискредитировать власть в глазах иностранцев и поддержавшей переворот общественности из омского национальный блока, куда входили кадеты и социалисты из Союза возрождения. По словам Колчака, его стали обвинять в том, что он стал входить в соглашение с социалистическими группами.¹⁹ Это предположение имело под собой определенные основания. В дневнике П. В. Вологодского за 18 декабря имеется запись о том, что он получил конфиденциальное сообщение о том, что в правых офицерских кругах образовалась группа, недовольная нерешительной политикой Колчака по отношению к левым (при этом своей задачей она поставила его устранение), и что во главе этой группы стоит генерал В. Д. Иванов-Ринов. Эти сведения Вологодский довел до Верховного правителя. Адмирал лично переговорил с генералом, который уверил его в том, что эти слухи являются вздорными.²⁰

Несмотря на эти уверения, в Омске решили избавиться от честолобивого интригана и назначили его командующим войсками Приамурского военного округа. Уже 21 декабря в гостинице «Европа» состоялся пир по случаю проводов нового командующего. Чтобы отвести от себя подозрения, 23 декабря он написал, а 25 декабря в газете «Правительственный вестник» опубликовал объявление. В нем генерал опровергал все слухи о якобы посягательстве, со своей стороны, на установившуюся государственную власть и заявлял: «Я до последней капли крови решил поддерживать Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, адмирала Александра Васильевича Колчака».²¹ Встречавшийся с Ивановым-Риновым барон А. П. Будберг оставил такую характеристику генерала: «...бравый, честолобивый, по уши залезший в политиканство урядник, с девизом „тащить и не пущать“; надут, как индейский петух, брызжет самовлюбленностью и упивается высотой своего положения».²²

Вместе с тем удаление одного интригана не изменило общей обстановки в Омске. 6 января 1919 г. С. И. Ильин за-

писал в дневнике: «Кругом грубое хищничество и отсутствие элементарной честности. Нет никакого одухотворения и подъема. Все по-прежнему серо, пошло и буднично. Шкурные вопросы доминируют, личные интересы царствуют надо всем. Таково в общих чертах наше положение на территории диктатуры адмирала Колчака». ²³ А в апреле тот же Ильин с ужасом отмечал: «Возможно, мы придем в Москву, возможно, мы разобьем красных, кажется, сейчас на это шансы большие, ну а дальше? Стоит только себе на минуту представить, что у власти окажется не честный патриот Колчак, а придут его „министры“: господа Вологодские, Зифириовы, Михайловы, Гинсы, Ивановы-Риновы, Матковские, Лебедевы. То есть весь этот провинциальный синклит бездарных в одном случае, глупых в другом и просто жуликов в третьем случае». ²⁴ Близки к оценке Ильина и наблюдения одного из военных министров Колчака барона А. П. Будберга. В августе 1919г. он записал в дневнике: «В армии развал; в Ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилье честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные темные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажом?!» ²⁵ Не отличалось благочестивым поведением и ближайшее окружение адмирала. Так, «он взял к себе личным адъютантом ротмистра В. В. Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала», — писал барон А. П. Будберг. ²⁶

О нездоровой обстановке, царившей в Омске, сообщал и возвращавшийся к А. И. Деникину генерал В. Е. Флуг. По его наблюдениям, власть находилась «в руках кучки темных дельцов, авантюристов и военной атаманщины; чище, честнее, идейнее всех Колчак, он бессилен что-либо сделать, мечется во все стороны, делает ошибки и вызывает жалость к его положению». ²⁷

Отсутствие у Колчака административного опыта и административных способностей вызывало у него отвращение к каждодневной, временами нудной управленческой рутинной работе, а ему хотелось живого дела. И как тут не вспомнить его службу в штабе командующего Балтийского флота, когда он при любом удобном случае он уходил в боевой поход. Поэтому он с таким воодушевлением воспринял назначение на должность командующего минной дивизией, которая позволила окунуться ему в настоящую боевую работу. На посту командующего Черноморским флотом значительную часть времени он предпочитал проводить в боевых выходах флота в море. Став Верховным правителем и Верховным главнокомандующим, через непродолжительное время он начал тяготиться канцелярской рутинной и обстановкой правительственных и штабных дрызг в Омске. На мой взгляд, этим можно объяснить его частые поездки на фронт. Хотя руководитель его уровня должен организовывать победу, а не метаться по фронтам.

Так, с 8 по 26 февраля Верховный правитель посетил фронт. В сопровождении министров его правительства и представителей союзных миссий, среди которых были генерал Жанен, сэр Ч. Элиот, граф де Мартель и взводы французских и английских войск в качестве почетного караула. Вся поездка освещалась сибирской печатью, поскольку Верховного правителя сопровождал представитель прессы С. Ауслендер.

Колчак и сопровождавшие его лица посетили Курган, Челябинск, Златоуст, Троицк, Екатеринбург, Тюмень, Ялуторовск. Везде Колчаку устраивались торжественные приемы. Большую часть времени заняли встречи с хлебом-солью, парады войск, приемы, устраиваемые общественностью городов, приветственные речи, торжественные обеды, смотры войскам, награждения отличившихся, посещения госпиталей. Верховный правитель выезжал даже на фронт, в бронепоезде под Златоутом, чтобы наградить в землянке раненых бойцов. Когда читаешь эти сообщения, то видишь, какие потоки славословия изливались по поводу мудрости Верховного

правителя, и восторги по поводу украшения зданий городов вензелями «А. К.». С другой стороны, здесь нет ничего удивительного, это был стереотип поведения российского подданного.

В ответных речах Колчак касался земельного вопроса, который окончательно будет разрешен Национальным Учредительным Собранием, выражающим волю российского народа, но в основу будет положен принцип частной собственности и мелкое землевладение. Туманные заявления Верховного правителя и его правительства о земле основывались на том, что в армии сражалось много офицеров-помещиков и неосторожные слова по ограничению помещичьего землевладения могли разлагающим образом подействовать на их настроение.²⁸ Выступил Колчак и в поддержку казачества, которое привело его к власти. Он призывал слушающих его снова стать сильными, поскольку «во всех международных отношениях царствует право силы». Говоря о борьбе с большевизмом, Колчак заявил, что она «не кончится даже в Москве».²⁹

Из поездки на фронт Верховный правитель возвратился 26 февраля. На вокзале его встречали министры во главе с председателем Совета министров П. В. Вологодским, представители иностранных миссий. Он также принял парад войск омского гарнизона. Затем проследовал до своей квартиры. По пути следования были выстроены шпалерами воспитанники кадетского корпуса.³⁰ Однако самое любопытное произошло, когда он прибыл на квартиру. Здесь я процитирую заметку об этом из газеты «Русская армия»: «26-го февраля, в день приезда Верховного Правителя, адмирала А. В. Колчака, в знак особого уважения и чести, по обычаю принятому в Английской Королевской армии, в квартиру Верховного правителя явились горнисты, барабанщики и духовой оркестр 9-го Гемпширского полка, в числе около 70 человек».

Горнисты и барабанщики сыграли „Зарю“, оркестранты прошли церемониальным маршем, затем снова была пробита „Заря“, и все они под звуки марша вышли из квартиры

Верховного правителя и направились в свое помещение».³¹ Правда, в дальнейшем таких встреч, по обычаю английской армии, больше не проводилось.

В марте началось наступление армий адмирала А. В. Колчака, и оно развивалось весьма удачно. Белые заняли Уфу, Стерлитамак, Мензелинск, Белебей, Бугульму, Бугуруслан. Однако из-за весенней распутицы оно замедлилось. Командование Красной армии сумело сосредоточить крупные резервы, перегруппировать войска и в конце апреля начать контр-наступление, которое стало успешно развиваться.

В апреле, на Пасху, старшие военные начальники поднесли адмиралу орден Георгия 3-й степени, за успешное взятие Перми, хотя прямого отношения к этому событию он и не имел.³² Таким образом, адмирал получил высокую военную награду за успехи в Гражданской войне. Судя по всему, чувство тщеславия не было чуждо и ему.

В мае вновь состоялась очередная поездка на фронт. Верховный правитель отбыл из Омска 6 мая, поездка продлилась до 17 мая. Колчак посетил Екатеринбург, Златоуст, Уфу, Челябинск. Как обычно, поездка сопровождалась парадом войск, торжественными обедами, совещаниями с военными, общественными деятелями, приемами депутатов, раздачей подарков солдатам, посещением госпиталей, объездом частей, которые только что вышли из боев, награждением Георгиевскими крестами наиболее отличившихся. В газетных отчетах о поездке сообщалось о молодцеватом виде войск.

Во время майской поездки 10 мая адмирал выступил с речью на открытии съезда Фабрично-заводской промышленности в Екатеринбурге, устроенного по его инициативе. В речи он определил задачи, стоящие перед фабрично-заводской промышленностью региона.

17 мая Верховный правитель возвратился в Омск, где его встречали глава правительства с министрами, представители высшего командования и члены иностранных военных миссий. На перроне был выстроен почетный караул, который прошел перед адмиралом церемониальным маршем.³³ Судя по дневнику председателя правительства П. В. Вологодского,

эта поездка на фронт произвела на Колчака удручающее впечатление. На Уральском фронте войска отступали, при этом они имели плохое и крайне изношенное обмундирование, к тому же один полк перешел на сторону Красной армии. Неудовлетворительным Верховный правитель признал и состояние Сибирской армии, хотя она и отличалась в лучшую сторону от Уральской. В ответ на упреки военный министр генерал Н. А. Степанов отвечал, что он посылает на фронт обмундирования больше списков потребностей, но не знает, куда все это девается.³⁴

К неурядицам со снабжением прибавились и стычки между генералами. 26 мая генерал Р. Гайда прислал телеграмму премьер-министру П. В. Вологодскому, в которой говорилось, что он не будет выполнять директивы начальника штаба ставки генерала Д. А. Лебедева, и просил отстранить его от командования. В конфликт пришлось вмешаться Верховному правителю.³⁵

О том, какие отношения сложились у Верховного правителя с генералом Р. Гайдой, генерал М. А. Иностранцев следующим образом передавал рассказы сослуживцев: «Неоднократно вызывал его [Гайдю. — А. С.] к себе Колчак, происходили бурные сцены между Верховным Главнокомандующим и его подчиненным, причем первый в минуты раздражения стучал кулаком по столу и раз даже, будто бы, сбросил стакан чаю на пол, но Гайда не оставался в долгу, и, как рассказывали, однажды между ними произошел такой, приблизительно, диалог:

— Вы не годитесь в командующие армии, — кричал Колчак, — более того, вы не годитесь быть и простым офицером, у вас нет не только необходимых знаний, но у вас нет и необходимого военного воспитания <...>, да и откуда им быть у вас, когда вы, по специальности, военный фармацевт, австрийской армии, — кричал Колчак.

— Вероятно, господин адмирал, у меня есть и то, и другое, — отвечал несмутившийся Гайда, — иначе я бы не попал из фармацевтов австрийской армии в русские генерал-лейтенанты, не освободил бы половины Сибирского пути от боль-

шевилов, не взял бы Иркутска и, наконец, не привел бы армию к Каме, имея ордена св. Георгия 4-й и 3-й степени, вами же мне данные. Да, наконец, если бы у меня и не было того, о чем вы говорите, то это и не нужно. Ведь вот — вы. Вы по специальности — морской офицер, откуда же у вас быть высоким знаниям и опыту, необходимым для Верховного правителя, да еще такой громадной страны, как Россия, а однако же вы им состоите!»³⁶

В результате переговоров и уговоров Гайдю оставили на своей должности. Однако уже 20 июня Колчак отстранил его от командования Сибирской армией. Вероятно, смена командующего сильно повлияла на ее боеспособность, и она стала разваливаться. Хотя смотр ее частей в Екатеринбурге привел военного министра А. Будберга к мысли о неготовности этих частей к боевому применению. Отлично выглядевшие на параде, эти части разбежались при первом столкновении с красными.³⁷ В результате 1 июля пала Пермь, а 14 июля — Екатеринбург. Гайда, заручившись поддержкой генерала Жанена, удалился во Владивосток, где занялся сплочением антиколчаковских сил.

В это время под напором Красной армии началось отступление, что явилось неприятным сюрпризом для Ставки, думавшей больше о наступлении, чем об обороне. В этих условиях Колчак пошел на реорганизацию армии и перемены в командном составе. Новый командующий фронтом генерал Дитерихс считал, что следует организованно провести отступление, дать отдохнуть основным силам, а затем в конце лета перейти в наступление. Однако верх взяла линия начальника штаба генерала Д. А. Лебедева о необходимости решительного сражения под Челябинском, одобренная Колчаком. Результат оказался плачевным. Наконец 12 августа Лебедева отстранили от должности начальника штаба и военного министра. Следует отметить, что перестановки в военном командовании были чрезвычайно распространенным явлением. Только за год сменилось четыре военных министра. Не прекращались раздоры и в правительстве и следовавшие за этим отставки министров.

Весенние успехи армий А. В. Колчака вызвали подъем энтузиазма у союзников, которые отказались от каких-либо контактов с большевиками (проект конференции на Принцевых островах, миссия Буллита и план Ф. Нансена) и стали делать ставку на адмирала Колчака.³⁸ 26 мая в адрес Верховного правителя от имени Парижской мирной конференции поступило обращение за подписями премьер-министров Франции, Англии, Италии, Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джорджа, В. Орландо, президента США В. Вильсона, представителя Японии Сайондзи. В своей ноте союзники заявили, что поскольку они не добились от Советского правительства прекращения войны, то они приняли решение помогать Колчаку оружием, военным снаряжением и продовольствием, для того чтобы его правительство стало правительством всей России. Вместе с тем в ноте ни слова не говорилось о международном признании правительства. Однако союзники предъявили и ряд требований. Одни сводились к демократизации режима, а другие, по сути, к раздроблению России.

3 июня в Омске получили ноту союзников, а уже 4 июня ответ Верховного правителя ушел в Париж. Колчак согласился не со всеми требованиями союзников, но ради предоставления помощи и возможного признания пришлось составить ответ в весьма обходительных выражениях. Ответ Верховного правителя лидеры мировых держав признали удовлетворительным. Помощь оказывать стали, но с признанием не спешили, ожидая вестей с фронта.

Следует отметить, что позицию союзников в отношении положения в России нельзя назвать устойчивой. Они выступали против большевиков как своих классовых противников. Вместе с тем, они не имели никакого желания поддерживать белое движение, которое шло под лозунгом воссоздания единой и неделимой России. Возрождать Российскую империю, опасную для их собственных интересов, они не собирались и выступали в поддержку вновь образовавшихся государств на ее территории. Поэтому курс на раздробление и затягивание Гражданской войны являлся для них наиболее перспективным.³⁹

Летнее отступление войск адмирала Колчака не внушало особого оптимизма. В начале осени бои стали носить позиционный характер. В октябре командование белых планировало наступление в районе реки Тобол. В связи с этим в район предполагаемых боевых действий для поднятия духа войск выехал Верховный правитель.

Для этой поездки взяли самый большой частный пароход «Товарпар», который должен был отправиться в Семипалатинск. Однако 2 октября в 22:00 поступило распоряжение из Управления водных путей о предоставлении парохода в распоряжение Верховного правителя. В связи с получением этого предписания приступили к высадке пассажиров и разгрузке судна. На следующий день начались работы по бронированию походной рубки и приспособлению кают для похода. Также началась погрузка белья, теплой одежды, табака и прочих подарков для фронтовых частей.

7 октября 1919 г. в 13:25 поход начался. О нем мы можем судить по двум источникам. Это вахтенный журнал парохода «Товарпар»⁴⁰ и воспоминания управляющего делами Совета министров и канцелярии Верховного правителя Г. К. Гинса.⁴¹ Распорядок таких поездок был примерно одинаков. Верховный правитель устраивал смотр частям и вооруженным судам, принимал депутации крестьян, подносявших ему хлеб-соль, раздавал подарки войскам, награждал отличившихся в боях. В Тобольске Колчак произвел смотр гарнизона, присутствовал на молебне, осматривал город. 16 октября Верховный правитель возвратился в Омск. Прямо на пароходе Колчак принял председателя Совета министров и главнокомандующего фронтом и после этого отбыл на берег. После некоторых переделок в этот же день «Товарпар» передали владельцам, и пароход стал готовиться к частному рейсу. Сухие строчки вахтенного журнала дополняют достаточно живые описания Гинса.

Поездка в Тобольск была связана с тем, что здесь предполагалось нанести поражение частям Красной армии. Однако они своими действиями спутали планы белого командования, и окруженными в конце концов оказались не красные,

а белые. Даже Гинс, не являясь военным человеком, заметил, что адмирал «чувствовал себя беспомощным в этих сухопутных операциях гражданской войны <...> Оттого, когда он видел генерала, он сейчас хватался за него, как за якорь спасения».⁴² И вердикт Гинса оказался суров: «Я понял, что Верховного Главнокомандующего нет». В своих оценках еще более категорично высказывался один из Военных министров Колчака барон А. П. Будберг: «Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам».⁴³

Фронт под Тобольском производил, по словам Гинса, «впечатление какой-то безалаберщины и пассивности командования. Повсюду на дороге мы видели разбросанные отряды новобранцев, которые сидели без дела, потому что никто их не перевозил за отсутствием якобы транспорта, а между тем у Тобольска все штабы разместились на больших пародах, хотя в городе было много свободных помещений». Удивило Гинса и обращение Колчака с солдатами: «Больше всего меня поразила <...> какая-то деланность и холодность адмирала при встречах с солдатами. Смотры на берегах Иртыша напоминали городские парады, когда генерал скорым маршем обходит ряды и громкое „здра-жела“ не выражает никаких чувств. Ни одной задушевной беседы, ни одного простого ласкового слова. <...> Он рвется к народу, к солдатам, а когда видит их, не знает, что им сказать».⁴⁴ Здесь Гинс достаточно точно уловил ту пропасть, которая лежала между А. В. Колчаком и народом. При этом это не единичное наблюдение. Генерал Будберг, в августе присутствовавший при поездке Колчака на фронт, оставил в дневнике такую запись: «...говорить с войсками он не умеет, стесняется, голос глухой, неотчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел».⁴⁵

Понятия о спасении и восстановлении России у адмирала и солдат сильно отличались. Тот же Гинс, говоря о поездке в Тобольск, писал, что русские крестьяне «не выражали никакого озлобления по адресу большевиков и откровенно говорили, что „воевать охоты нет“». ⁴⁶ Эти же настроения подтверждают и его июльские записи: «„Замирения надо, — говорили мужики, — не выходит это, чтоб воевать без конца“».

И никак нельзя было втолковать им, что мира с большевиками не может быть. Они как будто соглашались, но... не верили». ⁴⁷

Если Колчак вел войну на уничтожение большевизма и за воссоздание Единой и неделимой России, то складывать голову за эту идею крестьяне желанием не горели. И абсолютно был прав Г. К. Гинс, когда писал: «Омск для этих даже недалеких от него деревень был тридевятым царством, а деревня была для Омска тридесатым государством». ⁴⁸

Возвращаясь из поездки в Тобольск, в письме к жене Верховный правитель писал: «[я] продолжаю вести беспощадную борьбу с большевиками, ведя ее на истребление, т[ак] к[ак] другой формы нет и быть не может. <...> Моя цель первая и основная — стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его». ⁴⁹ Такое же по смыслу высказывание мы находим и в мемуарах Гинса во время поездки в Тобольск. Адмирал, обращаясь к собеседнику, говорил: «Я приказываю начальникам частей расстреливать всех пленных коммунистов. Или мы их перестреляем, или они нас». ⁵⁰

Если учесть, что понятие «большевик» трактовалось в то время весьма расширительно, то, как правило, о казненных и выпоротых говорили, что они являлись большевиками. Так, в рапорте капитана Колесникова начальнику дивизии говорилось, что массовая порка кустанайцев привела лишь к переходам солдат к красным, а порка беременных баб до выкидышей за то, что у них мужья в Красной армии, ничего не давала, кроме озлобления населения. ⁵¹ В этом смысле интересно письмо начальника Уральского края инженера С. С. Постникова, подавшего в отставку со своего поста еще в апреле

1919 г. и давшего по этому поводу письменное объяснение Совету министров. В нем он указал на расправы военными без суда, на порку женщин, смерть арестованных при «побегах», аресты по доносам. При этом он подчеркнул: «Мне неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном».⁵² В этом не было ничего удивительного, поскольку Колчак руководствовался в своих действиях положением о полевом управлении войск. Исходя из этого документа, военным властям разрешалось вмешиваться в гражданские дела.⁵³

При этом приказы Колчака своим подчиненным о подавлении партизанского движения носили самый суровый характер. Так, военный министр Н. А. Степанов направил телеграмму командующему Иркутским военным округом следующего содержания: «Верховный правитель приказал Вам передать: 1) его настоятельное желание возможно скорей решительнее покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их. В этом отношении пример японцев [в] Амурской области, объявивших об уничтожении селений, скрывающих большевиков, вызван, по-видимому, самой необходимостью добиться успеха в трудной партизанской борьбе в лесистой местности».⁵⁴

Попытка А. В. Колчака управлять Россией, опираясь на положение Устава о полевом Управлении войск, дала обратный результат вместо ожидаемого: новую Россию адмирал строил, опираясь на гражданские и военные законы рухнувшей империи, — и с тем же размахом, хотя это была только Сибирь. Военные на местах практически устранили гражданскую администрацию и установили военные методы управления. Порки, бессудные расстрелы, сожженные деревни, вымогательство — все это оттолкнуло население от Колчака, олицетворявшего новую российскую власть. По сути, власть Верховного правителя распространялась на Омск и его окрестности, а в остальной Сибири и на Дальнем Востоке правили атаманы и местные военные начальники, со свое-

волием которых, а также с разложением тыла, спекуляцией, взяточничеством, падением дисциплины в офицерском корпусе адмирал справиться так и не смог.

В поездке в Тобольск Колчак вновь очутился в своей, пусть не морской, но речной стихии, когда, уединившись в каюте, можно было поразмышлять и почитать взятые с собою книги. На этот раз среди них оказался «Исторический вестник» и «Протоколы сионских мудрецов», которые в эту поездку он читал особенно внимательно. «Ими он прямо зачитывался. Несколько раз он возвращался к ним в общих беседах, и голова его была полна антимасонских настроений. Он уже готов был видеть масонов и среди окружающих, и в Директории, и среди членов иностранных миссий», — писал Г. К. Гинс.⁵⁵

Следует заметить, что среди борцов с большевиками «Протоколы» пользовались определенной популярностью. Так, находившийся одно время в Харбине, до переезда в Омск, барон Будберг писал: «Здесь все помешались на „Сионских протоколах“, как будто бы нет более полезных занятий».⁵⁶ Популярность «Протоколов», на мой взгляд, состояла в том, что давала возможность объяснять свержение монархии и последующую победу большевизма жидо-масонским заговором. При таком подходе не надо было вдумываться в сложные социально-экономические проблемы, стоявшие перед страной, и заниматься поисками их решений.

Несмотря на то что Колчак давал заверения политическим и религиозным деятелям еврейской общины в Сибири о равноправии и финансовой поддержке еврейскими общинами белого движения, тем не менее, не было недостатка в различных пропагандистских материалах антисемитского характера, появление которых Верховный правитель не пресекал.⁵⁷ Судя по всему, это падало на благодатную почву. Так, объясняя нелюбовь к Америке, один из колчаковских офицеров, капитан Н. Ф. Романов, говорил: «Есть одна (главная) причина, почему русские против Америки. В американском штабе, в американском Красном кресте и американском Христианском союзе молодых людей слишком много русских

евреев... Американцы не должны забывать, что русские веками имеют сильное чувство против евреев...»⁵⁸ Не обошлось в Сибири и без погромов. Самым известным стал Екатеринбургский, унесший несколько сот человеческих жизней.⁵⁹ Следует отметить, что положение евреев в Сибири было несколько лучше, чем на Юге России, но это было связано с их малочисленностью в этом регионе.

Оценивая поездки Верховного правителя на фронт, барон Будберг писал: «Эти поездки совершенно бесполезны для дела; потревоженные в своем обиходе штабы и войска смотрят на них косо и даже недружелюбно, искренности намерений адмирала и его стремления разделить общие тяготы и всячески помочь никто не знает и не оценивает; подарки и награды, им рассыпаемые, потеряли силу и скоро забываются; но зато крепко учитываются и не забываются случайные штурмы, разносы, задержка железнодорожного движения, мотание частей на смотры и т. п.»⁶⁰ При этом визиты на фронт не добавляли популярности Верховному правителю. В дневнике Будберг приводит выдержку из письма одного солдата о том, что к ним приезжал: «...какой-то аглицкий адмирал Кильчак, должно быть, из новых орателей, и раздавал папиросы».⁶¹ Подобный эпизод фигурирует в воспоминаниях Г. К. Гинса. Он рассказывал о разговоре, который произошел у него с одним стариком-казакон. На вопрос Гинса, что они слыхали о Колчаке, последовал ответ: «Никак будет из англичан». На уверения, что адмирал русский, по мнению Гинса, старик так и не поверил.⁶² Англomanия Колчака, его случайное появление в Сибири нашли отражение в антибольшевистском фольклоре Гражданской войны, в частности в песне «Шарабан»:

Мундир (фасон) английский, погон российский,
Табак японский, правитель омский
Эх, шарабан мой, американка!
Не будет денег — возьму продам-ка!

ГЛАВА 11

ИСХОД

Возвращение в Омск из поездки в Тобольск не принесло тех ожиданий на успех, на которые надеялся Верховный правитель. Положение на фронте под Омском продолжало ухудшаться. Встал вопрос об эвакуации. Об этой мере Верховный правитель заговорил еще на заседании правительства 14 июля, но тогда под воздействием министров решили создать комиссию по разгрузке Омска. Впоследствии Верховного правителя его советники убедили оборонять город до последнего момента. Тем не менее, уже 22 августа Совет министров принял постановление о разгрузке Омска, а 31 августа об эвакуации из города центральных правительственных учреждений.¹

Вывозить золотой запас Верховный правитель решил в последнюю минуту. Вместе с тем погрузку золота в вагоны из кладовых Государственного банка решили начать на заседании Совета Верховного правителя уже 28 августа. Обеспокоенные судьбой «золотого запаса» дипломатические и военные представители союзников прибыли к Колчаку и предложили под охраной войск Антанты вывезти золото во Владивосток. Однако наткнулись на отказ адмирала в далеко не дипломатической форме. Верховный правитель заявил, что не доверяет союзникам и не отдаст золота под их охрану, а скорее передаст его большевикам, что накалило и без того напряженные отношения между ними.²

Вскоре произошел другой инцидент. 19 сентября командующий Приамурским военным округом генерал С. Н. Розанов в целях предотвращения мятежа во Владивостоке ввел в город русские войска. Его действия вызвали протест межсоюзнического командования, которое потребовало в течение 12 часов удалить русские войска из города, а в случае его неисполнения угрожало применить силу. О получении ультиматума Розанов уведомил Верховного правителя и получил следующий ответ: «Повелеваю вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить. <...> Сообщите союзному командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют. Повелеваю вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем».³ Твердый тон Колчака охладил рвение союзников, и их ультиматум не имел последствий.

Командующий фронтом генерал Дитерихс предлагал эвакуировать войска на правый берег Иртыша и там устроить оборону, но этот план адмирал отверг, считая, что Омск следует отстоять во что бы то ни стало. В связи с этим Дитерихса сменил «бетонноголовый, но очень решительный Сахаров».⁴ О том, как происходила смена командующих, описано в рапорте майора Мориса: «4 ноября в 1 час дня были приняты верх[правителем] генералы Дитерихс и Сахаров. Верховный был в необыкновенно нервном настроении и во время разговора с Дитерихсом и Сахаровым сломал несколько карандашей и чернильницу, пролив чернила на свой письменный стол». Дитерихс попробовал назвать причины, приведшие к отступлению. Однако «Колчак здесь потерял совершенно всякое самообладание, стал топтать ногами, в точном смысле стал кричать... Омск немисливо сдать. С потерей Омска — все потеряно».⁵ Однако и при командовании Сахарова 14 ноября Омск пришлось оставить. Правительство эвакуировалось из «столицы» 10 ноября и уже 18 ноября прибыло в Иркутск. Сам Верховный правитель, его штаб и охрана

в шести эшелонах и бронепоезде, а в седьмом находился «золотой запас». Отбыли из города 12 ноября. В эшелонах находилось до тысячи человек. Запоздалая эвакуация Омска позволила частям Красной армии захватить богатую военную добычу, а армия потеряла способность к сопротивлению.

После оставления Омска начался последний и самый трагический этап в жизни Верховного правителя. Отъезд Колчака и правительства в Иркутск привел к тому, что власть окончательно утратила свой авторитет. В Красноярске простояли шесть суток. В городе образовался эсеровский комитет общественной безопасности, призывавший к миру с большевиками, на стороне которого выступал командир 1-го корпуса генерал Б. М. Зиневич. Под давлением чехов и союзного командования поезд Колчака пришлось сократить до трех эшелонов.

После ухода Верховного правителя из Красноярска командир 1-го Сибирского корпуса генерал Б. М. Зиневич 28 ноября направил Верховному правителю открытое письмо, в котором потребовал от Колчака отказаться от власти и передать ее Земскому Собору. В противном случае он угрожал решительными действиями.⁶ Трагизм ситуации заключался в том, что после ухода из Красноярска на станции Тайга адмирал принял решение отделиться от армии и по возможности скорее добраться до Иркутска. В результате адмирал оказался оторванным от войск и от правительства, которое находилось в Иркутске. Поскольку телеграфная связь осуществлялась через чехов, контролировавших железнодорожную магистраль. Железную дорогу контролировали отступавшие чешские войска, забившие пути своими эшелонами и пропускавшие прежде всего их. В окрестностях железной дороги действовали многочисленные партизанские отряды. По подсчетам историков, численность партизан в Сибири выросла с 20 тысяч человек летом 1919 г. до 140 тысяч к зиме того же года. Можно сказать, что партизанское, антиколчаковское движение стало всенародным.

После некоторых раздумий Колчак заменил К. В. Сахарова генералом В. О. Каппелем. В самом генералитете шли бесконечные свары. Так, генерал А. Пепеляев арестовал ге-

нерала Сахарова, которого затем освободил новый главнокомандующий фронтом генерал Каппель.

13 ноября А. В. Колчака ждал новый сюрприз. Русское отделение чешского Национального совета за подписями его руководителей Б. Павлу и В. Гирсы выпустило меморандум с обвинениями колчаковского режима в произволе и беззаконии.⁷ Это заявление вывело Верховного правителя из равновесия, и, по-видимому, под его воздействием он в телеграмме атаману Семенову приказал любой ценой остановить вывод чехов, взрывая мосты и тоннели. Чехи расшифровали телеграмму, и это вызвало их ярость. Особого смысла в этом приказе не было, так как он другим концом бил по самому Колчаку, прерывая его сообщение с Владивостоком. Попытка Семенова выполнить приказ Колчака получила отпор со стороны чехов.⁸ Если и до этого отношения Верховного правителя с чехами носили напряженный характер, поскольку многие из них выражали недовольство переворотом 18 ноября 1918 г., то теперь они стали враждебными. К тому же во Владивостоке 17 ноября произошел мятеж генерала Р. Гайды, быстро ликвидированный частями генерала С. Н. Розанова, а самого чешского генерала отправили на родину.

Правительство также сотрясали скандалы. Колчаку пришлось перестраивать и систему управления. 21 ноября вышел указ Верховного правителя об упразднении Совета Верховного правителя «Звездной палаты» и образовании при нем и под его председательством Верховного совещания в составе главнокомандующего фронтом, его помощников, начальника штаба, генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, председателя Совета министров и министров военного, внутренних и иностранных дел, путей сообщения, финансов, снабжения и продовольствия. Реорганизация была направлена на более тесное и согласованное сотрудничество правительственных ведомств и армии.⁹

23 ноября произошла и смена премьер-министра, им стал В. Н. Пепеляев, сменивший на этом посту П. В. Вологодского.¹⁰ Попытки нового премьера взять курс налево, собрать Сибирский земский собор, реформировать правительство,

наладить отношения с эсерами результатов не дали из-за катастрофы на фронте и фактической утраты власти самим правительством. Все эти судорожные перестановки уже не могли исправить ситуацию. Любопытно, что в этой критической ситуации Колчак продолжал тешить свое тщеславие. Так, на парадный спектакль «в честь первого гражданина возрождающейся России адмирала Колчака», который был дан 28 ноября и повторен 30 ноября, его устроителям пришла благодарность от Верховного правителя за организацию спектакля — концерта в его честь.¹¹

24 декабря в Иркутском предместье Глазкове начался эсеровский мятеж, а к вечеру 27 декабря он перекинулся на город. В результате боев с правительственными войсками верх взяли повстанцы при благоприятном нейтралитете к ним со стороны союзников. Чтобы покинуть Иркутск и продолжать двигаться дальше на восток, правительство пошло на переговоры с повстанцами.

3 января временный председатель правительства А. А. Червен-Водали отправил Верховному правителю телеграмму, в которой уведомил адмирала о том, что за беспрепятственный выход правительства и войск из Иркутска повстанцы требуют отречения Колчака от власти и передачи верховной власти генералу Деникину. 4 января последовал ответ адмирала, в котором он соглашался передать власть генералу А. В. Деникину, после того как приедет в Верхнеудинск. Он также издал свой последний указ, согласно которому вся военная и гражданская власть на территории Российской Восточной окраины, объединенной Российской Верховной властью, предоставлялась Главнокомандующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту, атаману Г. М. Семенову. При этом ему поручалось образовать и органы Государственного управления в пределах его власти. Таким образом, формально Колчак от власти Верховного правителя на этот момент не отрекся. Власть же Семенову он передавал только региональную, но не всероссийскую и сам Дальний Восток находился под Российской Верховной властью. Однако реальной властью Колчак уже не располагал.

5 января в Иркутске власть перешла к эсеровскому «Политцентру», который образовался из представителей Всесибирского краевого комитета эсеров, Бюро сибирской организации меньшевиков, Центрального комитета объединений трудового крестьянства Сибири и Земского политического бюро и именовал себя властью «революционной демократии». Члены колчаковского правительства в Иркутске были арестованы. Вышедшие из подполья большевики организовали центральный штаб рабоче-крестьянских дружин.

Тем временем 25 декабря поезд Верховного правителя подошел к станции Нижнеудинск, где его задержали по распоряжению штаба союзных войск. Охрана поезда Колчака и эшелона с золотым запасом переходила в руки чешских частей, которые не должны были допускать на станцию войска повстанцев, установивших свою власть в городе. Фактически Верховный правитель оказался в блокаде, поскольку связь с внешним миром могла осуществляться посредством чешских военных.

В это время в окружении адмирала рассматривались разные варианты выхода из создавшегося положения и, в частности, уход пешим порядком в Монголию. Решение Колчака предоставить своему конвою примерно в 600 человек сделать выбор и пробиваться вместе с адмиралом или самостоятельно привело к тому, что основная масса солдат оставила адмирала, с ним осталось 60 человек офицеров. Это было страшным моральным ударом для Колчака, и он посидел за одну ночь. Да и офицеры не горели желанием складывать свои головы за адмирала. В связи с этим Колчак сказал: «Все меня бросили».¹² Повторялась ситуация с Николаем II перед отречением. После некоторых колебаний Колчак согласился на предложение союзников ехать в одном вагоне.

8 января вагон Колчака, прицепленный к хвосту чешского эшелона и разукрашенный флагами Великобритании, США, Франции, Японии и Чехословакии, пошел по направлению к Иркутску, где адмирала должны были передать Высшему союзному командованию. За адмиральским вагоном следовал и «золотой эшелон».

Генерал П. М. Жанен получил от высоких комиссаров союзников инструкцию о безопасном следовании адмирала Колчака, «если это окажется возможным». Движение к Иркутску таким не являлось. На всех больших станциях эшелон встречали толпы вооруженных людей и требовали выдачи Колчака. На станции Черемхово в вагон Колчака вошли восемь вооруженных рабочих, для контроля над чешской охраной, и сопровождали адмирала до Иркутска.

14 января состоялись переговоры командующего союзными войсками генерала П. М. Жанена с командующим чехословацкими частями генералом Я. Сыровы. Во время разговора собеседники пришли к выводу о невозможности вывоза Колчака из-за партизан, железнодорожников, шахтеров, которые угрожали выводу чехословацких войск. В связи с этим было решено передать Колчака «Политцентру».¹³ Сам Жанен, не дожидаясь приезда Колчака, покинул Иркутск. На мой взгляд, невозможность вывоза Колчака из Иркутска являлась только предлогом. Подлинная причина состояла в том, что Верховный правитель являлся сторонником единой и неделимой России, тогда как союзники выступали против сохранения империи, опасной для них самих. В этом цели борцов с советской властью расходились кардинально. К тому же в случае победы Колчака, новая война за восстановление территориальной целостности России в недалеком будущем становилась неизбежной.

15 января поезд с Верховным правителем и золотой эшелон прибыли в Иркутск. В результате переговоров чехов с «Политцентром» в Иркутске была достигнута договоренность о том, что чехи беспрепятственно уходят дальше на восток, но Колчак и премьер-министр В. Н. Пепеляев передаются «Политцентру», а золотой эшелон будет находиться под охраной чешского и русского караулов.

Около 20:00 15 января в вагон Колчака явились представители «Политцентра» В. Н. Марахлев, М. С. Фельдман, штабс-капитан А. Г. Нестеров. К этому времени офицеры из окружения Колчака, пользуясь темнотой, покинули вагон адмирала и скрылись. Единственным человеком, который

остался рядом с адмиралом, была Анна Васильевна Тимирева, добровольно последовавшая за ним в тюрьму (хотя ее никто не арестовывал), давая Колчаку нравственную опору в его последнем пути.

В здании вокзала в 21:55 произошла официальная передача чехами А. В. Колчака и премьер-министра В. Н. Пепеляева представителям «Политцентра», при этом стороны обменялись расписками о сдаче и приеме арестованных. После этого арестантов доставили в иркутскую тюрьму.

21 января «Политцентр» передал власть в Иркутске большевистскому Военно-революционному комитету. В этот же день начала работать Чрезвычайная следственная комиссия, созданная еще «Политцентром», которая начала допросы Колчака. Ответы на вопросы следователей представляли достаточно последовательный рассказ о жизни и деятельности как в военно-морском флоте, так и на посту Верховного правителя. Впоследствии допрос Колчака в Иркутске неоднократно переиздавался.

22 января войска генерала Каппеля заняли Нижнеудинск и начали наступать на Иркутск, чтобы освободить Колчака. 26 января от воспаления легких умер Каппель. Его тело перевезли в Читу и там захоронили. Продолжать намеченный план стал генерал Войцеховский.

30 января каппелевцы захватили станцию Зима и вышли на подступы к Иркутску. 2 февраля они заняли станцию Иннокентьевскую, последнюю перед Глазковым, находившимся под контролем чехов. Обстановка в Иркутске стала угрожающей. 29 января в городе объявили военное положение, а 2 февраля — осадное. Отряды, которые обороняли Иркутск, были слабы, и рассчитывать на их стойкость против каппелевцев не приходилось. Началась эвакуация военного имущества на случай сдачи города. По уверению местных властей, в городе существовало белогвардейское подполье, хотя кроме словесных заявлений каких-либо конкретных доказательств не предъявлялось. Однако вполне вероятно, что недовольство властью Ревкома могло существовать, поскольку для своей поддержки он пользовался услугами партизанских

отрядов, которые особой дисциплиной не отличались. К тому же дела с продовольствием и топливом в Иркутске подходили к критической отметке. Позиция чехов для Ревкома оставалась неясной. В этой крайне нервной обстановке, боясь возможного освобождения Колчака и чтобы снять ответственность за это с себя, местные власти решили перестраховаться и запросили РВС 5-й армии санкцию на его расстрел, тем более что ранее такая мера в случае невозможности удержания Колчака предусматривалась, — и они ее получили.

2 февраля Войцеховский передал ВРК условия, на которых он отказывался от штурма Иркутска. Он требовал пропустить его войска за Байкал по обходным путям вокруг города, освобождение адмирала Колчака и арестованных с ним лиц и снабжение армии деньгами. Ревком условий не принял, и переговоры прекратились. 4 и 5 февраля бои возобновились. Шли они при тридцатиградусном морозе и носили крайне ожесточенный характер, пленных стороны не брали.

5 февраля вечером, во время боев за Иркутск, начались переговоры командования частей Красной армии с представителями отступающих войск чехословацкого корпуса в городе Тулун. По свидетельству председателя РВС 5-й армии И. Н. Смирнова, В. И. Ленин считал, что мир с чехами следовало заключить во чтобы то ни стало, в то время как красноармейцы и командиры были настроены на решительную борьбу с ними.

В Результате переговоров удалось выработать условия перемирия. 7 февраля в селе Куйтун в 9:00 московского времени председатель Реввоенсовета 5-й армии и председатель Сибревкома И. Н. Смирнов и уполномоченный чехословацких войск поручик Губ подписали следующее мирное соглашение: «3. Советские власти содействуют продвижению чехословацких войск. 4. Снабжают эшелоны углем из Черемховских копей. 5. Чехословацкие войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским ревкомом, в распоряжении Советской власти, под охраной Советских войск и не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении арестованных. 6. Золотой запас, принадлежащий РСФСР, ни в коем случае не вывозится на восток,

остается в Иркутске, охраняется смешанными караулами чехословацких и русских войск и передается Иркутскому исполкому при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска. 8. Чехословацкие войска обязуются держать нейтралитет в отношении отрядов, действующих против Советской власти, и не оказывать им никакого содействия».¹⁴ К моменту подписания соглашения А. В. Колчака уже расстреляли.

Следует отметить, что РВС 5-й армии, находившийся в Красноярске, мог сообщаться с Иркутским Ревкомом (расстояние около 500 верст) только в том случае, если бы чехи позволили воспользоваться их проводом, поскольку железнодорожная магистраль находилась в их руках. И такое разрешение чехи дали. Остается открытым вопрос, когда они это сделали — во время переговоров или еще в двадцатых числах января, когда шел обмен мнениями о судьбе Колчака по прямому проводу между Красноярском и Иркутским Ревкомом. Таким образом, все переговоры о судьбе Колчака между РВС 5-й армии и Иркутским Ревкомом находились под контролем чешского командования. Сложившаяся ситуация привела даже в некоторое изумление И. Смирнова: «К немалому нашему удивлению, чешское командование, давая нашей делегации провод для сообщения в Иркутск, о ходе мирных переговоров, не чинило препятствий в передаче телеграммы [речь идет о согласии РВС 5-й армии на расстрел Колчака. — А. С.] Иркутскому Ревкому даже по такому щекотливому вопросу, как судьба Верховного правителя».¹⁵ Свое мнение Реввоенсовет изложил так: «Желательно Колчака сохранить и доставить в наше распоряжение, но, если обстановка сложится такая, что о сохранении Колчака нечего и думать, Реввоенсовет против расстрела не возражает».¹⁶ Следует отметить, что, несмотря на эту санкцию, Ревком Иркутска, вынося постановление о расстреле, не преминул сослаться на распоряжение СНК, объявлявшего Колчака и его правительство вне закона.¹⁷ Из передачи этих телеграмм следует, что расстрел Колчака был согласован или произведен с молчаливого согласия чехов, о чем, кстати, говорит и 5-й пункт соглашения.

В чем коренились мотивы такого поведения чехов? В Иркутске чехи контролировали железнодорожную станцию, и

бои за город могли привести к столкновению с каппелевцами и, возможно, к большим жертвам и с задержкой продвижения на восток. Трудно себе представить, что, взяв город, белые оставили в руках чехов «золотой запас», который можно было передвигать в тех условиях только по железной дороге, да и сами они наверняка бы воспользовались железной дорогой для перевозки своих войск, а это уже война с чехами. Чтобы избежать такого развития событий, чешское командование пошло на переговоры с командованием Красной армии, как на меньшее зло, тем самым предотвратив столкновение с каппелевцами. Помимо этого, сюда примешивалось и негативное отношение к Верховному правителю со стороны военного командования чехов.

7 февраля в 5:00 постановление ВРК от 6 февраля о расстреле адмирала А. В. Колчака и премьер-министра В. Н. Пепеляева привели в исполнение.¹⁸ В ночь с 6 на 7 января в штабе Войцеховского подготовили план штурма Иркутска и назначили его на 12:00. Однако утром Войцеховский отменил решение о захвате города. Тому были две причины. Чехи заявили, что они выступают против каппелевцев, если те займут предместье Иркутска Глазково. Пришло также известие о расстреле Верховного правителя. Таким образом, у генерала Войцеховского отпала одна из причин штурма города. Обойдя Иркутск, каппелевцы ушли за Байкал.

5 марта 1920 г. части регулярной Красной армии вступили в Иркутск. После этого последний чешский эшелон покинул город, а «золотой запас» полностью перешел под контроль Советской власти.

В отечественной исторической литературе до сих пор ведутся споры о том, кто отдал приказ о расстреле Колчака. Председатель РВС 5-й армии И. Н. Смирнов ссылался на телеграмму В. И. Ленина, в которой тот приказывал Колчака не расстреливать, но ее текста не приводил.¹⁹ В телеграмме из штаба 30-й дивизии на имя председателя Иркутского ВРК А. Ширямова от 23 января 1920 г. передавался приказ РВС 5-й армии о сохранении жизни Колчаку и передаче его командованию регулярных советских войск. Расстрел разрешалось применить в случае невозможности удержать его

в своих руках.²⁰ О том, что планировался суд над Колчаком, есть упоминание в материалах Чрезвычайной следственной комиссии в заседании от 30 января 1920 г., в нем говорилось о судебном деле Колчака.²¹ В практике Гражданской войны существовал такой прием, когда высшие власти давали возможность подчиненным действовать по обстоятельствам. Таким образом, снимая с себя ответственность за содеянное.

Исследователи, которые стремятся доказать причастность председателя Совнаркома В. И. Ленина к расстрелу Колчака, пользуются его запиской заместителю председателя РВСР Э. Скланскому в качестве неопровержимого доказательства. Однако она была написана 24 февраля 1920 г., то есть через 17 дней после расстрела, да к тому же о расстреле к этому времени стало широко известно, так что скрывать содеянное было бессмысленно.²²

В жизни адмирала Колчака чередовались взлеты и падения. При этом ни одного дела он не смог довести до конца. Мечта об Арктике оказалась нереализованной, от программ по восстановлению флота он отошел. Планы по захвату Черноморских проливов остались на бумаге. Наконец как Верховного правителя и Верховного главнокомандующего его ждал полный крах. Давая оценку деятельности адмирала на этих постах, один из военных министров А. В. Колчака барон А. П. Будберг писал: «Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый; детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования; не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг него и его именем совершается».²³

Подводя итог своей жизни во время пребывания в иркутской тюрьме, он говорил на одной из прогулок Анне Васильевне Тимиревой: «Я знал борьбу, но не знал счастья победы».²⁴ Это стало итогом его жизненного пути, а дальше началась мифология по созданию образа рыцаря «белой борьбы».

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ *Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак. Ученый и патриот: в 2 ч. Ч. 2: Командующий Черноморским флотом и Верховный правитель России. М., 2009. С. 44.

Глава 1

¹ РГАВМФ Ф. 432. Оп. 5. Д. 474. Л. 2.

² *Колчак Р.* Адмирал Колчак, его род и семья // Военно-исторический вестник № 16 ноябрь 1960. С. 15, 16; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 7—11.

³ После 1917 г. гимназия стала 40-й советской школой, а в 2015 г. школой № 550 Центрального района. Торговый переулок, д. 2.

⁴ РГА ВМФ Ф. 432. Оп. 1. Д. 6505. Л. 80.

⁵ *Никитин Д. В.* Выпуск Колчака (Выпуск морского корпуса 1894 г.) // Морские записки, т. 2. № 3. Нью-Йорк, 1944. С. 234—239.

⁶ Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой Колчаку (18 июня 1916 г.—17—18 мая 1917 г.). СПб., 2002. С. 23, 33, 109.

⁷ РГА ВМФ Ф. 406. Оп. 9. Д. 1900. Л. 34.

⁸ Там же. Ф. 998 Оп. 1. Д. 110. Л. 83.

⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 9. Д. 1900. Л. 34 об.—35.

¹⁰ «Пройти Берингов пролив и закончить во Владивостоке»: Документы о Русской полярной экспедиции 1900—1902 гг. / Публ. Л. Спиридоновой, А. Иоффе // Источник: Приложение к российскому историческому журналу «Родина». 1997. № 3. С. 75.

¹¹ «Пройти Берингов пролив и закончить во Владивостоке». С. 74—89.

¹² СПФА РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 149. Л. 8. Автограф.

¹³ «Пройти Берингов пролив и закончить во Владивостоке». С. 74—89.

¹⁴ Из воспоминаний Участника Русской полярной экспедиции В. Н. Катина-Ярцева «На Крайний Север» // Мир Божий, 1904. № 2. С. 71—95.

¹⁵ Там же. № 4. С. 91—111.

¹⁶ РГА ВМФ Ф. 417. Оп. 1. Д. 3188. Л. 206—об., 210.

¹⁷ Там же. Научно-справочная библиотека. Сборник указов и циркуляров о личном составе чинов морского ведомства.

¹⁸ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1955. Л. 2—4.

¹⁹ Там же. Д. 1271. Л. 45—47.

²⁰ Там же. Ф. 404. Оп. 2. Д. 1227. Л. 104—111.

²¹ Там же. Л. 164—168.

²² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 283. Л. 1—12.

²³ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 133 об.—131 об.

²⁴ Там же. Д. 58. Л. 26—27 об.

Глава 2

¹ Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 263.

² РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 303. Л. 98—99 об.

³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

⁴ *Ненюков Д. В.* От мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914—1920, Вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М.: 2014. С. 174—175.

⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Т. Ф. Павлова, Ф. Ф. Перченко, И. К. Перченко, И. К. Сафонов. Вступ. ст. Ф. Ф. Перченка. М., 1996. С. 159—160.

⁶ РГА ВМФ Ф. 479. Оп. 1. Д. 196. Л. 165.

⁷ «Все-таки надеюсь, что мы отомстим немцам». Из переписки В. М. Альтфатера и А. В. Колчака // Источник, 1997. № 5. С. 10.

⁸ Флот в Первой мировой войне. В 2 т., под ред. Н. Б. Павловича. Действия русского флота Т. 1. М., 1964. С. 94.

⁹ Там же. С. 95

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 11—13.

¹² РГА ВМФ Ф. 11. Оп. 1. Д. 56. Л. 1—6, 8. Это эпизод действительно имел место.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 278, Л. 93—94.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.

¹⁶ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 298. Л. 1—2.

¹⁷ Там же. Д. 49. Л. 54.

¹⁸ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 131—136.

¹⁹ *Смирнов М. И.* Адмирал Колчак. Париж, 1930. С. 20; *Граф Г. К.* На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. СПб., 1997. С. 74—75, 233; *Пилкин В. К.* Два адмирала // Пилкин В. К. Адмирал в белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918—1920. М., 2005. С. 495. *Зырянов П.* Адмирал Колчак — Верховный правитель России. М., 2006. С. 232.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 382. Л. 14—15.

²¹ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 49. Л. 46—47.

²² Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 381 Л. 3—5 об.

²³ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 396. Л. 6—9.

²⁴ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 208.

²⁵ К истории назначения вице-адмирала А. И. Непенина командующим Балтийским флотом (по письмам и дневникам) / Публ., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Емелина и К. Л. Казюренка // Кортик. Флот История. Люди. СПб., 2003. С. 43, 44, 46, 51; *Тимирев С. Н.* Воспоминания морского офицера / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. А. Е. Иоффе. СПб., 1998. С. 40—41; *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 189; РГА ВМФ. Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 142. Письмо А. Н. Павлова — Б. П. Дудорову 14 мая 1956 г.; Письмо Д. Федорова — Уайта — Б. П. Дудорову 19 июля 1949 г. Л. 73—об.

²⁶ *Козлов Д. Ю.* Стратегическое затишье. Некоторые подробности кампании 1916 г. на Балтийском море // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 3—4.

²⁷ *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 году // Морской сборник. 1926. № 8—9, август—сентябрь. С. 8.

²⁸ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 169—174.

²⁹ Там же. С. 174—186.

³⁰ РГА ВМФ. Ф. 481. Оп. 1 Д. 3. Л. 110—об.

³¹ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4095. Л. 2.

³² *Бубнов А. Д.* В Царской ставке. СПб., 1995. С. 98.

³³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 429. Л. 46—49.

³⁴ Там же. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 61. Воспоминания А. А. Завьялова.

³⁵ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 227—234; *Павлович Н. Б.* Развитие тактики военно-морского флота. Ч. III (от Первой мировой войны до Второй мировой войны). М., 1983. С. 186; *Рыжонков Г.* «Блестящее дело» Колчака // Военно-морское историческое обозрение. 1997. № 3. С. 19; *Д. Ю. Козлов, Е. Ф. Подсобляев, В. Ю. Грибовский.* «Должен признать... что к делу развития морской силы Колчак имел громадное влияние». К вопросу об эффективности управления силами

флота вице-адмиралом А. В. Колчаком // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 29—30.

³⁶ Дневники императора Николая II / Общая редакция и предисловие К. Ф. Шапило. М., 1991. С. 593.

³⁷ РГА ВМФ Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 203. Л. 2.

³⁸ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 429. Л. 59—60 об.

³⁹ Бубнов А. Д. В Царской ставке / Предисл. А. Е. Иоффе. СПб., 1995. С. 100, 101, 105, 125, 126.

⁴⁰ Д. Ю. Козлов, Е. Ф. Подсобляев, В. Ю. Грибовский. «Должен признать...». С. 33—34; Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914—1920 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского М.: 2014. С. 175.

⁴¹ Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. СПб., 1993. С. 185—186.

⁴² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...», С. 225.

⁴³ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998. С. 3.

⁴⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 73.

⁴⁵ Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой Колчаку. (18 июня 1916—17—18 мая 1917 г.). СПб.: 2002. Письмо № 18.

⁴⁶ РГА ВМФ Ф. 11. Оп. 11 Д. 45. Л. 189, 189а. Письмо М. С. Ивановой А. В. Колчаку 19 ноября 1916 г. Гельсингфорс.

⁴⁷ Милая химера в адмиральской форме. Письмо № 29.

⁴⁸ Там же. С. 123.

⁴⁹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 76.

⁵⁰ Милая химера в адмиральской форме. Письмо № 27.

⁵¹ Там же. Письмо № 3.

⁵² Там же. Письма № 12, 28, 32, 35.

⁵³ Там же. Письмо № 3.

⁵⁴ Там же. Письма № 2, 5, 10, 25.

⁵⁵ Там же. Письмо № 13.

⁵⁶ Там же. Письмо № 35; С. 147.

⁵⁷ Там же. Письмо № 35.

⁵⁸ Там же. Письмо № 9.

⁵⁹ Там же. Письмо № 26.

⁶⁰ Там же. Письмо № 8, 7.

⁶¹ Там же. С. 14—15.

⁶² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 143—144.

⁶³ Милая химера в адмиральской форме. Письмо № 19.

⁶⁴ Там же. С. 76, 79; Письма № 29, 34.

⁶⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 294.

⁶⁶ Арестант пятой камеры. М., 1990 С. 269—270; Дневники императора Николая II / Общая редакция и предисловие К. Ф. Шапило. М., 1991. С. 594; РГА ВМФ Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 102.

Глава 3

- ¹ РГА ВМФ Ф. 716. Оп. 1. д. 184. Л. 23; Ф. 609. Оп 1. Д. 851 Л. 1.
- ² Там же. Д. 198. Л. 17, 18; *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать...». С. 31
- ³ РГА ВМФ Ф. 609. Оп. 1. Д. 851. Л. 10.
- ⁴ Милая химера в адмиральской форме. С. 50.
- ⁵ Там же. С. 21.
- ⁶ РГА ВМФ Ф. 11. О. 1. Д. 45. Л. 170
- ⁷ Милая химера в адмиральской форме. С. 24.
- ⁸ РГА ВМФ Ф. 609. Оп. 1. Д. 851. Л. 21, 22.
- ⁹ *Д. Ю. Козлов, Е. Ф. Подсобляев, В. Ю. Грибовский.* «Должен признать...». С. 33—34.
- ¹⁰ РГА ВМФ Ф. 11, Оп. 1. Д. 45. Л. 102.
- ¹¹ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак — Верховный правитель России. М., 2006. С. 265.
- ¹² *Козлов Д. Ю., Подсобляев Е. Ф., Грибовский В. Ю.* «Должен признать...». С. 34—35.
- ¹³ РГА ВМФ Ф. 11, Оп. 1. Д. 45. Л. 102—106
- ¹⁴ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 437—438.
- ¹⁵ РГА ВМФ Ф. 11, Оп. 1. Д. 46. Л. 131—132.
- ¹⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 88, 89.
- ¹⁷ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 849. Л. 156, 206.
- ¹⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 50—54.
- ¹⁹ *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 198—199.
- ²⁰ РГА ВМФ Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 203. Л. 7.
- ²¹ *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 174—175.
- ²² Там же. С. 198.
- ²³ РГА ВМФ Ф. 315. Оп. 1. Д. 261. Л. 200.
- ²⁴ Там же. Л. 212.
- ²⁵ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5838 Л. 1—4.
- ²⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45 Л. 117—118; 135—136.
- ²⁷ Там же. Ф. 716. О. 1. Д. 198, Л. 129.
- ²⁸ РГА ВМФ Ф. 716. ОП. 1. Д. 198. Л. 136.
- ²⁹ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 902. Л. 88—110. Доклад А. В. Колчака И. К. Григоровичу; *Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны. С. 201.
- ³⁰ Адмирал А. В. Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария». Вводная статья, подготовка текста и комментарии А. Е. Иоффе и Л. И. Спиридоновой // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. 1994. С. 65—66.
- ³¹ *Зырянов П.* Адмирал Колчак — Верховный правитель России. М., 2006. С. 272.
- ³² Там же.

³³ Адмирал А. В. Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария». С. 67.

³⁴ Там же. С. 70.

³⁵ Там же. С. 70—71.

³⁶ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 910. Л. 69.

³⁷ Адмирал А. В. Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария». С. 67; РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 910. Л. 34.

³⁸ *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. Л. 1979. С. 236—241.

³⁹ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 910. Л. 108—114.

⁴⁰ *Бубнов А. Д.* В Царской ставке. С. 104.

⁴¹ РГА ВМФ Ф. 716. Оп. 1. Д. 184. Л. 202.

⁴² Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 169—170. Частично письмо опубликовано: Адмирал А. В. Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария». С. 73.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 196—199.

⁴⁴ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал 2008, № 11. С. 54.

⁴⁵ РГА ВМФ Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 183—184.

⁴⁶ Там же. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 10. Л. 266—об.

⁴⁷ Милая химера в адмиральской форме. С. 69.

⁴⁸ Там же. С. 67.

⁴⁹ Там же. С. 72, 80.

⁵⁰ Там же. Письма 16, 17, 20, 29.

⁵¹ Там же. С. 119.

⁵² Там же. С. 80.

⁵³ Там же. С. 123.

⁵⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 197.

⁵⁵ РГА ВМФ. 11. Оп. 1. Д. 46. Л. 198.

⁵⁶ Там же. Л. 200—201.

⁵⁷ *Рерберг Ф. Л.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 54—55.

⁵⁸ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 2. Д. 282. Л. 29.

⁵⁹ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 875. Л. 28—об.

⁶⁰ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 184. Л. 57—62.

⁶¹ Там же. Л. 69—об.

⁶² Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 261. Л. 212—215.

⁶³ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4099. Л. 7; Ф. 716. Оп. 1. Д. 287. Л. 2.

⁶⁴ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1235 Л. 1, 2, 24—27.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Приказы командующего Черноморским флотом за 1917 г.

⁶⁷ *Лаверычев В. Я.* По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967. С. 159; *Селезнев Ф. А.* Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 94.

⁶⁸ «Ничто не могло удержать флот от полного развала». Автобиография адмирала А. В. Колчака / Публ. И. Плотникова // Источник. 1996. № 4. С. 65; *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 13.

⁶⁹ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 55—56.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Милая химера в адмиральской форме. С. 87, 94, 99, 100.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 173^a.

⁷³ Там же. Л. 178—178^a.

⁷⁴ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1923. Т. IV. С. 10.

⁷⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 149.

⁷⁶ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 96.

⁷⁷ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 31—32, 50; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. 2-е изд., доп., с предисл. Ф. Раскольникова. М., 1932. С. 9; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг. М.; Л., 1948. С. 587; *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 93—94; *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 69.

⁷⁸ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 69.

⁷⁹ Там же. № 11. С. 52.

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 184. Л. 256.

⁸¹ *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. / Предисл. В. Г. Джанибеяна. Вступ. статья, сост., коммент. А. В. Репникова. М., 2003. С. 160—162.

⁸² Там же.

⁸³ *Минцлов С. Р.* Интимные рассказы Николая Николаевича // Сегодня. Рига. 1924. № 250. 2 ноября.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Волков С. В.* Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. I (А—К), т. II (Л—Я). М., 2009.

⁸⁶ *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. С. 161—162.

⁸⁷ Там же. С. 162.

⁸⁸ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1232. Л. 89. Автограф.

⁸⁹ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 197.

⁹⁰ Куликов С. В. Февральская «революция сверху» или фиаско «генералов для пронусаменто» // Россия XXI. 2004. № 4. С. 159.

⁹¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы / Ред. П. Е. Щеголев. Вступ. статьи Л. Китаева и М. Е. Кольцова. 2-е изд. дополненное. Л., 1927. Репринтное издание. М., 1990. С. 238.

⁹² Там же. С. 221.

⁹³ Лукин А. П. Бой над Ангерном. Эпилог // Последние новости. Париж. 1936. 8 сентября.

⁹⁴ Берберова Н. Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С. 72—73.

⁹⁵ Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 9.

⁹⁶ Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. С. 159.

⁹⁷ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 248.

⁹⁸ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 13.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002.

¹⁰¹ Там же. С. 67.

¹⁰² Кручина С. Тайны адмирала Колчака // Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2-х книгах. Книга первая. Части I, II. М., 2004. С. 11—13.

¹⁰³ Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006; Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. М., 2009.

¹⁰⁴ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 885. Л. 37.

¹⁰⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 150—152; Смолен А. В. «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак // Политическая история России в первой четверти XX в. СПб., 2006. С. 206—216.

¹⁰⁶ Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 56.

¹⁰⁷ Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 10. На допросе в 1920 г. в Иркутске А. В. Колчак изложил этот эпизод по-иному. — Допрос Колчака. Арестант пятой камеры. М., 1990. С. 288—289.

¹⁰⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 152.

¹⁰⁹ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 197.

¹¹⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 152.

¹¹¹ Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака] Публ. подготовил П. Конкин // Сибирь. 1991. № 1. С. 217.

¹¹² Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 9.

¹¹³ Рерберг Ф. П. Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 56.

¹¹⁴ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 152, 155.

¹¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 24.

¹¹⁶ Отречение Николая II. С. 226—228.

¹¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 47.

¹¹⁸ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 7.

¹¹⁹ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 10—11.

¹²⁰ Там же. С. 11; Революция в Крыму. Симферополь, 1927. № 1 (7). С. 189.

¹²¹ 3 марта 1917 г. приказ был опубликован в «Крымском вестнике» («Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...», С. 162—163). Никаких других сообщений на страницах газеты не появилось. Белая полоса на третьей странице свидетельствует о том, что редакция хотела поместить какую-то информацию, но цензура этому воспрепятствовала. Отметим, что и 1 марта газета вышла с белой полосой. Отсутствовали сообщения из столицы и 2 марта. При этом редакция уведомила читателей, что никаких телеграмм не получено. Таким образом, 2 и 3 марта информационная блокада еще продолжалась.

¹²² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 73.

¹²³ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 97.

¹²⁴ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 32.

¹²⁵ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника (1914—1918 гг.)). Пг., 1918. С. 67.

¹²⁶ Там же. С. 68.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 71.

¹²⁹ РГА ВМФ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 58. Л. 90—91 об.

¹³⁰ Отречение Николая II. С. 238—239.

¹³¹ Допрос Колчака. С. 290.

¹³² *Петров М.* Кризис морского командования в 1916 году // Морской сборник. 1926. № 8—9, август—133 *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1994. С. 136.

¹³⁴ *Смолин А. В.* Морской заговор — миф или реальность // История России нового и новейшего времени. Сб., посвященный 75-летию проф. Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 118.

¹³⁵ *Богданов К. А.* Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993. С. 89.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 301.

¹³⁸ Февральская революция 1917 года (Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 32.

¹³⁹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 97.

¹⁴⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 253.

¹⁴¹ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 4.

¹⁴² Там же. С. 13.

¹⁴³ *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 148.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.

¹⁴⁶ Допрос Колчака. С. 283.

¹⁴⁷ Там же. С. 284, 285.

¹⁴⁸ Там же. С. 284.

¹⁴⁹ См.: *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Книга вторая. Часть III. С. 20, 23—26; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. С. 67, 68; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 304.

¹⁵⁰ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 44.

¹⁵¹ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 12—13.

¹⁵² *Будберг А.* Дневник // Архив русской революции. Т. XIV. М., 1992. Репринт. С. 325.

¹⁵³ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 97.

Глава 4

¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 34; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 12, 13; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 305—306. Это выступление сам Колчак относил к признакам начавшегося разложения. — Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 22.

² См.: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2005; *Поршинева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 221.

³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 229.

⁴ *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 8—9. (67—68). С. 148; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. С. 589.

⁵ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 71.

⁶ *Колоницкий Б.* Память о первой российской революции в 1917 г.: случаи Севастополя и Гельсингфорса // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 2. С 17—37.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 189.

⁸ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 36; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 13; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 306—307.

⁹ *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917 г. С. 149. Приказ об отстранении от должности коменданта крепости и военного губернатора Севастополя контр-адмирала М. М. Веселкина подписан А. В. Колчаком 30 марта 1917 г. — *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // *Русский сборник: исследования по истории России*. Т. III. М., 2006. С. 233; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. С. 591.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 204; Д. 113. Л. 171; Д. 114. Л. 10; *Крымский вестник*. 1917. 6 марта.

¹¹ РГА ВМФ. Л. 229, Д. 113. Л. 189; *Февральская революция 1917 года* // *Красный архив*. 1927. Т. 3 (22). С. 57.

¹² РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 2. Д. 921. Л. 324.

¹³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 196.

¹⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3. Л. 240, 251.

¹⁵ Там же. Л. 242, 243, 244.

¹⁶ *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году*. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля—25 октября 1917 года. Т. 1. 27 февраля—31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 56—57.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 184, 185; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 307.

¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 180.

¹⁹ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 72.

²⁰ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 307—308.

²¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 224. Телеграмма М. И. Смирнова — А. Д. Бубнову 7 марта 21 ч.; *Крымский вестник*. 1917. 9 марта; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 14—15; *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 73; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. С. 591. *Широков В. А.* Бурям навстречу. Киев. 1987. С. 23, 24.

²² *Широков В. А.* Бурям навстречу. С. 29.

²³ *Крымский вестник*. 1917. 9 марта.

²⁴ Там же. 10 марта; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 232.

- ²⁵ Крымский вестник. 1917. 12 марта.
- ²⁶ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 50; *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 46.
- ²⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 157.
- ²⁸ Там же. С. 157—158.
- ²⁹ Там же. С. 157.
- ³⁰ РГА ВМФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—2.
- ³¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 161.
- ³² Там же. С. 166.
- ³³ См.: Милая химера в адмиральской форме. С. 73, 101; *Пилкин В. К.* Два адмирала // Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918—1920. М., 2005. С. 485, 495; *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 15—16; РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 203. Л. 7—8; Ф. Р-2246. Оп. 1. Д. 77. Л. 72 об.
- ³⁴ Милая химера в адмиральской форме. С. 169, 185.
- ³⁵ Там же. С. 179.
- ³⁶ Крымский вестник. 1917. 21 марта; *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 57.
- ³⁷ Крымский вестник. 1917. 19 марта.
- ³⁸ Там же. Ф. Р. 342 Оп. 1. Д. 3. Л. 188.
- ³⁹ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1—5.
- ⁴⁰ *Смолин А. В.* Ревель и Петроград в 1917—1918 гг. в дневнике барона Н. А. Типольта // Проблемы исторического регионоведения. Сб. научн. трудов. Вып. II: К 70-летию профессора В. И. Хрисанфова / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. СПб., 2009. С. 319.
- ⁴¹ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 63.
- ⁴² *Головин П. Н.* Дневник 24 июля 1895 г. РГА ВМФ Ф. 763. Оп. 1. Д. 36. Л. 28—28 об.
- ⁴³ *Пилкин В. К.* Два адмирала // Пилкин В. К. Адмирал в Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918—1920. М., 2005, С. 485.
- ⁴⁴ Там же. С. 165.
- ⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 24, 27.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 45. Л. 229.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 252. Л. 2.
- ⁴⁸ *Кришевский Н.* В Крыму (1916—1918 г.) // Архив русской революции. Репринт. М., 1992. Т. 13. С. 75.
- ⁴⁹ Там же. С. 72.
- ⁵⁰ РГА ВМФ Ф. 1311. Оп. 1. Д. 52. Л. 35.
- ⁵¹ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 78.

⁵² *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 233.

⁵³ Утро России. 1917. 13 апреля.

⁵⁴ РГА ВМФ Ф. 609 Оп. 1. Д. 1234. Л. 236.

⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 50, 51.

⁵⁶ *Широков В. А.* Бурям на встречу. С. 48, 49.

⁵⁷ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 38.

⁵⁸ *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 21, 37, 56, 57.

⁵⁹ Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского флота (1917—1927 гг.). Справочник / С. С. Бережной, Т. Д. Лысикова, В. С. Гигаури и др. М., 1981. С. 170; РГА ВМФ Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 28 Л. 107.

⁶⁰ Милая химера в адмиральской форме. С. 203.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 28.

⁶² Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

⁶³ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 314—315; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 22.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 819. Л. 29—30; Д. 117. Л. 29, 32.

⁶⁵ Там же. Д. 117. Л. 32.

⁶⁶ Там же Л. 31. Следует отметить, что М. В. Алексеев весьма нервно реагировал на перестановки в высшем командном составе без согласования с ним. Так, в конце апреля А. И. Гучков предложил вместо генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом, назначить генерала Л. Г. Корнилова, мотивируя это политической необходимостью. В ответ он получил отказ с угрозой отставки. — Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 11—12.

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 31.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 2. Л. 99, 108, 114.

⁷⁰ Там же. Ф. 418 Оп. 1. Д. 538. Л. 410—413. Разговор В. В. Романова со штабом Северного фронта 21 апреля 1917 г.

⁷¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 68.

⁷² *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 316.

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 52.

⁷⁴ Там же. Л. 53.

⁷⁵ *Ушаков А., Федюк В.* Лавр Корнилов. М., 2006. С. 206.

⁷⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 11—12, 77—79.

⁷⁷ Там же. С. 102—103.

⁷⁸ Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 15 апреля.

⁷⁹ В литературе ситуация с отсутствием А. С. Максимова излагается по следственному делу А. В. Колчака. — Допрос Колчака. С. 296—298; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 316.

⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1.

⁸¹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 24.

⁸² РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 142.

⁸³ Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218.

⁸⁴ *Иорданский Н.* Адмирал Колчак. Из воспоминаний // Путь (Гельсингфорс) 1921. 11 февраля.

⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 245, 249; *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 34; *Елизаров М. А.* Матросские массы в 1917—1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 47.

⁸⁶ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 53.

⁸⁷ Там же. С. 51—52.

⁸⁸ *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке 1917—1922 гг. М., 1985. С. 162; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 24; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 538. Л. 412, 414.

⁸⁹ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 316—323.

⁹⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 195.

⁹¹ Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака]. С. 218; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 172, 175, 177, 180, 190, 194, 195; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21; «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

⁹² *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 323. Колчак произнес две речи. Одну в Морском собрании перед офицерами, другую на делегатском собрании. — *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21; Крымский вестник. 1917. 28 апреля.

⁹³ «Отечество в критическом положении». Выступление А. В. Колчака. Апрель 1917 г. Сообщение в Офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе / Публ. К. Г. Ляшенко // Исторический архив. 1997. № 2. С. 26.

⁹⁴ Там же. С. 26, 27, 28.

⁹⁵ Там же. С. 26.

⁹⁶ Там же. С. 32, 33.

⁹⁷ Там же. С. 28.

⁹⁸ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 25.

- ⁹⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 917. Л. 22.
- ¹⁰⁰ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 21.
- ¹⁰¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 65; *Милая химера в адмиральской форме.* С. 215—216; *Крымский вестник.* 1917. 27, 28 апреля.
- ¹⁰² *Крымский вестник.* 1917. 3 мая.
- ¹⁰³ *Михеева Г. В.* «Матрос» Федор Баткин и его архив в Нью-Йоркской публичной библиотеке // Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. статей и материалов всероссийской науч. конф. / СПб. гос. ун-т культуры и искусств. Науч. ред. И. А. Шемракова, П. Н. Базанов. СПб., 2004. С. 112—119; *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть. С. 58.
- ¹⁰⁴ *Милая химера в адмиральской форме.* С. 214—215; *Неизвестное интервью [адмирала А. В. Колчака].* С. 218.
- ¹⁰⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 210.
- ¹⁰⁶ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 65; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 42; *Тарпан Г.* Боевые страницы Черноморского флота. М.; Л., 1929. С. 26.
- ¹⁰⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 169.
- ¹⁰⁸ *Кожевин В. Л.* Адмирал А. В. Колчак и революционные события на Черноморском флоте весной 1917 года. С. 51—52; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 237.
- ¹⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 245, 260.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 249.
- ¹¹¹ Там же Ф. 609. Оп. 2. Д. 922. Л. 42.
- ¹¹² *Крымский Вестник.* 1917. 14 марта.
- ¹¹³ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.
- ¹¹⁴ *Крымский Вестник.* 1917. 19, 21, 23 марта.
- ¹¹⁵ Там же 22 марта.
- ¹¹⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 5. Л. 199; Д. 15. Л. 74.
- ¹¹⁷ *Крымский Вестник.* 1917. 18 апреля.
- ¹¹⁸ Там же: 10 марта, 25 марта, 8 апреля, 9 апреля, 11 апреля, 18 апреля, 23 апреля; РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 87 об.
- ¹¹⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 87; Д. 16. Л. 48; Д. 5. Л. 232, 499.
- ¹²⁰ *Крымский вестник.* 1917. 30 апреля, 2 мая. РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 92; Д. 16. Л. 61, 67; Д. 17. Л. 39; Д. 5. Л. 284.
- ¹²¹ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 62.
- ¹²² РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 85.
- ¹²³ Там же. Д. 13. Л. 80.
- ¹²⁴ *Крымский вестник.* 1917. 4 мая.

¹²⁵ Там же. 11 мая. «Коль славен наш Господь в Сионе» («Песнь Ангелов») — духовный гимн. В нем славился Господь. Его исполняли во время церемоний памяти павших, крестных ходов, церковных парадов при производстве юнкеров в офицеры.

¹²⁶ *Рерберг Ф. П.* Вице-адмирал Колчак на Черноморском флоте // Военно-исторический журнал. 2008. № 12. С. 62.

¹²⁷ *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. С. 70.

¹²⁸ *Колоницкий Б.* Память о первой российской революции в 1917 г. С. 024—026.

¹²⁹ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 233—235.

¹³⁰ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 72—76; Крымский вестник. 1917. 16 мая; *Найда С. Ф.* Революционное движение в царском флоте. С. 592. РГА ВМФ Ф. 716 Оп. 1. Д. 277. Л. 129; Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 56, 57.

¹³¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 917. Л. 45. По сообщению газеты «Крымский вестник» от 16 мая 1917 г., Петрова арестовали в 1:00 13 мая, то есть Колчак послал телеграмму, не дожидаясь ареста.

¹³² Допрос Колчака. С. 303—304.

¹³³ «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

¹³⁴ Крымский вестник. 1917. 16 мая.

¹³⁵ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 76; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 328—329.

¹³⁶ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 235.

¹³⁷ Допрос Колчака. С. 312—313.

¹³⁸ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 329—330.

¹³⁹ Допрос Колчака. С. 314; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары: пер. с англ. М., 1993. С. 196; *он же.* Русская революция 1917 / Пер. с фр. Е. В. Нетесовой. М., 2005. С. 187—188.

¹⁴⁰ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 79—83; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 49—51; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 330—331; *Колоницкий Б.* Память о первой российской революции в 1917 г. С. 026.

¹⁴¹ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 4, 21. О ненависти А. В. Колчака к «керенщине» упоминается и в воспоминаниях Г. К. Гинса. — *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007. С. 19; «Ничто не могло удержать флот от полного развала. Автобиография адмирала А. В. Колчака // Источник. 1996. № 4. С. 66.

¹⁴² «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

¹⁴³ Допрос Колчака. С. 314.

¹⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

¹⁴⁵ Там же. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 288.

¹⁴⁶ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 87; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917 г. С. 161; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 333; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 235—236.

¹⁴⁷ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 85; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 54; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 336.

¹⁴⁸ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 76—77.

¹⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 39.

¹⁵⁰ Там же. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 82, 83; Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 208, 209; Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333. Л. 33, 40.

¹⁵¹ Беседа с адмиралом Колчаком // Русские ведомости. 1917. 13 июня.

¹⁵² *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 59; *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 85; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. С. 80—81; *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 324.

¹⁵³ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 334.

¹⁵⁴ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 237—238.

¹⁵⁵ *Верховский А. И.* Россия на Голгофе. С. 80.

¹⁵⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 185.

¹⁵⁷ Там же. С. 185, 202.

¹⁵⁸ Цит. по *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 14.

¹⁵⁹ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 336; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113. Л. 307—309.

¹⁶⁰ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 88.

¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 42; *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 324—325.

¹⁶² *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 88—89; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 239.

¹⁶³ Цит. по *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 327.

¹⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 277. Л. 244.

¹⁶⁵ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 25.

¹⁶⁶ Цит. по *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 329.

¹⁶⁷ Русские ведомости. 1917. 13 июля.

¹⁶⁸ *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 165.

¹⁶⁹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 89.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 197.

¹⁷² РГА ВМФ. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1. Л. 92, 99. На телеграмме сделано примечание «7/VI сдал Лукину В. К.».

¹⁷³ Там же Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 45.

¹⁷⁴ Там же. Л. 44.

¹⁷⁵ Там же. Л. 45.

¹⁷⁶ Там же. Л. 44.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 330; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. С. 338; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д 920. Л. 2—4. Телегр. лента.

¹⁷⁹ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 338.

¹⁸⁰ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 28.

¹⁸¹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 90.

¹⁸² *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. С. 330—331; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 117. Л. 46.

Глава 5

¹ РГА ВМФ Ф. 609. Оп. 2. Д. 926. Л. 212.

² См.: *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 15; *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. С. 87; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 340; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 149.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-397. Оп. 3. Д. 6. Л. 52—53. По американским данным, трех. — Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона в Севастополе / Публ. подг. С. В. Дроков // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 84.

⁴ Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона. С. 84; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 167.

⁵ Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона. С. 81—82, 84, 85; РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 416. Л. 72 об.

⁶ Военно-морская миссия контр-адмирала Гленнона. С. 8. В докладе даты даны по новому стилю.

⁷ Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку / Публ. подг. С. В. Дроков // Отечественные архивы. 1996. № 1. С. 78; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

⁸ *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 151.

⁹ Там же. С. 155; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 241.

¹⁰ Допрос Колчака. С. 320; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 28.

¹¹ *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 27.

¹² *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 15; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 149; *Федотов-Уайт Д. Н.* Пережитое. Война и революция в России. М., 2018, С. 192.

¹³ *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

¹⁴ Русские ведомости. 1917. 13 июня.

¹⁵ Маленькая газета. 1917. 13 (26) июня; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 340—341.

¹⁶ Маленькая газета. 1917. 13 (26) июня.

¹⁷ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 341.

¹⁸ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. М., 2002. С. 250—251; Допрос Колчака. С. 321—322; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 28; *Смирнов М. И.* Адмирал Александр Васильевич Колчак во время революции в Черноморском флоте. С. 29; *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 241.

¹⁹ *Платонов А. П.* Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. С. 92; *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917—1918 гг. С. 59.

²⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. В 5 томах. М., 2002. Т. 3. С. 313, 316, 319, 324.

²¹ Допрос Колчака. С. 322—323; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156

²² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 203.

²³ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 16; Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку. С. 77; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 156.

²⁴ Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку. С. 77.

²⁵ *Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. С. 241.

²⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 210, 213.

²⁷ *Федоров-Уайт Д. Н.* Пережитое. С. 195.

²⁸ Там же. С. 209, 228.

²⁹ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 20—21; *Юрченко В. В.* Колчак А. В. // Политические деятели России. 1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993. С. 161; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 227—228.

³⁰ Там же. С. 229.

³¹ Записки старшего лейтенанта В. С. Макарова // Морские записки. 1943. Т. 1. № 4. С. 104; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 349.

³² *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 16.

³³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 203, 205.

³⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 119. Л. 2.

³⁵ Там же. С. 203.

³⁶ *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 157.

³⁷ Там же.

³⁸ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 458.

³⁹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 30.

⁴⁰ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 18; *он же.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 164.

⁴¹ «Ничто не могло удержать флот от полного развала». С. 66.

⁴² *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 54; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 348.

⁴³ *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 163—165; *он же.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 18, 54; *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России 1905—1917. М., 1989. С. 204.

⁴⁴ *Иванов Г.* Петербургские зимы: В 3 т. Т. 3. С. 53.

⁴⁵ Милая химера в адмиральской форме. С. 223.

⁴⁶ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 346.

⁴⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 205, 207; *Кожевин В. Л.* Деятельность Союза офицеров армии и флота (май—август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 141.

⁴⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 207.

⁴⁹ *Иоффе Г. З.* «Белое дело». Генерал Корнилов / Отв. ред. В. П. Наумов. М., 1989. С. 59—60.

⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 3. Л. 287.

⁵¹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 30.

⁵² *Иоффе Г. З.* Из истории кадетско-монархической контрреволюции в России. С. 166.

⁵³ Милая химера в адмиральской форме. С. 73, 101; «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 160.

⁵⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокоманду-

ющем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г.— июнь 1918 г. В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 103, 106, 197, 546.

⁵⁵ *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 17—19; *он же.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 59—60; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 344—346, 348.

⁵⁶ Биржевые ведомости. 1917. 15 июля; *Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории. С. 158.

⁵⁷ Допрос Колчака. С. 333.

⁵⁸ Военно-морская миссия вице-адмирала А. В. Колчака в Америку. С. 79; *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 348.

⁵⁹ Допрос Колчака. С. 333, 468; Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 503.

Глава 6

¹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 30.

² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 210—213.

³ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 4162. Л. 62.

⁴ Допрос Колчака. С. 336—337.

⁵ Цит. по *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. С. 21. Некий Владимир Вадимович — это начальник Статистического отдела МГШ, капитан 2-го ранга Владимир Вадимович Романов.

⁶ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 227—228.

⁷ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 31.

⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 234.

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Допрос Колчака. С. 338—339.

¹³ РГА ВМФ Ф. Р-2110. Оп. 1. Д. 13. Л. 75.

¹⁴ Там же Л. 69—70.

¹⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 275.

¹⁶ Там же. С. 235; П. Флеминг. Судьба адмирала Колчака. 1917—1920 / Пер. с англ. Л. А. Игоревского М., 2006. С. 29.

¹⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 235; *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. С. 29, 31.

¹⁸ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 236.

¹⁹ Там же. С. 235, 236.

²⁰ Там же. С. 274.

²¹ Там же. С. 238—239.

- ²² Там же. С. 240.
- ²³ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 267.
- ²⁴ РГА ВМФ Ф. 609. Оп. 1. Д. 1235. Л. 28—29.
- ²⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 241.
- ²⁶ Там же. С. 247.
- ²⁷ Там же. С. 253—254.
- ²⁸ Там же. С. 258.
- ²⁹ Там же. С. 273—274.
- ³⁰ *Муссолини Б.* Доктрина фашизма // Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М.: 1997. С. 242.
- ³¹ *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. С. 314.
- ³² «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 246, 247.
- ³³ *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. С. 33.
- ³⁴ Допрос Колчака. С. 346; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 32—33.
- ³⁵ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 284.
- ³⁶ Там же. С. 285.

Глава 7

- ¹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 33—35. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 284—285.
- ² *П. Флеминг.* Судьба адмирала Колчака. С. 56.
- ³ Там же. С. 54—57. *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак. С. 364—365; Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 33—35.
- ⁴ *Будберг А.* Дневник. 1917—1919. М.: 2016. С. 166, 179, 192, 197, 204.
- ⁵ Цит. по: *Перейра Н.* Сибирь: Политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 163.
- ⁶ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 39.
- ⁷ «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 85.
- ⁸ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. В 2 кн. Книга первая. Части I/II. М., 2004. С. 137—160; *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
- ⁹ *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. С. 100.
- ¹⁰ Там же. С. 100.
- ¹¹ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 55.

¹² Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.) / Сост., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндреса. Рязань, 2006. С. 91.

¹³ Там же.

¹⁴ Допрос Колчака. С. 387, 388.

¹⁵ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Там же.

Глава 8

¹ Цит. по: *Перейра Н.* Сибирь: Политика и общество в Гражданской войне. С. 47.

² *Устрялов Н. В.* Белый Омск. Дневник колчаковца / Подг. текста, предисл. и коммент. А. В. Смолина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах 1911. № 2. С. 289.

³ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 110, 111.

⁴ Там же. С. 136; Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920 / Подг., текста, вступ. ст. В. П. Жобер, примеч. В. П. Жобер и К. В. Чашина. М., 2016. С. 336, 339—340.

⁵ РГА ВМФ Ф. Р-2028. Оп 2 д. 13 л. 20—26.

⁶ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 116, 118—119.

⁷ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. С. 341, 345, 342, 343.

⁸ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 119.

⁹ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. С. 341.

¹⁰ *Климушкин П. Д.* Гражданская война на Волге. Ч. II. Ликвидация демократии. Воспоминания. Прага, 1926 // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 111.

¹¹ Там же. С. 112.

¹² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. С. 345.

¹³ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 135; *Зырянов П.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006. С. 407.

¹⁴ Там же. С. 346.

¹⁵ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 116—117.

¹⁶ *Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. С. 115.

¹⁷ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли Члена Омского Правительства). М., 2008. С. 205.

¹⁸ Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 44.

¹⁹ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. С. 138—141.

Глава 9

¹ Журнал заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства 18 ноября 1918 г. // Процесс над колчаковскими министрами. Май, 1920 / Под ред. А. Н. Яковлева; Отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003. С. 533.

² Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 117—119; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 205—211; Журнал заседания Совета министров Временного Всероссийского правительства 18 ноября 1918 г. // С. 525—528.

³ Колчак Р. Адмирал Колчак, его род и семья // Военно-исторический вестник № 16. Ноябрь, 1960 С. 19.

⁴ Будберг А. Дневник. 1917—1919. М., 2016. С. 319—320.

⁵ Климушкин П. Д. Гражданская война на Волге. Ч. II. С. 114.

⁶ РГА ВМФ Ф. Р-1772. Оп. 3. Д. 7. Л. 55.

⁷ Климушкин П. Д. Гражданская война на Волге. Ч. II. С. 82—83.

⁸ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 119.

⁹ Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семенов (К истории «Семеновского инцидента») // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917—1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 176—184

¹⁰ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 120.

¹¹ Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917—1920 гг.) М., 2017, С. 181.

¹² Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. С. 349.

¹³ Будберг А. П. Дневник. 1917—1919. С. 439, 791, 792, 794.

¹⁴ РГА ВМФ Ф. р-1772. Оп. 3. Д. 147 Л. 7.

¹⁵ Гинс Г. К. Сибирь союзники и Колчак. С. 241.

¹⁶ Допрос Колчака. С. 345.

¹⁷ РГА ВМФ Ф. р-1772. Оп. 3. Д. 145. Л. 17.

¹⁸ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенцы. Новониколаевск. 1925. С. 111—113.

¹⁹ Климушкин П. Д. Гражданская война на Волге. Ч. II. С. 81.

²⁰ РГА ВМФ Ф. р-2028. Оп. 2 Д. 13. Л. 41—42.

²¹ Там же. Ф. р-1772. Оп. 3. Д. 7. Л. 55, 59.

²² *Климушкин П. Д.* Гражданская война на Волге. Ч. II. С. 81.

²³ Там же. С. 113—115

²⁴ *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты. С. 116.

Глава 10

¹ РГА ВМФ Ф. р-1722. Оп. 3. Д. 7. Л. 69.

² *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. С. 185—186.

³ Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919. Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 168—169.

⁴ *Будберг А.* Дневник. 1917—1919. С. 795, 796.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Там же. С. 476.

⁷ РГА ВМФ Ф. р-1722. Оп. 3. Д. 7. Л. 60, 67 об., 92 об., 93 об., 97 об., 98.

⁸ *Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. С. 451; *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. С. 105—107; *Будберг А.* Дневник. 1917—1919. С. 437—440; 793, 794.

⁹ Правительственный вестник 1918. 19, 23, 25, 28 декабря.

¹⁰ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 362.

¹¹ *Жанен П. М.* Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Л., 1930. С. 108—109; РГА ВМФ Ф. р-1722. Оп. 3. Д. 7. Л. 118.
¹² Омские события при Колчаке, 21—23 декабря 1918 г. / Публ. М. Константинова // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 208.

¹³ *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. С. 190—191.

¹⁴ *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании. С. 124—125.

¹⁵ *Ратьковский И. С.* Хроника белого террора в России. С. 191—193.

¹⁶ Там же. С. 192.

¹⁷ *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании. С. 125

¹⁸ Там же. С. 124.

¹⁹ Допрос Колчака. С. 443, 444, 448.

²⁰ *Вологодский П. В.* Во власти и в изгнании. С. 122.

²¹ Правительственный вестник. 1918. 25 декабря.

²² *Будберг А.* Дневник. 1917—1919. С. 385.

²³ Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. С. 357.

²⁴ Там же. С. 369.

²⁵ *Будберг А.* Дневник. 1917—1919. С. 657.

²⁶ Там же. С. 579.

²⁷ Там же. С. 353.

²⁸ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. С. 322—323.

²⁹ Сибирская речь. 9, 12, 13, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 27 февраля 1919 г.

³⁰ Русская армия. 27 февраля 1919 г.

³¹ Там же, 28 февраля 1919 г.

³² Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 441; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 380.

³³ «Правительственный вестник» 8, 15 мая 1919; «Заря» 10, 15 мая 1919; «Сибирская речь» 17, 18 мая 1919.

³⁴ Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 168—169.

³⁵ Там же. С. 170—174.

³⁶ Иностранцев М. А. Первое поручение адмирала Колчака // Белое дело. Летопись белой борьбы. Под редакцией А. А. фон Лампе. Берлин. 1927. Т. 1. С. 99.

³⁷ Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 429—430, 595—596.

³⁸ Подробнее см.: Смолин А. В. У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г. СПб., 2017. Гл. 3, 4.

³⁹ Там же. С. 183—195.

⁴⁰ РГА ВМФ Ф. р-1722 Оп.1 Д. 12. Л. 10—15.

⁴¹ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 446—469.

⁴² Там же. С. 464.

⁴³ Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 439, 778.

⁴⁴ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 461, 464.

⁴⁵ Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 679.

⁴⁶ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 461.

⁴⁷ Там же. С. 382.

⁴⁸ Там же. С. 383.

⁴⁹ Военно-исторический вестник. 1960 № 16. С. 18.

⁵⁰ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 449.

⁵¹ Рапорт капитана Колесникова начальнику N-дивизии // Борьба за Урал и Сибирь. С. 344.

⁵² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 340

⁵³ Там же. С. 340, 351.

⁵⁴ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. Отв. ред. В. И. Шишкин, М. 2003. С. 583.

⁵⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 464.

⁵⁶ Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 332.

⁵⁷ Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. М., С. 479, 480, 484—488, 489, 490, 491; Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917—1920). М., 2006. С. 250—254.

⁵⁸ Цит. по: Перейра, Норман Г. О. Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. С. 119.

⁵⁹ Там же. С. 120; Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 538—534.

⁶⁰ Будберг А. П. Дневник. 1917—1919. С. 685.

⁶¹ Там же. С. 496.

⁶² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 382.

¹ РГА МФ Ф. р-1722. Оп.3. Д. 80. Л. 1 об.

² Вологодский П. В. Во власти и в изгнании. С. 192, 196, 197; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 440; Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. С. 173.

³ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. С. 442—444. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 2. С. 330.

⁴ Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. С. 169; Будберг А. Дневник. 1917—1919. С. 642.

⁵ Последние дни колчаковщины. Сб. документов. М.; Л., 1926, С. 54.

⁶ Там же. С. 93—94.

⁷ Там же. С. 112—113.

⁸ Занкевич. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске // Белое дело. Летопись белой борьбы. Под редакцией А. А. фон Лампе. Берлин. 1927. Т. 2. С. 149; Дроков С. В. Адмирал Колчак и суд истории. С. 85.

⁹ РГА ВМФ Ф. р-1722. Оп. 3. Д. 80. Л. 12.

¹⁰ ЦГИА СПб Ф. 2297. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

¹¹ Последние дни колчаковщины. С. 65.

¹² Сахаров К. В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918—1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 152.

¹³ Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 357.

¹⁴ Условия мирного соглашения правительства РСФСР с чехословацкими войсками в Сибири // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи. М.; Л., 1926. С. 359.

¹⁵ Смирнов И. Конец борьбы. Перемирие с чехословаками // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи. М.; Л., 1926. С. 311; Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи. М.; Л., 1926. С. 302.

¹⁶ Смирнов И. Конец борьбы. Перемирие с чехословаками. С. 334.

¹⁷ Последние дни колчаковщины. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 208—209.

¹⁹ Там же. С. 310.

²⁰ Военно-исторический журнал. 1964. № 4. С. 126—127.

²¹ Допрос Колчака. С. 393.

²² Ленин В. И. Известные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 329.

²³ Будберг А. П. Дневник. 1917—1919. С. 779.

²⁴ «Милая обожаемая моя Анна Васильевна...». С. 89.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Будберг А. П.* Дневник. 1917—1919. М., 2016.
- Вологодский П. В.* Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.) / Сост., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндерса. Рязань, 2006.
- Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920. М., 2008.
- «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Т. В. Павлова, Ф. Ф. Перченко, И. К. Сафонов. М., 1996.
- Милая химера в адмиральской форме. Письма А. В. Тимиревой А. В. Колчаку 18 июля 1916—17—18 мая 1917 г. / Изд. подг. А. В. Смолин, Л. И. Спиридонова. СПб., 2002; изд. 2-е, СПб., 2017.
- Ненюков Д. В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания 1914—1920 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Посадского. М., 2014.
- Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 84—97; № 6. С. 21—58.
- Последние дни колчаковщины. Материал подготовлен к печати М. М. Константиновым. М.; Л., 1926.
- Пройти Берингов пролив и закончить во Владивостоке. Документы русской полярной экспедиции 1900—1902 гг. Публикация Л. Спиридоновой, А. Иоффе // Источник. 1997 № 3.
- Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Отв. ред. В. И. Шишкин. М., 2003.
- Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г. А. Трукан. Составители: Л. И. Петрушева, Е. Ф. Теплова. М., 1995.
- Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920. М., 2016.

Литература

- Богданов К. А.* Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993.
- Дроков С. В.* Адмирал Колчак и суд истории М., 2009.
- Зырянов П. Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М., 2006.
- Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
- Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию: В 2-х кн. М.: 2000.
- Кручинин А. С.* Адмирал Колчак. Жизнь подвиг, память. М., 2009.
- Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1—2. М., 2004.
- Майорова Г. В.* Александр Васильевич Колчак: «Нет ничего выше Родины и служения Ей». М., 2016.
- Перейра Н. Г.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996.
- Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М., 2002.
- Рунов В. А., Португальский Р. М.* Адмирал Колчак. М.: 2007.
- Синюков В. В.* Александр Васильевич Колчак: Ученый и патриот в 2 ч. Ч. 1.: Начало жизненного пути и арктические исследования. Ч. 2: Командующий Черноморским флотом и Верховный правитель России. М., 2009.
- Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012.
- Смолин А. В.* У закрытых дверей Версальского дворца. Парижская мирная конференция и русская дипломатия в 1919 г. СПб., 2017.
- Флеминг П.* Судьба адмирала Колчака. 1917—1920 / Пер. с англ. Л. А. Игорева. М., 2006.
- Хандорин В. Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017.
- Шмелев А. В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака 1918—1919. СПб., 2017.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Выбор пути	6
Глава 2. «Начало войны было одним из самых счастливых и лучших дней моей службы...»	21
Глава 3. Командующий флотом	51
Глава 4. «Революционный» командующий флотом	88
Глава 5. Кандидат в диктаторы	126
Глава 6. Период странствий	137
Глава 7. Харбинское сидение	148
Глава 8. Дорога к диктатуре	158
Глава 9. 18 ноября 1918 года	168
Глава 10. На вершине пирамиды	177
Глава 11. Исход	198
Примечания	210
Библиография	237
Источники	237
Литература	238

Анатолий Васильевич Смолин

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Научно-популярная литература»*

Редактор издательства *Л. А. Галаганова*

Художник *П. Палей*

Технический редактор *О. В. Новикова*

Компьютерная верстка *О. В. Новиковой*

Подписано к печати 28.02.2018.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.0. Уч.-изд. л. 12.0.

Тираж 3000 экз. (1-й завод 1—1000 экз.). Тип. зак. № 369

Издатель: Санкт-Петербургский филиал

ФГУП «Издательство «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Адрес для корреспонденции:

199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1

main@nauka.nw.ru

www.naukaspb.com

ISBN 978-5-02-039687-6

9 785020 396876

А. В. СМОЛИН

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

Героем данной книги является одна из самых противоречивых фигур российской истории начала XX века — адмирал Александр Васильевич Колчак. Вне зависимости от того, кем представляли его друзья или враги — спасителем России или человеком, сыгравшим в ее истории крайне негативную роль, Колчак давно превратился в символ Белого движения в годы Гражданской войны. Профессор А. В. Смолин (Институт истории СПбГУ) представляет читателю биографию реального человека — русского офицера и политического деятеля смутного времени.

Для студентов и преподавателей гуманитарных вузов и всех интересующихся российской историей.